

В. И. БОВШ

**ФУТУРОЛОГИЯ
И
АНТИКОММУНИЗМ**

АКАДЕМИЯ НАУК БССР
Институт философии и права

В. И. БОВШ

ФУТУРОЛОГИЯ И АНТИКОММУНИЗМ

Научный редактор
заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор философских наук,
профессор Ф. Т. КОНСТАНТИНОВ

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА И ТЕХНИКА»
1977

Б 72
1 ФБ

Рецензенты:

доктор философских наук Г. П. Давидюк,
кандидаты философских наук И. В. Прудник, А. В. Бодаков

10506—104
Б—————3—77
М316—77

© Издательство «Наука и техника», 1977

ВВЕДЕНИЕ

Наше время характеризуется динамичным поступательным развитием мирового социалистического содружества, успехами народной борьбы во всем мире против господства капитала, за социальное преобразование общества. Произошел поворот от «холодной войны» к разрядке, который явился отражением важного сдвига в соотношении мировых сил в пользу социализма. В этих условиях Советский Союз и братские социалистические страны, как подчеркивается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, с удвоенной энергией добиваются «обуздания сил войны и агрессии, упрочения всеобщего мира, обеспечения права народов на свободу, независимость и социальный прогресс»¹. Подлинно классовая интернационалистическая и в то же время глубоко гуманная политика мирового социализма помогает строительству мирного будущего всего человечества.

На фоне достижений социализма и его глубокого преобразующего воздействия на судьбы всего человечества особенно ярко проявляется историческая бесперспективность капиталистической системы. Л. И. Брежнев в речи на Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы отметил, что углубляющийся общий кризис капитализма — это отнюдь не только экономический, но также политический и моральный кризис. Он все больше убеждает массы, что капитализм — общество, лишённое будущего². Не имея ни сил, ни средств устра-

¹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., 1976, с. 27.

² За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1976, с. 4.

нить пороки капитализма, его сторонники обрушивают свои нападки на противоположную систему, стремятся ослабить притягательную силу марксистско-ленинских идей и идеалов среди трудящихся несоциалистического мира, которые видят в марксизме-ленинизме надежный компас, указывающий путь в подлинное будущее.

Таким образом, отрядные изменения в мире неотделимы от продолжения классовой борьбы между двумя общественными системами, в частности в сфере идеологии. «Положительные сдвиги в мировой политике, разрядка,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии,— создают благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма. Но, с другой стороны, идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»³. Империализм придает особенно большое значение использованию «конфликта идей» в целях защиты своих позиций.

Все крупные идейные сражения наших дней так или иначе затрагивают проблему будущего. Это объясняется сущностью современной исторической эпохи — переходом от капитализма к социализму и определяющим влиянием последнего на всю общественную жизнь.

Острый кризис современной буржуазной идеологии вынуждает ее представителей объединять свои усилия, искать новые формы и приемы приспособления к действительности.

В современных исторических условиях реакционные силы стремятся координировать свои антисоциалистические действия, выработать единую стратегию борьбы против Советского Союза и социалистического содружества. Л. И. Брежнев в речи на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы указал, что «наш общий классовый противник — международная буржуазия — показывает немало примеров международного согласования своих действий в борьбе против революционных сил»⁴. Особенно лихорадочные попытки скоординировать свои контратаки империализм предпринимает там, где эксплуататорский строй оказывается под угро-

³ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 99.

⁴ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 18.

зой, где берут верх силы национального и социального освобождения.

Одним из чрезвычайно важных направлений приспособления империалистической идеологии к новым условиям на мировой арене является прогнозирование исторических процессов, осуществляемое в рамках особой «науки о будущем» — футурологии. Употребляя этот термин в данном контексте, мы, конечно, не склонны считать футурологию чем-то однородным ни с теоретической, ни с практической точек зрения. Уже то обстоятельство, что ее отдельные представители отдают предпочтение выработке общих предвидений или же, наоборот, составлению специальных прогнозов, требует дифференцированного подхода к футурологическим исследованиям, к пониманию их конкретных задач и оценке результатов. При всем этом футурологические исследования и работы, так или иначе обслуживающие нужды правящих кругов, имеют более или менее выраженное общее идеологическое содержание. Оно определяется коренными классовыми целями современной буржуазии, которые и призвана реализовать, в частности, ее идеологическая стратегия.

Специфика футурологии проявляется в том, что она подходит к защите капитализма с учетом широкой исторической перспективы. Главный смысл она видит в обосновании «вечности» и «бесконечности» капитализма, а также его мнимых «преимуществ» перед социализмом. Однако ведущие буржуазные футурологи не замыкаются в сфере «чистой» теории. Они все чаще ищут пути к сознанию самых широких слоев населения с тем, чтобы привлечь их на сторону господствующего класса, навязав им его взгляды на будущее. Посредником в этом деле становится мощный аппарат империалистической пропаганды. В последние годы в ней все яснее обнаруживается и футурологический оттенок. В данной связи принято даже говорить о футурологической пропаганде как об одном из направлений пропагандистской деятельности в странах капитала. Футурологическая пропаганда особенно рьяно противодействует распространению правды об исторических достижениях социализма, об идеалах марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин постоянно указывал на тесную связь новейших вариантов буржуазной идеалистической фило-

софии с классовыми интересами империалистов. Чтобы убедиться в наличии такой связи, «достаточно,— писал он,— сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем общеэкономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии»⁵. Ленинские слова целиком сохраняют свою силу и значение в наши дни, позволяя раскрывать идейно-теоретическое содержание современных буржуазных философско-исторических учений в его единстве с классовыми интересами и классовой позицией буржуазии. Такое единство характеризует, в частности, футурологию и заключается в первую очередь в ее мировоззренческих предпосылках.

Надо, конечно, учитывать, что модные течения империалистической идеологии, как правило, не афишируют своей связи с классовой позицией и интересами монополистического капитала, а, наоборот, всячески скрывают ее. Футурология, например, заявляет о своем якобы «надклассовом» положении и даже предлагает себя в качестве «уникальной идеологической сферы», где должно произойти «примирение» противоположных общественных классов и систем в процессе поиска «совместного будущего».

В подобных случаях неоценимой помощью исследователю служит известное ленинское положение о том, что новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Ориентируя на познание глубинных социальных и классовых истоков всякой философии, оно позволяет вести наступательную борьбу против ее новейших реакционных разновидностей, разоблачать их подлинную суть.

Концентрируя внимание на защите капитализма и изображая его застрельщиком социального прогресса в современную эпоху, футурология уже этим подчеркивает свое антикоммунистическое содержание. Но надо особо отметить еще и то обстоятельство, что к созданию футурологических концепций активно подключились профессиональные теоретики антикоммунизма и антисоветизма. В их деятельности непосредственно сочетаются беззастенчивая апология государственно-монополистического капитализма с попытками очернить коммунистическую

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 24.

цивилизацию будущего. Новоявленные «пророки» весьма злобно клеветают на страны социалистического содружества, в частности на СССР, стремятся дискредитировать значение их опыта для будущих революционных преобразований в других странах, распространяют злопыхательские заявления о том, будто реальный социализм не является подлинной исторической альтернативой капитализму, и т. п. Прямые антикоммунистические выпады подобных футурологов тесно переплетаются с выступлениями против демократических преобразований общественной жизни в странах капитала, международного мира и разрядки напряженности.

Марксистско-ленинские партии считают своим долгом обратить внимание всех народных сил на вред, наносимый движению за прогресс и мир воинствующим антикоммунизмом. В итоговом документе Конференции коммунистических и рабочих партий Европы «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе» говорится на этот счет: «Антикоммунизм был и остается орудием империалистических и реакционных сил в их борьбе не только против коммунистов, но и против других демократов и демократических свобод. Эти силы развязывают кампании против коммунистических партий, социалистических стран, начиная с Советского Союза, против сил социализма и прогресса, кампании, проводимые с целью дискредитировать политику и идеалы коммунистов в глазах народных масс, не допустить единства рабочего движения и сотрудничества демократических и народных сил. В интересах стремления народных сил к прогрессу и демократическому развитию — изолировать и победить антикоммунизм»⁶.

Это в полной мере относится и к антикоммунизму, выступающему в «футурологической» оболочке. Последний весьма коварен: его сторонники выставляют напоказ свою «озабоченность» будущим человечества, а на деле препятствуют его движению к миру, свободе и прогрессу. С помощью данной разновидности антикоммунизма монополистический капитал стремится парализовать волю трудящихся к сопротивлению его диктату и борьбе во имя торжества идеалов, отражающих надежды и чаяния простых людей.

⁶ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 32.

Вместе с тем марксисты-ленинцы далеки от того, чтобы навешивать ярлык «антикоммуниста» каждому, кто не согласен с политикой коммунистов либо критикует их деятельность. Разоблачая, в частности, антикоммунистическую сущность футурологии, они принимают за основу отнюдь не субъективные намерения, склонности и мнения ее представителей, а объективное содержание их взглядов и теорий, которое оценивается в свете классовой борьбы в отдельных капиталистических странах и на международной арене.

Верные принципам марксизма-ленинизма участники Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы заявили о своей решимости «действовать таким образом, чтобы их политика и идеалы справедливости и прогресса, носителями которых они являются, все более становились силой, способствующей самому широкому единству трудящихся и народных масс»⁷. Выполнение коммунистами своего долга требует продолжения бескомпромиссной борьбы против всех проявлений антикоммунизма, в том числе против его попыток маскироваться покровом футурологических исследований.

Опыт исторического прогресса на протяжении последних шестидесяти лет убедительно говорит о том, что единственный путь к счастливому будущему всех людей — это путь, озаренный светом Великого Октября. Всеохватывающие социальные перемены на мировой арене — вот неопровержимое свидетельство крепнущей воли и решимости народных масс бороться за социалистическую перспективу общества, реализация которой началась октябрьскими событиями 1917 г. Вместе с тем оценка огромного влияния, оказанного Октябрьской революцией на выбор человечеством магистрального пути своего развития, продолжает служить важнейшим объектом ожесточенной борьбы марксистско-ленинской и буржуазной идеологий. Противодействуя силам прогресса, мировая реакция неустанно атакует идеалы и дело Октября, принижает роль успехов социалистических стран в исторических преобразованиях во всем мире. Защита идей и общественной практики, отражающих величественные цели Октябрьской революции, не

⁷ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 32.

может не привлекать пристального внимания всех, кому действительно дорого будущее человечества.

Одна из ответственных идеологических задач, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции», — убедительно пропагандировать достижения СССР и социалистических стран, коренные преимущества социализма перед капитализмом. В то же время необходимо «вести аргументированную критику буржуазной идеологии, право- и «лево» ревизионистских концепций, разоблачать различного рода фальсификаторов истории, пытающихся умалить международное значение Октябрьской революции, пути, пройденного нашей партией и народом, давать решительный отпор антикоммунизму и антисоветизму, оппортунизму всех мастей»⁸. Это предполагает систематическую и целеустремленную борьбу против футурологии, так как она в силу своих исходных позиций принципиально отвергает историческую перспективу, открытую Великим Октябрем, и стремится помешать ее практическому осуществлению.

Критика футурологии, в частности ее идеологического содержания, весьма актуальна и в научном, и в политическом плане.

В Советском Союзе на протяжении минувших лет появились работы, посвященные критическому анализу тех или иных сторон футурологии, а также ее отдельных концепций⁹. Эти работы знакомят научную общественность и широкие круги читателей с рядом проблем будущего, которые находятся в фокусе борьбы марксистско-ленинской и буржуазной идеологий, вскрывают дей-

⁸ «Правда», 1977, 1 февраля.

⁹ См.: И. В. Бестужев-Лада. Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970; Будущее человеческого общества. М., 1971; Э. А. Араб-Оглы. В лабиринте пророчеств. М., 1973; Ю. П. Ожегов. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1975; Ф. Бурлацкий и А. Галкин. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974; Г. И. Иконникова. Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи. М., 1975; Ю. А. Красин. Революцией устрешенные. М., 1975; Борьба идей в современном мире. М., 1975; В. С. Афанасьев. Буржуазная экономическая мысль 30—70-х годов XX в. М., 1976; В. П. Тугаринов, Т. М. Румянцев. Предвидение и современность. Л., 1976.

ствительную сущность футурологических исследований, модных ныне на Западе.

Однако продолжение и обострение идеологического противоборства двух систем, в частности вокруг проблемы будущего, диктует необходимость постоянного разоблачения антикоммунистических установок футурологии. Отстоять чистоту марксистско-ленинских положений о необходимости и неизбежности перехода к социализму, правду о реально существующем социалистическом обществе и его перспективах, разоблачить антикоммунистические измышления о нем и развенчать современные буржуазные суррогаты идеалов будущего — было и остается непреходяще актуальной задачей научных исследований и пропаганды.

В редакционной статье газеты «Правда» «Высокий долг советских философов» говорится о необходимости дальнейшего развертывания аргументированной критики буржуазных и ревизионистских концепций, в том числе новых «модернизированных» вариантов идеализма и метафизики, буржуазно-либеральных и сектантско-догматических истолкований марксизма. Отмечается, что советские философы должны вовремя вскрывать происходящие изменения в стратегии и тактике наших идейных противников, разоблачать их утонченные методы борьбы против реального социализма, его идеологии, образа жизни и морали¹⁰. Важность этой задачи подтвердил XXV съезд КПСС. Съезд потребовал повысить роль общественных наук в наступательной борьбе против антикоммунизма, в критике буржуазных и ревизионистских теорий, разоблачении фальсификаторов идей марксизма-ленинизма.

Выполнение указанных требований применительно к футурологии отнюдь не исчерпывается академической «дискуссией о будущем» и простым сопоставлением разных взглядов на будущее. Главное состоит в том, чтобы, беспощадно разоблачая всякие ухищрения футурологов, отстоять ясность и четкость идейных позиций марксизма-ленинизма о будущем людей и путях движения к нему, а также в непоколебимой верности этим позициям в решении всех практических задач. Принцип единства теории и практики — это универсальный прин-

¹⁰ «Правда», 1975, 19 сентября.

цип марксистско-ленинского учения, который находит свое яркое проявление в борьбе за подлинное будущее человечества.

Исходя из необходимости дальнейшего развертывания критических исследований футурологии, автор стремился показать, что футурология представляет собой своеобразный продукт кризисного развития буржуазной идеологии, который является результатом распада классических буржуазных идеалов будущего, с одной стороны, и попыток идеологического приспособления империализма к современным условиям борьбы двух общественно-экономических систем, с другой. С этих позиций анализируются идейно-теоретическое содержание футурологии и ее идеологические функции. В ходе анализа основное внимание уделяется разоблачению антикоммунизма как в широком, так и узком смысле. Решая поставленную задачу, автор делает упор на исследование «общетеоретической футурологии» и ее связей с классовой идейно-политической стратегией антикоммунизма. Разумеется, автор не претендует на исчерпывающее решение затронутых проблем, так как они весьма сложны и решить их можно лишь коллективными усилиями ученых-марксистов.

**КРАХ КЛАССИЧЕСКИХ
БУРЖУАЗНЫХ ИДЕАЛОВ БУДУЩЕГО —
ВЫРАЖЕНИЕ КРИЗИСА
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

**1. «Переоценка идейных ценностей»
и предвидение в буржуазной идеологии**

По мере того как XX век близится к своему завершению, все явственнее просматривается связь основных исторических событий современности с основными тенденциями общественной жизни — переходом от капитализма к социализму, непримиримой борьбой двух общественно-экономических систем, определяющим воздействием социализма на исторические процессы наших дней. «Развитие стран социализма, рост их мощи, усиление благотворного влияния проводимой ими международной политики,— говорится в Отчетном докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС,— вот что составляет ныне главное направление социального прогресса человечества. Притягательная сила социализма возросла еще больше на фоне кризиса, который разразился в капиталистических странах»¹. Происходит дальнейшее укрепление позиций социализма в его мирном состязании с капитализмом. Их бескомпромиссное противоборство — это не только выражение противоположной природы двух систем. Оно означает также борьбу двух противоположных линий общественного развития: восходящей и нисходящей, прогрессивной и регрессивной. Сфера противоборства включает экономику, политику, а также идеологию. Каждая из отмеченных областей общественной жизни испытывает на себе сильное влияние процессов научно-технической революции.

Особую роль в конфликте идей капитализма и социализма играют вопросы социального прогнозирования. Возможности каждой из борющихся идеологий предви-

¹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1. с. 51.

деть процессы общественного развития могут быть раскрыты и оценены только с учетом реальности данного конфликта, а также внутренних процессов, характеризующих сами идеологии. Ключевое значение здесь имеет обусловленность идей интересами определенного класса, а также его местом в восходящей или нисходящей ветви исторического развития.

Одной из важнейших черт современной общественной жизни выступает четкая поляризация линий прогресса и упадка. Всемирно-исторические достижения народов социалистических стран в строительстве нового общества, рост мощи мирового социалистического содружества, а также его глубокое влияние на подъем освободительной борьбы трудящихся, на укрепление международного мира и безопасности не только прочно связывают социализм с прогрессивными общественными изменениями, но и ставят его во главе мирового прогресса.

Иные проблемы выдвигаются на первый план в странах противоположной общественной системы. Характеризуя буржуазное общество наших дней, Л. И. Брежнев указывает, что оно поражено небывалыми по силе и остроте кризисными явлениями. К экономическим потрясениям и внутреннему разложению политической машины господства капитала «добавляется кризис идеологический и моральный. Современное капиталистическое общество с его хищническими законами стяжательства, равнодушия к судьбе человека все больше отталкивает от себя людей, особенно молодежь, обнаруживает свою неспособность ответить на требования прогресса»². Кризис глубоко затрагивает современные буржуазные идеи и идеалы, влияет на их роль в историческом развитии.

Обесценивание идейного капитала буржуазии создает ситуацию, когда правящей монополистической верхушке приходится отказываться от какой-то части своих идей, приносить их в жертву интересам своего духовного господства в обществе. Чтобы сохранить возможность влиять на сознание и поведение масс, буржуазные идеологи вынуждены пристально следить за «курсом» своих идей, устранять дискредитировавшие себя идеи и идеалы, заменять их новыми.

² Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1975, с. 781—782.

Таким образом, растущее противоречие между идеалами капиталистического мира и революционной практикой трудящихся масс, объективные закономерности исторического процесса, прогрессирующий кризис вынуждают буржуазных идеологов периодически «переоценивать» духовный арсенал, перегруппировывать идейные и духовные ценности. «Процесс «переоценки», — пишет советский философ С. Ф. Одуев, — является по существу непрерывным, но особенно остро разворачивается он в переломные моменты истории, как это было в последней трети XIX века, когда переоценка впервые вылилась, если исследовать ее конечные результаты, в форму идеологической мобилизации. Буржуазия пытается не только выработать устойчивую систему взглядов, которая могла бы объяснить мир, социальную действительность с точки зрения интересов этого класса, но и стать духовным оружием защиты буржуазного строя, парализовать революционные действия масс, связав их представления о будущем с развитием капитализма»³.

«Переоценка идейных ценностей» занимает исключительно видное место в идеологии, выражающей интересы и взгляды финансово-монополистической верхушки капиталистического общества. Последняя посредством пересмотра своего идейного арсенала надеется активизировать роль буржуазной идеологии в деле защиты основ своей власти.

Изменения в сфере буржуазной идеологии призваны приспособить ее к быстро меняющейся реальности. Они сочетаются с изменениями в экономической, политической и других сферах жизни современного буржуазного общества. На всю совокупность этих процессов (в том числе и в области идеологии) оказывают сильное воздействие развитие мирового социалистического содружества, научно-техническая революция. С начала 70-х годов Запад испытывает на себе растущее влияние разрядки международной напряженности, укрепления мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем, происходящих по инициативе братских стран социализма.

Благодаря позитивным изменениям на мировой арене ясно вырисовывается конструктивная роль социализ-

³ С. Ф. Одуев. Тропами Заратустры. М., 1971, с. 19.

ма в строительстве мирного будущего нашей планеты. «Перемены, происшедшие в международном положении,— отмечается в отчетном докладе Первого секретаря ЦК ВСРП Я. Кадара на XI съезде партии,— еще убедительнее свидетельствуют о преимуществах и превосходстве социализма над капитализмом. Притягательная сила социализма неизмеримо возросла и продолжает расти во всем мире. Существование мировой социалистической системы, динамичное развитие социалистических стран, идеи социализма и мира, воплощаемые в их политике и ставшие реальной силой, являются надежной основой и залогом будущего всего человечества»⁴. Рост авторитета социализма повсеместно рассматривается буржуазией как «вызов» капиталистическому строю. Поэтому он стремится противостоять социализму, в том числе с помощью идеологических средств, приспособлявая их для этой цели.

«Переоценка идейных ценностей» буржуазии идет по нескольким направлениям и выражается в разных формах. Особый упор делается на поиск идей, доктрин, теорий, способных противодействовать росту влияния марксизма-ленинизма. Поэтому внимание идеологов монополистического капитала устремляется в первую очередь к вопросам мировоззрения, политической философии, социального предвидения, общей теории общественного развития. Рассмотрение вопросов, относящихся к этим областям, кладется в основу попыток создать приемлемую для буржуазии «альтернативу» марксистско-ленинскому учению. Вот уже в течение нескольких десятилетий подобная задача поглощает усилия многих ведущих идеологов Запада: философов и социологов, экономистов и политологов, историков и антропологов, а также представителей ряда других научных дисциплин.

Попутно оговоримся, что «новые» веяния и тенденции не сразу захватывают сферу идеологии, а распространяются и утверждают свое влияние постепенно, добиваясь со временем господствующего положения. Подчас эти процессы протекают в обстановке острых идейных схваток с представителями старых, укоренившихся на какое-то время взглядов. Создается видимость наполненности духовной жизни. На самом же деле имеет

⁴ «Правда», 1975, 18 марта.

место непрерывное разрастание кризиса теоретического мышления буржуазии, ибо поиск «новых идейных ценностей» осуществляется в границах понимания глубокого упадка буржуазной идеологии, бессилия разрешить противоречие между действительностью и ее отражением в имеющихся идеологических формах.

Следовательно, и разнообразие взглядов, доктрин, концепций, теорий неизбежно нивелируется, поскольку совпадают их сущностные черты, объективированные в классовых потребностях буржуазии,— релятивизм и иррационализм, волюнтаризм и демагогический пафос обличения. Все эти черты становятся, как верно замечает С. Ф. Одуев, главными компонентами мировоззренческой контрреволюции⁵.

В основе развития духовного кризиса современного капиталистического общества лежит постоянное обострение противоречия между всей системой буржуазных идей и действительностью, потребностями практической деятельности народных масс. Формы выражения идейного кризиса буржуазии многообразны. Но они прямо или косвенно связаны с процессом, который знаменует собой водораздел в буржуазной идеологии, смену прогрессивной направленности ее развития постепенным поворотом к консерватизму и реакции. Сами буржуазные идеологи характеризуют этот процесс как переоценку «традиционных ценностей».

В действительности это своего рода «сведение счетов» с прежним, особенно классическим идейным наследием и в первую очередь с философскими и социально-политическими доктринами идеологов восходящей буржуазии Тюрго, Кондорсе, Гердера, Монтескье, Руссо, Вольтера, Дидро, Гегеля, Фейербаха и др. Происходит постепенный отказ от прогрессивных традиций в обществоведении, политике, литературе, искусстве и т. д. Как «наивные иллюзии», не подтвержденные последующим развитием общества, опошляется и высмеивается все, что когда-то выражало известную ориентацию буржуазных идеологов в будущее: идеи о социальной революции, общественном прогрессе, справедливости, равенстве, гуманных отношениях между людьми в гуманном обществе, всестороннем развитии человека и др.

⁵ См.: С. Ф. Одуев. Тропами Заратустры, с. 20.

«Переоценка ценностей» превратилась в более или менее постоянное занятие буржуазных философов, социологов, историков и представителей других отраслей науки об обществе уже в последней трети XIX ст. Крайние формы выражения она приняла в философском нигилизме реакционного немецкого философа Ф. Ницше, в философии истории немецкого философа и историка О. Шпенглера, а также в философско-исторической концепции английского историка и социального философа А. Тойнби.

В своей нашумевшей книге «Закат Европы», вышедшей в 1918 г., О. Шпенглер обрушивается на идею поступательного развития человеческого общества и с этой позиции пытается истолковать ход исторических событий. В подъеме революционной борьбы рабочего класса против власти капитала, в возникновении и распространении марксистского учения, в нарастании кризиса буржуазного общества О. Шпенглер видит симптомы неизбежной гибели европейской культуры. Идеи О. Шпенглера, особенно его вывод о том, что развитие революционной борьбы трудящихся масс против капитала якобы приведет к краху всей европейской цивилизации и культуры, получили резкую отповедь со стороны В. И. Ленина. Он вскрыл классовые и гносеологические истоки концепций О. Шпенглера ⁶.

Впоследствии ряд идей Шпенглера развил А. Тойнби. В двенадцатитомном «Исследовании истории» (1934—1964 гг.), в многочисленных книгах и статьях А. Тойнби проводит и пытается обосновать мысль об отсутствии прогресса в истории, развитии разных сторон общественной жизни и самого человека. Одной из главных тем, затрагиваемых в его работах, является тема предстоящей гибели «западной цивилизации» и путей предотвращения этой исторической драмы. А. Тойнби, как и О. Шпенглер, ставит знак равенства между западной цивилизацией и капиталистическим строем, изображая гибель последнего как всеобщий апокалипсис.

В период между двумя мировыми войнами о неизбежном крахе западной общественной системы писали многие буржуазные экономисты, философы, историки, социологи, деятели литературы и искусства

⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 174.

(Д. М. Кейнс, Б. Рассел, У. Оден и др.). Они весьма темными красками рисовали будущее не только Европы, но и других частей света.

«Переоценка ценностей», начатая более ста лет тому назад, продолжается в наши дни и олицетворяет одну из существенных черт кризиса буржуазных идей. Однако в последние годы она приобрела ряд новых моментов.

Обострение общего кризиса капиталистической системы привело к резкому увеличению числа выступлений против прогрессивных идей прошлого: теперь эти выступления уже не воспринимаются как мнения отдельных идеологов, а возведены в ранг чуть ли не общепризнанного принципа современной буржуазной науки. Истинность последнего практически не подвергается сомнению, а декларации о его поддержке считаются признаками хорошего тона и «критерием» научной зрелости. Поэтому нет ничего удивительного в том, что нынешнее поколение западных философов, социологов, историков, политологов и т. д., усвоив дух конформизма, царящий в буржуазной науке, считает чуть ли не своим долгом подвергнуть «критике» те или другие «заблуждения» великих мыслителей прошлого.

Претерпело известные изменения и содержание аргументов, направленных против прогрессивных идей. Ныне оно определяется процессами развития государственно-монополистического капитализма и присущими ему тенденциями к усилению реакционных черт в политике и других сферах общественной жизни. Необычайно широкие масштабы приобрели попытки буржуазных теоретиков использовать современную научно-техническую революцию для борьбы с прогрессивными идеями и оправдания реакционных выводов о развитии общества.

На все проявления идеологической деятельности современной буржуазии исключительно большое влияние оказывает факт существования противоположной общественной системы и марксистско-ленинской идеологии. Боязнь революционизирующего воздействия социалистического примера, роста привлекательности марксизма-ленинизма становится ведущим мотивом, который побуждает современную буржуазию перестраивать свой идейный арсенал. Все существо ее идейных «ценностей» ныне проникнуто классовой непримиримостью капитала к новому обществу и его идеям.

Антикоммунизм и антисоветизм пронизывают всю империалистическую идеологию и политику. Причем первый сплошь и рядом «подкрепляется» последним. «В современной обстановке, когда превосходство социалистического общественного строя над капиталистическим проявляется особенно наглядно, когда в процессе разрядки международной напряженности многие люди начинают освобождаться от антикоммунистических и антисоветских предрассудков,— заявил в своем выступлении на XXV съезде КПСС Председатель ГКП Г. Мис,— монополистический капитал все в больших масштабах искусственно раздувает в своих интересах антисоветизм — эту самую опасную форму антикоммунизма»⁷. Соображения, продиктованные борьбой против теории и практики научного коммунизма, играют ныне все более заметную роль в процессе «переоценки идейных ценностей» прошлого. Сама же «переоценка» занимает постоянное место в идеологической борьбе, которую ведет буржуазия против сил современного общественного прогресса.

Развитие кризиса буржуазной идеологии привело к тому, что «переоценка ценностей» со временем приобрела значение относительно самостоятельного фактора в идейной борьбе за народные массы. Роль «переоценки ценностей» как одного из средств подчинения трудящихся духовному влиянию крупной буржуазии вырисовывается весьма ясно в ходе идеологического противоборства на мировой арене. Эта роль состоит в том, чтобы, во-первых, отвергнув прогрессивное идейное наследие прошлого, сделать массы послушными рабами антигуманной, антикоммунистической идеологии современного капитализма; во-вторых, очернить теорию и практику научного социализма, который не только унаследовал, но и наполнил передовые общественные идеалы прошлого новым, подлинно революционным содержанием, углубил и развил их на базе материалистического понимания истории.

В ходе реализации указанных функций «переоценка ценностей» так или иначе ассоциируется с негативными моментами современного общественного развития. Сюда входят прежде всего процессы разложения и распада

⁷ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 2, с. 88.

буржуазного общества, его идеологии, морали, культуры.

Однако к числу проявлений кризиса капитализма буржуазные идеологи относят неудачи и трудности, возникающие на пути прогресса разных стран и не имеющие прямой, непосредственной связи с углубляющимся кризисом буржуазного строя. Разные по своей природе процессы приводятся по сути к общему знаменателю.

Отказ от анализа внутренней природы развивающихся явлений, их места в историческом процессе, лженаучная подтасовка фактов имеют целью замазывать принципиальные различия между восходящей и нисходящей линиями общественного развития. Более того, делаются попытки распространить нисходящую ветвь развития также и на реальный социализм на страны, придерживающиеся социалистической ориентации. Тем самым упадок буржуазного общества доводится до мнимого «кризиса» всего человечества.

«Переоценка ценностей» не устраняет, таким образом, глубокого противоречия между буржуазной идеологией и действительностью, а воспроизводит это противоречие в новых формах.

Вся деятельность идеологов капитала по пересмотру совокупности своих прежних идей и идеалов подчинена защите капиталистического строя. Отсюда последовательное устранение любых проявлений мысли о необходимости его радикального переустройства. Распространение подобной позиции на область философских представлений о социальном будущем означало ее преднамеренное ограничение рамками существующего строя. Поэтому буржуазная философия будущего, оказавшись одним из объектов переоценки идейных ценностей, начала утрачивать свою предметную специфику. А это в свою очередь не могло не сказаться на самом ее интересе к будущему, возможностях и пределах его предвидения.

Если в эпоху борьбы против феодализма взор буржуазных идеологов действительно устремлялся в будущее и они пытались познать объективные законы его предвидения, то на последующих этапах истории положение меняется. С победой буржуазии над своим феодальным противником ее идеологи делают упор на создание таких идей, в которых отношение к будущему ассоциируется с укреплением существующего строя. Главной

функцией предвидения становится поиск (по мере развития общества) новых средств укрепления диктатуры буржуазии и предотвращения возможных угроз. Таким образом, происходит заметное сужение возможностей предвидения и его роли. Это в еще большей степени присуще буржуазному предвидению на последующих этапах истории.

Возникновение и развитие общего кризиса капитализма вынуждает буржуазных идеологов направлять главные усилия на борьбу против рабочего класса, который является создателем подлинного будущего для всех трудящихся. Буржуазная идеология все больше переходит на откровенно антикоммунистические позиции. «Антикоммунизм,— подчеркивает Г. Холл,— самое глубокое политическое и идеологическое выражение антагонизма к рабочему классу»⁸. Задачи предвидения отныне фактически приносятся в жертву соображениям идеологической борьбы против рабочего класса, которая ведется на идейно-политической платформе антикоммунизма и, следовательно, предполагает грубую клевету на международный пролетариат, его цели и идеологию.

Итак, апология сегодняшнего дня капитализма и отрицание подлинного будущего человечества — таков социальный смысл современной буржуазной философии будущего.

2. Разрушение классической идейной основы научного предвидения

Стремление буржуазной общественной мысли ограничить свой интерес сегодняшним днем капитализма сопровождается постоянной дискредитацией всех форм проявления ее прежней веры в будущее. Наиболее непосредственно и ярко это выражается в прямом отрицании идей, которые так или иначе ассоциировались с перспективой общественного развития, представляли собой идейно-теоретическую базу социальных прогнозов. Идеологи капитала не скрывают, что они хотят в первую очередь избавиться от идей, обосновывающих революционный протест против угнетения. Вслед за этим объяв-

⁸ Г. Холл. Кризис империализма США и рабочее движение.— «Рабочий класс и современный мир», 1976, № 2, с. 61.

ляются ненужными идеи прогресса, социальной справедливости, всемогущества человеческого разума, всестороннего и гармоничного развития личности. Все это говорит о переориентации буржуазной общественной мысли и ее отходе от поиска путей к подлинному будущему человечества. Отказ от прогрессивных идей носит принципиальный характер. Вот почему многие буржуазные идеологи и сегодня продолжают нападки на эти идеи.

Первым признаком загнивания буржуазной идеологии явилось резкое изменение отношения буржуазных идеологов к идее революционного протеста против насилия и угнетения.

В те времена, когда буржуазия стремилась к победе над феодальным строем, ее представители выступали с обоснованием теорий народного суверенитета и права народов на революцию. Такой позиции, например, придерживался один из ведущих политических деятелей Америки периода борьбы за независимость Т. Джефферсон.

В XX в. монополистическая буржуазия ведущих империалистических стран решительно отвергает подобные идеи, видя в них угрозу основам своей власти. Это в полной мере относится и к американской буржуазии. США, как известно, недавно отметили двухсотую годовщину своей независимости, которая была завоевана в ходе революционной войны американского народа против своих угнетателей. Однако тема революции в серьезном социально-философском понимании этого термина явно потерялась в славословии буржуазной пропаганды по поводу двухсотлетнего юбилея США. «Право на революцию», как отмечает профессор Гарвардского университета Г. Мэнсфилд, почти перестало быть предметом политических дискуссий в Америке. Декларация независимости провозгласила как право всех народов на революцию, так и независимость американского народа, который создал свою республику, основываясь на этом праве. Но вместо того, чтобы и далее отстаивать его, американцы оказались в наши дни в обороне. И для либералов, и для консерваторов «право на революцию» выглядит, по мнению Г. Мэнсфилда, «крайне наивным и риторическим, неуклюжим проявлением юношеского энтузиазма, который лучше всего было бы взять в ка-

вычки и поместить в чемодан, валяющийся на чердаке»⁹. Эти слова, разумеется, не могут быть отнесены к революционной части американского рабочего класса. Но отношение разных групп буржуазии к идее подлинной революции в обществе они характеризуют верно.

Американские монополии безжалостно растоптали суверенитет Чили, лишили чилийский народ возможности осуществить свое право на революционные преобразования в стране. Имеет место непрерывное вмешательство американских корпораций во внутренние дела Перу, Боливии, Аргентины, Уругвая, Панама и других латиноамериканских республик, чтобы помешать их народам провести демократические реформы, укрепить национальную независимость. В начале 1975 г. пресса всего мира писала об угрозе вторжения США в нефтедобывающие страны Ближнего Востока. В 1975—1976 гг. американский империализм поддержал вооруженную интервенцию ЮАР в Анголе с целью подавления национально-освободительной революции ангольского народа. Эти и многочисленные подобные им факты красноречиво говорят о том, что политика американского и международного империализма на каждом шагу грубо и безжалостно попирает идеалы народного суверенитета, выдвинутые в свое время представителями буржуазии.

Реакционную политику империализма буржуазные идеологи пытаются всячески оправдать. В частности, ими выдвинута идея «охраны порядка», которую на протяжении многих десятилетий они противопоставляют идее народного суверенитета. Поддержание «порядка» считается важнейшей не только идеологической, но и общественной функцией буржуазии. При этом под ним подразумевается незыблемость частной собственности и прежде всего привилегий крупного капитала, наличие политической власти в руках монополий и их избранников, сохранение социального неравенства. Любая деятельность, направленная на изменение указанных устоев буржуазного общества, рассматривается как «вызов» установленному «порядку» и относится господствующим классом к числу «антиобщественных проявлений». Современные буржуазные идеологи отказывают трудящим-

⁹ H. C. Mansfield. The Right of Revolution. «Daedalus», 1976, No. 4, p. 151.

ся в праве требовать радикальных изменений общественной жизни, революционного преобразования ее основ; запугивают массы возможностью утраты социальных завоеваний, демократических прав и т. д. Революционный протест отождествляется ныне на Западе с «анархией», «смутой» и т. п.

«Охрана порядка» — идеал и политический лозунг крупной буржуазии, свидетельствующий о ее контрреволюционной сущности. Показательно, что к ним часто обращаются западные идеологи и политики, желая подчеркнуть свою преданность монополистическому капиталу и получить поддержку с его стороны.

Фразы о «праве и порядке» носят лицемерный характер, если подходить к ним с точки зрения действительной защиты гражданских прав и свобод, соблюдения определенных демократических принципов политической деятельности и т. д. Подлинную их сущность составляет забота о незыблемости социального строя, обеспечивающего власть финансово-монополистического капитала. Ради этого беззастенчиво попираются все демократические атрибуты так называемого «свободного общества». Под лозунгами «права и порядка» проводил, например, в 1972 г. свою избирательную кампанию Р. Никсон, баллотировавшийся на пост президента США. В ходе кампании, как известно, были допущены серьезные нарушения буржуазной законности и финансовые злоупотребления, повлекшие за собой судебные процессы против некоторых деятелей республиканской партии и в конечном итоге отставку Р. Никсона с поста президента США.

Тезис идеологов монополистического капитала о том, будто идея социального протеста себя изжила и представляет собой нечто вроде «романтического увлечения» некоторых мыслителей конца XVIII — начала XIX в., находит свое продолжение и обоснование в отрицании мысли о прогрессивном развитии общества.

Идея прогресса также выдвинута идеологами восходящей буржуазии и является их вкладом в развитие общественной мысли. Негативное отношение к прогрессу в современной буржуазной идеологии продиктовано общим кризисом капитализма, усилением его противоречий, ослаблением международных позиций, крахом колониальной системы империализма.

В современной обстановке к отказу от идеи поступательного развития общества многих буржуазных идеологов толкает нежелание заниматься сопоставлением реальных итогов и особенно внутренних потенций дальнейшего развития двух качественно противоположных друг другу обществ — капиталистического и социалистического. Провозглашение идеи прогресса «несостоятельной» связано с попыткой уклониться от признания исторических фактов, идущих вразрез с интересами монополистического капитала. Ведь из двух противоборствующих мировых систем именно социализм неуклонно демонстрирует все новые и новые преимущества перед капитализмом. Последовательная реализация принципов социализма и его перерастание в коммунизм — магистральный путь социального прогресса.

Распад буржуазного общества, с одной стороны, и наличие реального социализма как исторической альтернативы отживающему капиталистическому строю, с другой, ставит идейных слуг капитала в исключительно трудное положение. Капиталистическая действительность не позволяет им обещать массам «непрерывный прогресс» и приближение к «более совершенному обществу». Но буржуазные идеологи в силу классовых симпатий не желают связывать прогресс и с социализмом или же с борьбой масс за него. Остается одно: «расправиться» с самим понятием «прогресс», используя против него «современную» аргументацию. Нападки на прогресс в век огромных социальных преобразований, характеризующих переход общества к социализму, и достижений в области науки и техники симптоматичны. Они подводят известный итог всему прежнему развитию буржуазной философии будущего.

Еще на переломе XIX—XX вв. ощущение надвигающейся революционной бури вызывало усиление мировоззренческой контрреволюции в сознании правящей буржуазии стран Западной Европы, что нашло свое характерное проявление, в частности, в противопоставлении идеи прогресса всей системе буржуазных идей. Некоторые социологи обосновывают такую позицию заявлениями об утрате прогрессом активной созидательной роли в общественной жизни. Французский социолог Ж. Сорель считал, например, что творческую роль в развитии общества играют насилие и миф. Последний зовет людей к

действию, к преодолению трудностей и препятствий в силу того, что в нем воспеваются подвиги героев. Идеологии, по мнению Ж. Сореля, противостоят мифу, будучи абстрактно рационалистическими или псевдонаучными интерпретациями истории. В наше время идеологиям принадлежит главенствующая роль, а мифы постепенно отмирают. Это относится и к прогрессу, который зачисляется Ж. Сорелем в разряд мифов. Идея прогресса вместе с протестантской этикой, воспевающей любовь к тяжелому труду, должна быть развенчана с помощью метода идеологии. То, что вызывало активность отцов и вдохновляло их на героические поступки, парализует детей, которые не занимаются ни революционной деятельностью, ни созданием новых мифов, направленных против господствующей культуры. В условиях, когда бог оказался мертвым, смысл жизни начали искать в той или иной интерпретации истории. Таков вывод, к которому приходит Ж. Сорель.

Подхватив лозунг о том, что «прогресс мертв», философия, история, социология, политическая экономия, а также другие буржуазные науки третируют идею прогрессивного развития как ненаучное понятие и постепенно отбрасывают ее. «Социологи и философы прошлого столетия,— отмечает французский социолог Р. Арон,— ...верили в существование фундаментального и необходимого социального порядка. Конт предвидел прогрессивное достижение порядка, который выразит вечную природу человека и общества. Современная социология больше не допускает имманентной необходимости глобального общества и больше не мечтает об утопии; она осциллирует между микроскопическими элементами целого и целым, не допуская возможности соединения того и другого»¹⁰.

Строго говоря, буржуазные представления о прогрессе и более совершенном обществе, к которому с неизбежностью должно было привести поступательное развитие, подверглись основательному пересмотру еще до О. Конта. Последний в какой-то мере подвел итог этому процессу, сделав в своих сочинениях упор не столько на прогресс, сколько на «порядок», отвечающий нуждам буржуазии.

¹⁰ R. Aron. Progress and Disillusion. The Dialectics of Modern Society. Harmondsworth, 1972, pp. 18—19.

Современная буржуазная социология продвинулась в этом направлении еще дальше О. Конта. Отвергнув идею прогресса, а вместе с ней и мысль о наличии объективных законов общественной жизни, утратив связь с практикой, буржуазные социологи зашли в полный тупик. Социология, замечает американский социолог Р. Лауэр, возникла в вихре XIX ст. как наука о социальном порядке и социальном изменении. О. Конт, которого называли отцом социологии, породил дисциплину, освещавшую не только основы жизненной структуры общества, но также ход человеческого развития. «Но дети,— утверждает далее Р. Лауэр,— отошли от видений отца. Значительная часть усилий в XX веке была потрачена на то, что Ч. Райт Миллс назвал большой теорией и абстрактным эмпиризмом. В результате социология попала в затруднительное положение, оказавшись перед лицом быстроменяющегося мира без средств, чтобы понять его»¹¹. Стоит еще раз напомнить о причинах столь неутешительного состояния.

Глубоким внутренним мотивом, который сегодня побуждает многих буржуазных ученых отрицательно относиться к идее прогрессивного развития общества, является боязнь революции. Это по существу признает профессор философии Нью-Йоркского университета У. Барретт. В качестве довода против прогрессивной роли революции в развитии современного общества, а также против самой идеи прогресса У. Барретт выдвигает то обстоятельство, что «революции ведут к разрушению культуры». Эту точку зрения разделяют и другие буржуазные философы, социологи, историки, экономисты, политологи, юристы. Подход У. Барретта к «опровержению» идеи прогрессивного развития общества и выдвигаемые им доводы против нее весьма характерны для современной буржуазной идеологии. Поэтому на них стоит остановиться.

У. Барретт, выступая в первую очередь против концепции революционного прогресса, исходит из предположения, что общественная жизнь — это процесс, осуществляющийся лишь в рамках конкретных, социальных феноменов — «культур»; каждая из них характеризуется индивидуальными неповторимыми признаками. Одно из главных свойств «культуры» — ее целостность, опи-

¹¹ R. H. Lauer. Perspective on Social Change. Boston, 1973, p. 1.

рающаяся на довольно деликатный «баланс» различных аспектов общественной жизни. Нарушение этого баланса якобы ведет к разрушению целостности «культуры», а это равносильно ее гибели. Отсюда идея прогресса становится для У. Барретта «сомнительной» сама по себе, не говоря уже об идее такого прогрессивного изменения, которое связано с коренной ломкой отживших общественных форм и заменой их новыми. Забота о целостности «культуры» начисто исключает для него всякую мысль о революции и прогрессе.

Другим недостатком идеи прогресса, по мнению У. Барретта, является невозможность объективно измерить прогрессивное изменение, например, с помощью линейки. Измерение любого специфического качества, как полагает У. Барретт, всегда связано с известной произвольной процедурой. Мы можем выделить тепло и измерить его с помощью термометра. Но качественные элементы жизни не выделяются столь легко. Конкретное качество обычно является не простым, а сложным понятием: совокупностью качеств внутри качества. Качество вина — пример такой совокупности. Но вина — простые продукты по сравнению с «качеством жизни цивилизации». Здесь мы в гораздо меньшей степени способны отделить одно качество от сопутствующих ему обстоятельств. Каждая культура является конкретной общностью, аспекты которой взаимосвязаны внутри целого. Изменив один аспект, мы должны изменить и другие. Выиграв что-нибудь в одном месте, мы неизбежно проигрываем в другом. «Как мы можем,— вопрошает У. Барретт,— надеяться когда-либо аккуратно расположить цивилизации вдоль какой-нибудь линейной шкалы? Где мы поместили бы афинских греков по сравнению с нами? Или ...культуру навахо по сравнению с нашей собственной шумной цивилизацией, которая почти растоптала ее? Антропологи утверждают, что навахо обладали необычайно «счастливой» культурой с ее большой психологической упругостью и глубиной — качествами, которые мы едва ли можем найти в наше беспокойное время. Раз мы настойчиво ставим такие вопросы, остается все меньше уверенности в том, что сама идея прогресса имеет точное и поддающееся определению значение»¹².

¹² W. Barrett. *Time of Need. Forms of Imagination in the Twentieth Century*. N. Y., 1972, pp. 365—366.

Приведенные нами возражения У. Барретта против идеи прогресса не новы. Они вытекают из философско-исторических концепций О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и других буржуазных философов и социологов. В связи с критикой взглядов упомянутых авторов в марксистской литературе указывалось на неправомерность трактовки общественного развития как развития отдельных, изолированных друг от друга, замкнутых «культур», абсолютизации индивидуальных черт и особенностей исторического процесса в конкретных странах или регионах, а также на несовместимость таких представлений с объективными закономерностями общественной жизни и, следовательно, с требованиями науки¹³.

Философы-марксисты убедительно доказали наличие в общественном развитии прогрессивной тенденции, которая находит свое выражение в последовательной смене общественно-экономических формаций. И процесс этот неодолим, если даже он сопровождается гибелью тех или иных региональных «культур», что в прошлом действительно имело место не только в силу социальных, но и природных причин. У. Барретт явно не прав, усматривая непереносимую причину гибели «культур» именно в революции.

Положительно был решен и вопрос о том, можно ли объективно измерить прогресс. Марксистская философия при этом отвергает как попытку ограничиться системой количественных показателей, так и превратить в универсальное мерило прогресса какую-нибудь одну сторону общественной жизни. Она считает, что научный критерий прогресса должен быть в своей основе комплексным, т. е. включать такие компоненты, как уровень развития производительных сил, социальный строй и др.¹⁴

То обстоятельство, что буржуазные идеологи не способны решить сложные проблемы, конечно, не может рассматриваться как «довод» против идеи прогрессивного развития общества.

Обращает на себя внимание и другая группа «аргументов» У. Барретта. Особенность их выражается в том,

¹³ Марксистская и буржуазная социология сегодня. М., 1964; Г. П. Францов. Исторические пути социальной мысли. М., 1965.

¹⁴ См.: Ю. Н. Семенов. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965; «Проблемы теории и практики современного социализма». Прага, 1973.

что они связываются с современной научно-технической революцией.

Итак, чрезвычайная сложность явлений и процессов общественной жизни сама по себе, согласно взглядам У. Барретта, превращает в «сомнительное» и «ненаучное» занятие любые усилия найти объективное значение общественного прогресса. Но развитие общества еще больше усложняется научно-технической революцией. Ее воздействие на высокоразвитые капиталистические страны приводит к тому, что обнаруживаются совершенно новые многоплановые связи между разными процессами общественной жизни, обществом и окружающим его природным миром. Возникают не замечавшиеся ранее противоречия и конфликты, в которых содержится угроза для «целостности культуры». Поэтому научно-техническая революция, по мнению У. Барретта, «подкрепляет» позицию противников идеи прогресса.

У. Барретт выступает против тех буржуазных ученых, которые склонны видеть воплощение идеи прогресса главным образом в развитии современной техники и технологии. Технологию, как отмечает он, путают с прогрессом как раз потому, что здесь достижения могут быть количественно измерены: свойства машин можно выразить точными величинами, а затем сравнить их. Сегодняшний автомобиль превосходит, например, по скорости и по другим данным своего собрата 20-х годов нашего века. Цифры, действительно, могут выглядеть очень точными и впечатляющими: скорость, мощность двигателя и т. д. Но в погоне за количественными измерениями упускаются из виду социальные аспекты использования новой технологии. Вторгаясь в жизнь современного общества, она не только становится его неотъемлемой составной частью, но и вызывает в нем определенные изменения, которые должны учитываться всякий раз, когда речь идет об оценке достигнутого прогресса. Характер же их зачастую таков, что достижения технологии ограничиваются, а их значение для общества ставится под сомнение. «К несчастью,— пишет У. Барретт,— цифры ничего не говорят нам о качественных последствиях вступления машины в мир человека. И здесь вновь ничто не подводит так, как успех. Индустриальное общество, как кажется, разрушает себя своими же чудодейственными силами. Мы добились значительного успе-

ха в массовом производстве большого количества автомобилей..., а езда в потоке движения через Манхэттен является более медленной, чем во времена экипажа, запряженного лошадью»¹⁵.

Развитие технологии в условиях государственно-монополистического капитализма вносит существенно новые элементы в отношение между обществом и окружающей средой. Антагонистическое противоречие, характеризовавшее саму суть этого отношения при капитализме, не только не снимается, но воспроизводится на иной, более широкой основе. Его дальнейшее развитие создает угрозу существованию общества. Люди, получив огромную власть над силами природы, оказываются в большей зависимости от нее. У. Барретт, судя по всему, понимает значение указанных фактов и не может пройти мимо них. Технология, которая должна была покорить природу, сетует он, сама была вовлечена в процесс естественного контроля над взаимодействием бесчисленного количества противоположных элементов, составляющих экологический баланс. Один из мифов технологии состоял в том, что она создает общество изобилия. Однако создаваемое ею изобилие чревато большим ущербом, наносимым окружающей среде. Волей-неволей человек спотыкается, наталкиваясь на постоянные ограничения. Если он перешагнет через одно из них, то встретит на своем пути другие, непредвиденные и созданные им же в тот момент, когда он сделал первый шаг. «В конечном итоге,— резюмирует У. Барретт,— мы сможем исправить баланс между нами и природой, лишь урезав уровень нашего потребления, что означает, конечно, возврат к более умеренному идеалу, нежели всеобщее изобилие. Как бы далеко мы ни проникали в космос, здесь на земле по крайней мере мы вынуждены продолжать играть свою роль в старой греческой пьесе, где неистовство излишеств наказывается фуриями и даже сами боги должны подчиняться требованиям космического равновесия»¹⁶.

Те же явления видит У. Барретт и в научной области. Наука быстро накапливает все новые и новые знания. Один ученый даже оптимистически предсказал, что в 1980 г. мы будем знать в 10 раз больше, чем в 1970 г.

¹⁵ W. Barrett. *Time of Need*, p. 366.

¹⁶ *Ibidem*, pp. 366—367.

Каждое новое открытие в области науки подготавливает десять других. Количество ученых в мире сегодня превышает их общую численность на протяжении всей прошлой истории. Центральным вопросом, который в этой связи возникает у У. Барретта, является вопрос о том, будем ли мы, располагая всей этой новой информацией, в десять раз умнее?

Ответ на него, как полагает У. Барретт, не приносит доводов в защиту идеи прогресса. «Каждое новое открытие,— утверждает он,— нарушает на какое-то время баланс здравого смысла..., так как предлагает ключ ко всему... Науки могут стать в десять раз более расчлененными и в десять раз слабее отражать свою общность и значение. Мы знаем в тысячу, возможно, в миллион раз больше, чем Аристотель, но его видение природы и человека — человеческого мира в его связи с миром природы — могло быть в силу самого своего незнания более полным и удовлетворительным, чем наше»¹⁷. Сомнений, порождаемых развитием науки, не могут развеять обещания ученых сделать человека бессмертным где-то после 2000 г. Рождение и смерть являются естественным средством, которое обеспечивает постоянное возрождение и генетическое обогащение жизни. В этом смысле один из биологов заметил, что смерть — величайшее изобретение природы. «Если бы наука уничтожила смерть индивидуума — заключает У. Барретт,— это было бы высшим подвигом в борьбе человека с природой. И, пожалуй, самым катастрофическим»¹⁸.

Анализируя выводы У. Барретта, мы все более убеждаемся в том, что они вызваны противоречиями научно-технической революции в США и других странах капиталистического Запада. Серьезную озабоченность американского социолога вызывают, например, такие факты, как создание совершенной техники, средств транспорта и невозможность их полного использования; расширение сферы господства человека над природой и нарушение экологического баланса, создающее угрозу достигнутому уровню благосостояния; бурный прогресс научных знаний и утрата целостного представления об окружающем мире, об отношении человека к природе.

¹⁷ W. Barrett. *Time of Need*, pp. 367—368.

¹⁸ *Ibidem*, p. 369.

Все отмеченные У. Барреттом факты действительно существуют и служат проявлениями глубоких противоречий между развитием науки, техники, технологии в странах капитала, с одной стороны, и его социальными последствиями, с другой. Однако можно ли на этом основании оспаривать прогрессивную роль научно-технической революции в жизни общества и отвергать идею прогресса в целом? Конечно, нет!

Научно-техническая революция — это не только явление в области техники и технологии, влекущее определенные последствия для развития всего общества. Она представляет собой великий общественно-исторический процесс, неотделимый от деятельности передовых общественных сил — революционной борьбы рабочего класса и трудящихся масс — за преобразование капиталистического строя на началах социализма и создание нового общества. Социальная природа научно-технической революции, раскрывающаяся в исторической деятельности народных масс, характеризует ее как могучий двигатель общественного прогресса.

Прогрессивное воздействие научно-технической революции на общество проявляется неодинаково и зависит от типа господствующих в нем общественных отношений. В разных общественных системах наблюдаются принципиально иные социальные результаты развития науки и техники, по-разному решаются возникающие социальные проблемы.

В капиталистическом обществе научно-техническая революция ускоряет процесс обобществления экономики и вместе с тем обостряет социальные антагонизмы. Достигают небывалой остроты все старые противоречия и, кроме того, появляются новые. «Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами

подавляющего большинства наций и финансовой олигархией»¹⁹.

В корне иное воздействие на общество оказывает прогресс науки и техники при социализме. В условиях социализма научно-техническая революция служит раскрытию преимуществ социалистического строя, позволяет полнее использовать их для всестороннего улучшения условий жизни трудящихся масс. И в этом ее огромное прогрессивное значение. Социалистическое общество вполне может решать и положительно решает те проблемы, о которых пишет У. Барретт.

Господство общественной собственности и планомерное развитие производства позволяют предвидеть социальные последствия развития техники и заранее планировать меры в целях борьбы с разного рода сопутствующими обстоятельствами, которые могут нанести ущерб обществу. Открывается широкая возможность рационального использования географической среды и поддержания необходимого баланса между природой и обществом. Процессы развития и, в частности, дифференциации науки не ведут к утрате целостного взгляда на природу и общество учеными в социалистических странах. Анализ и обобщение разных аспектов научно-технической революции и ее воздействия на общество с позиций марксистско-ленинской философии позволяют сохранить цельную картину мира, постоянно углубляя в то же время научные представления о нем. Все это не гипотезы, а многократно доказанные факты реальной жизни.

Социалистический строй порождает принципиально иной подход к проблеме долголетия человека. Исследования советских ученых показывают, что прогресс общества не ведет к изменению природной способности человека жить 100 и более лет. В действительности расширяется возможность проявить этот видовой признак. Это вызвано изменением условий жизни людей, которые в свою очередь определяются социально-экономическим положением общества. Значительное увеличение продолжительности человеческой жизни в Советском Союзе является прямым следствием коренных социально-эко-

¹⁹ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 298.

номических преобразований. Благодаря им качественно изменился образ жизни всех народов нашей страны.

Социалистическое общество благоприятствует не только проявлению самой способности человека к долголетней жизни. Оно заботится о том, чтобы эта жизнь была в полном смысле этого слова полноценной вплоть до самой глубокой старости.

Таким образом, в самом процессе научно-технической революции нельзя найти никаких аргументов против идеи прогресса. Их источником служат капиталистическая действительность, а также классовая позиция исследователя, общественное сознание того класса, который не в состоянии совладать с бурным развитием науки и техники и становится его жертвой. Поэтому отрицание прогресса не носит всеобщего характера. Какими бы У. Барретту ни казались убедительными собственные «аргументы», направленные против идеи прогресса, он вынужден считаться с наличием в мире противоположной точки зрения. Она подтверждается опытом борьбы международного рабочего класса, развитием стран социалистического содружества и находит свое научное воплощение в марксизме-ленинизме. У. Барретт отмечает, что лишь учение К. Маркса сохраняет непоколебимую верность идее прогресса. «Марксизм,— пишет он,— не знает... сомнений относительно прогресса. Везде в современном мире, где прогресс не был достигнут, препятствием послужили неспособность и зло капитализма — системы, время которой в истории давно прошло. Действительно, с точки зрения истинного марксизма все проявления беспокойства духа, замечаемые... в наше время, являются лишь симптомами буржуазного общества, его болезней и декаданса. От этого взгляда нелегко избавиться. Было бы глупо недооценивать идеи... другой половины мира, выступающей против нас»²⁰.

Приведенные слова У. Барретта — красноречивое признание того факта, что стремление «расправиться» с идеей прогресса обусловлено декадансом буржуазной идеологии. Вопреки ожиданиям оно завершилось неудачей. Идея прогресса не погибла, а была воспринята революционной идеологией рабочего класса. В марксизме-ленинизме она наполнилась более глубоким социальным

²⁰ W. Barrett. Time of Need, p. 369.

содержанием и играет активную роль в борьбе революционных сил нашей эпохи против реакции, за построение нового общества.

Развитие стран социалистического содружества — пример наиболее полного и всестороннего прогресса общественной жизни в данных исторических условиях. Общественная собственность и активное участие масс в управлении всеми делами общества гарантируют его постоянную ориентацию на удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей трудящихся, на всестороннее развитие лучших способностей каждого человека. Поэтому в условиях социализма нет места антагонистическим противоречиям внутри общества, а также между обществом и природой, как это имеет место при капитализме. В противовес последнему социализм создает и постепенно расширяет предпосылки гармоничных отношений между разными сторонами общественной жизни, между людьми и окружающей их географической средой. Таким образом, именно с социализмом связана в наши дни перспектива поступательного движения общества. Этот факт все яснее осознается трудящимися всего мира. «Все большее понимание массами... коренной противоположности путей, по которым идут две мировые социально-экономические системы,— подчеркнул в своем выступлении на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь Коммунистической партии США Г. Холл,— стало важным фактором политической и идеологической борьбы. Достижения общества развитого социализма во все большей степени рассматриваются массами как мерило, по которому судят о социальном прогрессе или его отсутствии»²¹.

В отрицании понятия исторического прогресса особенно ярко проявляется острый внутренний кризис современной буржуазной идеологии, а также страх ее представителей перед коммунизмом. Многие буржуазные идеологи утверждают ныне, будто социальные изменения не имеют определенного направления (например, от низших форм к более высоким) и не подчиняются никаким объективным закономерностям, так как желают уйти от вывода о необходимости перехода от капитализма к социализму.

²¹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. т. 2, с. 56.

Бегство от подлинного будущего человечества сопровождается для части идеологов современной буржуазии попытками находить спасение в тех или иных разновидностях иррационализма. Для тех, кто исповедует веру в иррациональное, общество представляется своего рода муравейником, который может быть уничтожен действием какой-нибудь внешней силы. Нежелание признавать прогресс исключает возможность предвидения. Так, Р. Арон, разочаровавшись в прогрессе, заявляет, будто предвидеть будущее человечества невозможно, так как «общество индустриального типа» якобы не имеет установленного порядка: единственным поддающимся восприятию порядком является порядок изменения. Но изменение в свою очередь нельзя, по словам Р. Арона, подчинять ни заранее определенной цели, ни даже вывести его из эволюции, законы и результаты которой известны. Будущее не есть простое продолжение настоящего: оно напоминает калейдоскоп новых созданий и мутаций, в большей степени непредвиденных. «Даже если мы сможем оценить не только число наших потомков, но также их силу и знания,— заявляет Р. Арон,— мы все же не сможем сказать с уверенностью, каким будет социальный порядок завтрашнего дня... Никто не знает, будут ли люди завтрашнего дня удовлетворены тем, что может им предложить общество: если нет, никто не знает, как они выразят свое неудовольствие»²². Считая идеи революции и прогресса мертвыми, некоторые буржуазные идеологи выступают с заявлениями о «кризисе будущего».

Такие тенденции прослеживаются, например, в высказываниях О. Паса. «Идея революции в строгом смысле этого слова, как она понимается современной мыслью,— заявляет он,— претерпевает кризис...»²³ Последний прямо вытекает из кризиса идеи прогресса. «Имеется нечто дьявольское в оптимистическом видении истории,— утверждает О. Пас.—...Философия прогресса является в действительности теорией осуждения человека, который обречен постоянно двигаться вперед, зная, что он никогда не достигнет конечной точки своего назначения»²⁴. Поскольку прогресс по своему существу недо-

²² R. Aron. Progress and Disillusion, p. 21.

²³ «Dissent», 1974, No. 1, p. 56.

²⁴ Ibidem.

стижим, то и надежды на будущее в общем теряют смысл. «Сегодня идея времени,— резюмирует О. Пас,— подходит к своему концу: мы переживаем закат будущего»²⁵. В итоге подобные высказывания оборачиваются апологией капиталистического строя. Такая критика прогрессивных идей вместе с тем дискредитирует борьбу революционных сил нашей эпохи: мирового социалистического содружества, международного рабочего и национально-освободительного движения против реакции.

Развитие государственно-монополистического капитализма повсеместно сопровождается ростом социальных неравенств и углубляющимся расколом общества: на одном его полюсе группируется плутократическая верхушка миллиардеров и мультимиллионеров; на другом — многомиллионные массы лиц наемного труда, охватывающие в среднем 80—90% всех граждан. Капиталистическая действительность является примером вопиющей социальной несправедливости. Вот почему идеология монополистического капитала дискредитирует также понятие социальной справедливости. Правда, это делается осторожно, с оглядкой, чтобы резкий отказ от идеала социальной справедливости не вызвал возмущения простых людей. Однако никакие идеологические маневры и уловки не могут скрыть процессов кризиса буржуазной идеологии.

Выбросив за борт идеи революции, прогресса, справедливости, буржуазия навсегда утрачивает способность выдвинуть положительный общественный идеал и тем самым снискать поддержку народных масс. «Позитивный мир,— пишет известный американский экономист и социолог К. Боулдинг,— означает главным образом справедливость..., но мы немного знаем о ней и не очень много понимаем в процессах, которые увеличивают или уменьшают ее. Мы не знаем, как ее измерить; у нас нет ее индикаторов. Пожалуй, у нас никогда не будет индикаторов, поскольку это — многомерное, чрезвычайно сложное явление. Но оно не принимается всерьез социальными исследователями... Мне хотелось бы быть на протяжении следующих 25 лет свидетелем серьезной попытки создать науку об основных условиях и динамике справедливости, которая помогла бы разрешить то, что

²⁵ «Dissent», 1974, No. 1, p. 56.

до сих пор было, скорее, бесплодным идеологическим конфликтом о ней»²⁶.

Надежды буржуазных идеологов на создание науки о социальной справедливости и разрешении с ее помощью социальных конфликтов буржуазного общества основываются на благих пожеланиях и противоречат объективным фактам. До тех пор пока в обществе сохраняется власть монополистического капитала, возрастание социальных неравенств неизбежно. Никакой прогресс научных знаний не приведет к их устранению, поскольку они вытекают из природы общества. Отсюда любые ожидания социальной справедливости без коренной ломки фундамента общественного строя превращаются в утопические иллюзии.

Развитие и углубление кризиса буржуазной идеологии ведет к усилению ее реакционной сущности, не только к открытому, но и порой демонстративному разрыву с прогрессивными традициями. Буржуазные идеи принимают откровенно антигуманистическую и антидемократическую направленность. По мере того как капитализм загнивает, он все менее способен откликаться на человеческие нужды. Происходит, как отметил в своем выступлении на XXIV съезде КПСС Генеральный секретарь Коммунистической партии США Г. Холл, распад жизненных ценностей буржуазного общества. Отсутствие у масс возможностей решить при капитализме такие коренные проблемы, как экономические кризисы, усиление тенденций к фашизму и репрессиям, рост трущоб, коррупция, а также проблемы, вызванные загрязнением окружающей среды, страхом потерять работу в результате автоматизации, ведет к ухудшению качественной стороны жизни в условиях буржуазного общественного строя. Процесс резкого снижения качественного уровня жизни включает в себя культуру, мораль, философию капиталистической системы²⁷. Процессы эрозии классических идей и идеалов будущего способствуют появлению потока псевдоценностей, где будущность людей представляется кошмарным болотом.

Дегуманизация и распад буржуазной идеологии находят непосредственное выражение в идейном оправда-

²⁶ «Challenge», 1973, July—August, p. 39.

²⁷ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1971, т. 1, с. 417.

нии агрессии против миролюбивых народов, милитаризма, фашизма, расизма; в воспевании аморализма и секса; в смаковании человеческих состояний, вызванных употреблением наркотиков и алкоголя.

Происходит основательная переоценка такой ценности, как человеческая личность, ее жизнь, интеллект, достоинство и т. д. Об этом говорит даже сама постановка вопросов: способен ли человек создать себе лучшее будущее? достоин ли он этого будущего? и т. д.

Сравнительно новым элементом в выступлениях буржуазных идеологов против человека является стремление взвалить на него бремя вины за негативные последствия научно-технической революции при капитализме, особенно за нарушение равновесия между обществом и географической средой, что привело к возникновению серьезного экологического кризиса.

Мы уже отмечали, что кризис окружающей географической среды рассматривается буржуазными идеологами как один из «доводов» против идеи поступательного развития общества. В данном случае этот «довод» обращается против человеческого разума, способности человека обеспечить себе необходимые условия для продления жизни на Земле. «Освоение земли человеком,— пишет американский профессор социологии Э. Хоули,— подвергается нападкам отовсюду... Человека изводят за использование природных ресурсов, строительство дамб, истребление видов растений и животных, использование воды, возделывание почвы, применение средств от насекомых, просто за присутствие. Из этой какофонии можно вынести впечатление, что природа создана для всех видов живых существ, кроме человека»²⁸.

Буржуазные идеологи проклинаят науку и разум человека, естественное стремление народных масс к улучшению условий своей жизни, рост численности населения Земли, тягу людей к крупным экономическим и культурным центрам. Пускаются в ход утверждения, что «человек является вызывающим шок биологическим нововведением», «человек находится в состоянии конфликта с природой», «рост населения вызывает непропорционально негативное влияние на окружающую среду», «урбанизация является раковой опухолью» и т. д.

²⁸ «Science», 1973, No. 4079, p. 1196.

Вряд ли кто-либо склонен сомневаться в том, что нынешние масштабы загрязнения воды и воздуха, использование природных ресурсов вызывают искреннюю тревогу у многих западных ученых. Понятно также их желание найти выход из создавшегося положения, сберечь то, что еще не подверглось уничтожению. Однако конструктивных сдвигов в данном направлении можно добиться, лишь уяснив себе главные источники загрязнения окружающей среды и нарушения баланса между человеком и природой.

Данная проблема имеет не столько технический, сколько социальный характер. В условиях раскола мира на две общественно-экономические системы она попадает в фокус острой идейной борьбы. Поэтому подход к проблеме источников экологического кризиса отражает позиции того или другого из главных классов современного общества и степень заинтересованности каждого из них в решении проблемы.

Говоря о человеке как источнике опасности из-за развития промышленности, индустриализации сельского хозяйства и т. д., буржуазные идеологи имеют в виду какого-то абстрактного человека, абстрактную человеческую деятельность. Подлинные же виновники экологического бедствия — крупные капиталистические монополии — остаются в тени. Между тем не абстрактный человек, а монополии в безудержной погоне за прибылью хищнически эксплуатируют природные ресурсы, загрязняют воздух и воду. Дальнейшее развитие частнокапиталистического производства продолжает наносить непоправимый ущерб флоре и фауне, увеличивает опасности для человеческой жизни.

Убедительные данные об этом привел член Национального Совета Компартии США Ф. Барт. Так, в Соединенных Штатах проживает ныне 5,7% населения планеты. Однако на их долю приходится 40% добываемых в мире ресурсов; 40% составляет также «вклад» США в загрязнение земного шара²⁹. Специалисты предупреждают, что при таких темпах загрязнение почвы, воздуха и воды может стать необратимым уже в недалеком будущем. Однако монополии, движимые жадной прибылью и

²⁹ «Проблемы мира и социализма», 1972, № 6, с. 21.

подхлестываемые конкурентной борьбой, не реагируют ни на какие предупреждения.

Таким образом, связывая экологический кризис с деятельностью абстрактного человека, буржуазные идеологи фактически берут под защиту монополии. Человек же, его разум и способности, потребности и интересы, наконец, судьбы рода человеческого на нашей планете отступают на второй план.

Такое отношение к человеку порождено кризисом буржуазного общества и служит резким диссонансом веры в человеческий разум и его безграничные возможности. Идейные защитники монополий склонны видеть в человеке мелкое себялюбивое существо, чьи интересы сводятся к потреблению материальных благ и бесконечному биологическому размножению.

Боязнь человеческого разума, сила которого ярко проявляется в прогрессе социалистического строя, в торжестве идеалов марксизма-ленинизма, составляет подлинный классовый мотив высказываний буржуазных идеологов о «вине человека» в нарушении равновесия между обществом и природой. Идеологическая функция таких высказываний заключается не только в дискредитации человеческого разума. Ставится задача внушить людям мысль о невозможности дальнейшего улучшения условий их жизни на Земле и, следовательно, о бессмысленности революционной борьбы, сделать их безмолвными рабами капитала.

Подчеркивая желание буржуазных идеологов «переоценить» в связи с экологическим кризисом значение такой непреходящей ценности, как человеческий интеллект, мы, разумеется, лишь в незначительной степени затронули идеологический аспект проблемы необходимого баланса природы и общества.

Еще одним подтверждением усиления антигуманных тенденций в буржуазной идеологии и, следовательно, ее прогрессирующего кризиса является оправдание буржуазными идеологами насилия над личностью и желание связать с насилием будущее человека.

Буржуазия и в прошлом широко практиковала насилие по отношению к массам.

Общий кризис капитализма, означая реакцию по всей линии, ведет к неимоверному увеличению масштабов и интенсивности насилия, проявляющегося в много-

образных формах. В современном буржуазном обществе насилие становится непременным спутником человека, образа его жизни.

Насилие над личностью, поправление ее свободы, чести и достоинства — одна из острейших проблем капитализма на данном этапе его развития. Вот почему мимо нее не могут пройти наиболее видные представители буржуазной идеологии. Проблеме насилия в жизни современной «западной цивилизации» посвятил специальное интервью, опубликованное на страницах журнала «Шпигель», А. Тойнби. По его мнению, насилие — это побочный продукт современного индустриального развития, которое ведет к растущему обособлению личности от общества, отчуждению человека, стрессам, неврозам. В какой-то мере насилие можно считать наказанием за одностороннее увлечение материальными благами и забвение духовных ценностей. Чтобы избавиться от насилия, подчеркивает А. Тойнби, надо восстановить нарушенный баланс между материальным и духовным началами, повысить значение духовного фактора в жизни человека. «...Духовная революция необходима,— говорит А. Тойнби,— чтобы устранить важные причины ряда нынешних социальных конфликтов, так как прогресс, означавший в свое время просвещение, сегодня означает для большинства прежде всего лишь материальный подъем... Психологическая пустота, создаваемая высокомеханизированным, автоматизированным, индустриальным трудом, опирающимся на применение электронно-вычислительных машин, должна быть вновь наполнена»³⁰.

А. Тойнби не случайно уделяет так много внимания ширящемуся духовному кризису западной цивилизации. Сегодня эта проблема беспокоит многих буржуазных идеологов, политических и государственных деятелей. Распад культуры, духовное опустошение человека в западном обществе имеют прямое отношение к росту преступности, злоупотреблений наркотиками и алкоголем, распространению других форм антиобщественного поведения. Все это постепенно превращает жизнь в некоторых западных странах в сплошной «кошмар насилия».

Однако А. Тойнби говорит о насилии вообще. Под это понятие он подводит не только террористические акты,

³⁰ «Der Spiegel», 1974, 4. Dezember, S. 156.

угон самолетов и другие проявления насилия над личностью, но и классовую борьбу трудящихся. Абстрактный, «надклассовый» подход не позволяет провести правильное разграничение форм насилия, выяснить конкретные причины каждой формы и определить ее роль по отношению к обществу и отдельной личности.

Объясняя причины насилия, А. Тойнби делает упор на кризисные явления в области духовной жизни капиталистического общества и не учитывает проявлений кризиса в экономической и социальной областях. В результате из поля зрения английского ученого «пропадает» наиболее массовая форма насилия над человеком — систематическое подавление личности трудящегося во всех сферах жизни буржуазного общества. Не упоминается и система этого подавления, которую олицетворяет господство монополистического капитала. Игнорирование этих фактов уводит ученого в сторону от решения проблемы и по сути лишает его концепции гуманистического содержания.

Насилие не осуществляется ради насилия и как социальное явление оно вызывается отнюдь не патологическими наклонностями отдельных лиц. «Человеческие, социальные и технические проблемы,— признает американский социолог Дж. Лэюи,— порождающие несогласие и насилие, являются реальными. Обычным уровнем нашего подхода к этим проблемам служит уровень статистического описания условий жизни различных физических и социальных сегментов города — гетто и барриос,— норм безработицы и расовой дискриминации при устройстве на работу, просвещения, жилищных условий, служб здравоохранения и социального обеспечения, транспорта и т. д. Нет необходимости составлять каталог этих проблем на данном уровне... Каждому, кто может читать и пользоваться телефоном, нетрудно представить мрачные реальности своего собственного города в столь специфических деталях, какие только он может перенести»³¹.

Насилие господствующего класса порождает социальный протест и ответное насилие со стороны наиболее обездоленных групп населения. По свидетельству Дж. Лэюи, одним из источников насилия в американ-

³¹ «Sociology for the Seventies». N. Y., 1972, p. 298.

ском обществе, которое выражается в различных формах и практикуется представителями небелого населения, служит в итоге глубокое неравенство их социального положения и условий жизни по сравнению с социальным положением и условиями жизни белого населения. К началу 70-х годов нашего века неравенства продолжали проявляться в важных сферах общественной жизни. Смертность новорожденных в группе небелых увеличилась и в 60-е годы была на 90% выше, чем в группе белых. В кварталах, где живут негры и американцы мексиканского происхождения, имеется в 3,5 раза больше жилищ, не отвечающих стандартным требованиям, чем в кварталах белых. Норма безработицы среди небелых постоянно в 2—4 раза превышает норму безработицы среди белого населения, а в группе юношей в ряде городов составляет 40% всех молодых людей, способных к работе. В 60-е годы небелый американец с образованием в объеме 4 курсов колледжа мог ожидать, что его заработок в течение жизни будет почти таким же, как заработок белого американца с образованием в объеме восьми классов общеобразовательной школы. Средний доход в группе негров снизился с 57 до 53% среднего дохода белого населения США³².

Факты о социальных неравенствах, приводимые Дж. Лэюи, вряд ли можно опровергнуть. Нельзя оспорить, однако, и обусловленность неравенств природой общественного строя, который господствует в Америке.

Итак, по мере усиления симптомов разложения буржуазного общества, особенно с развитием и усилением его общего кризиса, буржуазная идеология шаг за шагом отказывается от идей, обосновывающих необходимость социального протеста против зла, а также прогресс общества и требования социальной справедливости, уважения к человеку и т. д. Эта тенденция пронизывает насквозь идеологию государственно-монополистической буржуазии. Разрушая идеи, с помощью которых обосновывались известные положительные идеалы будущего, финансово-монополистическая верхушка перечеркивает и сами эти идеалы, лишает их смысла и привлекательной силы. Будущее в предвидениях буржуазных идеологов предстает лишенным идеалов.

³² «Sociology for the Seventies», p. 299.

3. Пессимизм буржуазных концепций будущего

Усиление антидемократических и антигуманистических тенденций придало соответствующую окраску всей буржуазной социальной философии. Это сказывается и на восприятии этой философией будущего капиталистического строя. Оптимизм во взглядах на будущее сменяется пессимизмом, предчувствиями бед и несчастий. Здесь также находят свое выражение кризис буржуазии, утрата ею исторической перспективы. Пессимистические настроения ныне охватили всю буржуазную общественную мысль во всех без исключения капиталистических странах.

Показательно, что неудачи в политике на международной арене, усиление экономического кризиса и другие неурядицы в условиях разрядки напряженности привели к тому, что пессимистическая философия будущего стала превращаться в образ мыслей известных государственных деятелей, политиков, идеологов, журналистов.

Тема глубокого пессимизма и разочарования по поводу экономического, социального и психологического кризиса «свободного мира» проходит через многие выступления ведущего комментатора газеты «Нью-Йорк таймс» по внешнеполитическим вопросам С. Сульцбергера. Одну из своих колонок, напечатанную газетой 30 октября 1974 г., он прямо озаглавил «Вехи на пути к несчастью» и писал в ней о том, что «весь (капиталистический.— В. Б.) мир» неудержимо катится к несчастью наподобие того, которое он пережил в 1929 г. Из столиц этого «мира» — Токио, Вашингтона, Парижа, Лондона и др.— слышно лишь «утешительное воркование, доносящееся из политических голубятен». В то время как Великобритания «вконец обанкротилась», Италия «погрузилась в состояние хаоса», Испании угрожает «мятеж», Южный Вьетнам «рушится», лидеры этого «мира» занимаются «лишь косметикой и болтовней». С. Сульцбергер считает, что из этого болота может вытащить «демократические. (буржуазные.— В. Б.) нации» только «решительное, смелое и обладающее даром воображения руководство» капиталистических стран.

Высказывания С. Сульцбергера полны отчаяния, пе-

реходящего в истерию. Об этом говорит не только подбор слов, но и та беззаботность, с которой он оперирует понятием «весь мир». В действительности речь идет не обо всем мире, а всего-навсего о той его части, где сохраняется капитализм. Здесь же автор пишет, что «ни одно капиталистическое общество не может уйти невредимым от кумулятивного действия безудержной инфляции и промышленного застоя». Несколькими неделями раньше С. Сульцбергер, терзаясь мучениями по поводу «кризиса свободного мира», счел возможным заявить, что «марксистские системы избавлены от зловещих проклятий сегодняшнего дня»³³.

Следовательно, существует и другой мир, наличие которого должен признать С. Сульцбергер. Сознание буржуазными идеологами самого факта существования социалистического мира и его роли в общественном развитии является одним из основных источников их пессимизма, отчаяния, истерических воплей.

Истерия и отчаяние — это также естественное следствие понимания представителями правящих классов своего бессилия перед лицом разворачивающихся событий. Пессимистические настроения неизбежны, когда люди, находящиеся в услужении крупных корпораций, бессильны противостоять болезни своего общества и в состоянии беспомощности лишь разводят руками.

Все глубже пронизывая мировоззрение современной буржуазии, пессимизм окрашивает и выступления американских государственных деятелей. Несомненный интерес с этой точки зрения представляет интервью бывшего государственного секретаря США Г. Киссинджера видному американскому журналисту Дж. Рестону. Оно появилось на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» осенью 1974 г. и перепечатано во многих странах Запада. Внимание к интервью вызвано тем, что в нем в открытой форме проводятся мысли о неизбежной гибели капитализма, о тщетности усилий в целях его спасения. Г. Киссинджер сказал, в частности, что как ученый-историк он считает закат западного общества неотвратимым, но, будучи в то же время государственным деятелем, он должен исходить из того, что проблемы, стоящие перед

³³ «The New York Times», 1974, July 14.

этим обществом, разрешимы, и, следовательно, необходимо искать пути их разрешения³⁴.

Таким образом, исходя из своих личных убеждений и опыта, Г. Киссинджер указал на наличие непримиримого противоречия между теоретическим сознанием правящей финансово-монополистической верхушки и целями ее практической деятельности. Слова Г. Киссинджера можно рассматривать как одно из официальных подтверждений непреодолимого кризиса буржуазной идеологии и политики.

Пессимизм и отчаяние в выступлениях ведущих американских государственных деятелей, политиков и идеологов — явление новое в истории Соединенных Штатов. Комментируя высказывания Г. Киссинджера, Г. Аптекаер замечает: «Конечно, ни один государственный секретарь Соединенных Штатов никогда до этого не выражал подобной философии. Она удивила бы таких его предшественников, как Т. Джефферсон или Дж. Хэй или даже Келлог и Стимсон»³⁵.

Глубоко пессимистическими в своей основе являются также разного рода «советы» и «рекомендации» насчет выхода из тупика, в котором оказалось ныне буржуазное общество.

Известный на Западе футуролог Р. Юнгк снабдил было одну из своих недавно изданных книг подзаголовком «Оптимистический вызов». Однако он тут же вынужден был пояснить, что речь идет не об обычном, а о «расчетливом оптимизме». Он связан с восприятием отнюдь не главных тенденций в развитии общественной жизни, основного ее течения, а с видением известных «просветов» в неумолимом ходе событий, «возможностей спасения». Р. Юнгк и его единомышленники рассуждают примерно так: если можно быть на 80% уверенным в том, что капиталистический мир движется к катастрофе, то остающиеся 20% уверенности приходится на долю оптимистов. Таким образом, «расчетливый оптимизм» Р. Юнгка — это оптимизм пресловутых двадцати процентов из ста.

Широкое распространение пессимистических умонастроений в западных странах достигает таких масштабов

³⁴ «Der Spiegel», 1974, 21. Oktober, S. 120.

³⁵ «Political Affairs», 1974, No. 12, p. 58.

и интенсивности, что это начинает порождать известную тревогу правящего класса. Показательно, что она вызывается не воздействием пессимистических идей на массы. Опасность усматривается в том, как бы пессимистические взгляды на будущее не парализовали волю самих представителей буржуазии, особенно государственных деятелей и политиков, и тем самым не нанесли ущерба ее практическим интересам. В этом плане характерны некоторые высказывания лондонского еженедельника «Экономист». Было время в Америке, как отмечается на страницах журнала, когда прогресс означал добро, а будущее несло в себе только обещания. Это все больше заменялось пессимистической философией и опасениями насчет завтрашнего дня. В какой-то мере такой взгляд покоится на «здоровой основе и давно назрел». Но, к несчастью, ему сопутствовала вера в политический детерминизм, который предполагает бессилие политика сделать что-либо большее, нежели просто качаться на гребне событий, и уговаривать публику принять «неизбежное». «Экономист» явно осуждает положение, когда «политики рассматриваются в качестве простых торговцев, причем не своими товарами, а продуктами, отражающими климат мирового общественного мнения, как-то: революция растущих ожиданий, неизбежность подъема цен, другие клише»³⁶. В заключение выражается надежда на то, что президент США Дж. Картер с помощью своей политики сможет изменить тенденцию, связанную с ростом пессимизма во взглядах на будущее.

Чем объяснить обильный поток мрачных предвидений будущего, наблюдаемый на Западе? Отвечая на этот вопрос, буржуазные идеологи ссылаются, как правило, на субъективные причины. Пессимистические видения будущего выводятся из тех или иных особенностей мышления конкретных лиц или же из отдельных процессов в сфере буржуазного общественного сознания. Английский ученый Дж. Уотсон утверждает, что популярность темы о «закате Европы» и связанных с ней утопий вызвана такими причинами, как например «интеллектуальный престиж пессимизма»; «профессиональная деформация склада многих писательских умов в сторону увлечения утопиями»; «идеалистическое преклонение перед насили-

³⁶ «The Economist», 1977, January 15, p. 12.

ем во имя широких идеологических причин»; «неудовлетворенность административными полумерами, облегчающими течение болезни, но не излечивающими ее», а также предрасположенностью интеллектуалов к чувствам беспокойства, презрением к практическим действиям, любовью к драматическим противостояниям противоположных сил и т. п.³⁷ Однако подобные утверждения решительно ничего не объясняют. В этом нетрудно убедиться, поставив вопрос: почему в одни исторические периоды идеологи одного и того же класса подходят к жизни исполненные веры в нее, а в другие эпохи теряют эту веру? Конечно, ответ следует искать не в субъективных качествах идеологов, а в развитии буржуазного общества, в конкретных исторических условиях. Но, обращаясь к процессам общественного развития, буржуазные идеологи продолжают направлять свое главное внимание в сферу идей. А. Тойнби, например, связывает причины пессимизма с идеей о благотворном воздействии достижений науки и техники на общественную жизнь. Он считает, что вера в научно-технический прогресс и «привела человечество к его нынешнему плачевному состоянию»³⁸. Правда, из дальнейших высказываний А. Тойнби явствует, что речь идет не о самом прогрессе как таковом, а о его противоречивости. Английский ученый (подобно многим представителям современной буржуазной науки) находится под глубоким впечатлением того факта, что замечательные достижения науки и техники используются при капитализме во вред человеку, что они не сопровождаются прогрессом в других сферах общественной жизни, особенно в области культуры. Это и служит для него главным объяснением пессимистических настроений по поводу будущего.

Т. Мор, Ф. Бэкон, Т. Кампанелла и другие идеологи восходящей буржуазии были оптимистами именно потому, что они, по утверждению А. Тойнби, не проводили ясного различия между научным и духовным прогрессом, а порой даже ошибочно полагали, что технологический прогресс автоматически влечет за собой прогресс духовный. Эта иллюзия западной мысли была поколеблена возникновением первой мировой войны и развеяна

³⁷ «The Yale Review», 1976, No. 3, p. 367.

³⁸ А. То у н б и е е, Д. И к е д а. The Toynbee-Ikeda Dialogue. Tokio, 1976, p. 300.

атомными бомбами, сброшенными в конце второй мировой войны. В действительности, заявляет А. Тойнби, «не существует непрерывного социального и духовного прогресса. Непрерывный прогресс науки и технологии не имеет ничего себе подобного в этической сфере»³⁹. В своих утверждениях А. Тойнби не одинок.

Мысль о том, что прежняя вера в научно-технический и духовный прогресс и есть причина пессимистических взглядов на будущее, разделяется многими буржуазными философами и футурологами. «Мрачная картина утопии,— отмечает японский философ Д. Икэда,— связана с социологической концепцией прогресса. Очевидно, что прогресс — это опора современного ученого, которому доставляет огромную радость дополнять кое-чем уже открытые истины или поднимать технологию выше ее нынешнего уровня. Достижения прогресса ясны, если их рассматривать только с точки зрения науки. Но существует ли прямая необходимая связь между научным прогрессом и прогрессом человеческой культуры? Вне сомнения, применение ядерной энергии с чисто научной точки зрения — это эпохальный шаг вперед. Но можем ли мы быть счастливы по поводу такого прогресса при мысли о сотнях тысяч жизней, унесенных атомными взрывами в Хиросиме и Нагасаки?»⁴⁰ Неверие в прогресс, боязнь общественных изменений являются главными источниками пессимизма и в работах других футурологов. Они отмечают, что на протяжении почти 200 лет двумя основными принципами общественного строя на Западе были идеи прогресса и свободы. Однако сегодня эти идеи уже не вызывают прежнего доверия. Поэтому в ведущих странах Запада воцаряется пессимистическое настроение. Буржуазные идеологи фактически усматривают корень зла в противоречивости прогресса. Однако во всех случаях лишь констатируется сам факт противоречивости прогресса и тщательно маскируется социально обусловленный характер данного факта.

Действительно, в капиталистическом обществе прогрессу в любой сфере общественной жизни свойственны антагонистические противоречия. На это обстоятельство указывал еще К. Маркс, который показал обусловлен-

³⁹ А. Тойнби, D. Ikeda. The Toynbee-Ikeda Dialogue, pp. 323—325.

⁴⁰ *Ibidem*, p. 323.

ность этих противоречий природой капитализма. «Лишь после того как великая социальная революция,— писал К. Маркс,— овладеет достижениями буржуазной эпохи... и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов,— лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»⁴¹. Эта мысль К. Маркса помогает глубже понять связь негативных последствий научно-технического прогресса в странах Запада с его капиталистической оболочкой. Поскольку наличие такой связи объективно доказано, то становится вполне очевидным, что причиной человеческих несчастий является не идея прогресса, а ее воплощение в жизнь в условиях капиталистического общества.

Вместе с тем развитие и обострение антагонистических противоречий между научно-техническим прогрессом, с одной стороны, и обществом, с другой — это лишь один из многих источников пессимистических видений будущего в мире капитала. В своей совокупности они вызываются постоянным углублением общего кризиса капиталистической системы.

Чрезвычайно яркую характеристику мироощущения эксплуататорского общества в периоды его крушения дал В. И. Ленин. «Пессимизм...,— писал он,— апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, каков «укладывающийся» новый строй, какие общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки»⁴². Ленинские слова помогают глубже понять социальные источники и суть пессимизма буржуазных идеологов.

Социальная обусловленность пессимизма идеологов и политиков современной буржуазии ярко подтверждается и тем фактом, что развитие противоположной систе-

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 230.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 102.

мы не порождает пессимистических настроений. Народы Советского Союза и других братских стран, живя в условиях социализма, не испытывают страха перед будущим, так как социализм гарантирует каждому человеку не только все более полное удовлетворение материальных потребностей, но самые широкие возможности для духовного развития. «Сегодня, когда капиталистический мир переживает глубокий экономический кризис, когда в буржуазных государствах растут безработица, деморализация, неуверенность в будущем и хаос,— подчеркнул в своем выступлении на XXV съезде КПСС Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы Ф. Кастро,— в советском обществе, оптимистическом, победоносном и уверенном в себе, развивается непрерывный процесс материального, социального и духовного прогресса. Это — неопровержимое доказательство возможности наступления лучшего будущего для всего человечества»⁴³.

Уверенность трудящихся нашей страны в светлом будущем ярко проявилась в ходе всей работы XXV съезда КПСС. Оптимизм советских людей, как отметил Л. И. Брежнев в заключительном слове на XXV съезде партии,— это результат непоколебимой уверенности в успехе нашего дела, реальности наших планов и понимания того, что если партия коллективным своим разумом намечает цели, ставит перед собой и перед всей страной задачи, то эти цели будут достигнуты, эти задачи будут решены⁴⁴. Глубокая оптимистическая вера в будущее пронизывает жизнь социалистического содружества, всю деятельность международного рабочего класса.

Социальный оптимизм, присущий борцам за новое общество, вселяет уверенность в неизбежном торжестве марксистско-ленинского идеала будущего.

⁴³ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т.1, с. 196.

⁴⁴ Там же, с. 463.

ФУТУРОЛОГИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ КАПИТАЛИЗМА И СОЦИАЛИЗМА

1. Футурология как «наука о будущем»

Исторические события нашей эпохи со всей убедительностью показали объективный характер тенденций поступательного движения общества (классовой борьбы, революции и уничтожения частной собственности, развития науки и техники, экономики, культуры и т. д.). На собственном опыте трудящиеся убедились в том, что, действуя в русле прогрессивных тенденций исторического процесса, они в состоянии реализовать надежды на лучшую жизнь. Развитие классовой борьбы масс за свое социальное освобождение поставило под вопрос будущее капиталистического общества.

В этой обстановке идеологи буржуазии уже не могли довольствоваться лишь одним восхвалением настоящего. Прямой отказ даже от чисто формального исследования будущего, неприкрытая дискредитация идей, являющихся отражением диалектической связи между настоящим и будущим, перестали приносить правящему классу желаемый идеологический дивиденд. Они стали прямо-таки опасными. Отсюда известная часть идеологов буржуазии склоняется к тому, чтобы придать апологии ее господства перспективную направленность. Это способствовало появлению футурологии как формы исследований будущего и «новой науки» о нем. Таким образом, футурологию можно считать одним из конкретных результатов переоценки социально-философских воззрений буржуазии на будущее.

Сразу же оговоримся, что ни основное идейно-теоретическое содержание футурологии, ни ее методология не дают никакого права говорить о том, что она порывает с антинаучными, идеалистическими взглядами на ход

исторического процесса, свойственными всем формам буржуазной идеологии в прошлом. Наоборот, она пытается провести эти взгляды в изменившейся обстановке. Данный факт признается самими буржуазными учеными. «Конечно,— пишет профессор Колумбийского университета Р. Кокс,— в заботе о человеческом будущем нет ничего особенно нового, хотя эта забота ощущается более остро в одни периоды, нежели в другие. Проявившись в такое время, когда интеллектуальный труд подвергается специализации и дифференциации, эта забота вылилась в «новую дисциплину» в лице футурологии*. Однако формы мышления, используемые при рассмотрении будущего, имеют глубокие корни в прошлом»¹. Все это надо учитывать при оценке претензий футурологии на новизну.

Мы далеки от того, чтобы объяснять появление футурологии только кризисом идей и концепций буржуазной спекулятивной философии будущего. С неменьшим правом можно утверждать, что возникновение футурологии означает попытку преодоления другой крайности, свойственной буржуазным общественным дисциплинам в их подходе к изучению социальной действительности, а именно «ползучего» эмпиризма, увлечения изолированными фактиками, способности, по меткому выражению В. И. Ленина, за деревьями не видеть леса. Эмпиризм проник и в область изучения будущего. Он дал о себе знать в виде односторонности программирования, планирования, прогнозирования, развития отдельных отраслей науки и производства преимущественно методом экстраполяции частных, как правило, количественных тенденций. Понятно, что это не обеспечивало сколько-нибудь широкого видения будущего общества.

Таким образом, если подходить к объяснению при-

* Считается, что термин «футурология» создан О. Флехтхаймом и им же введен в научный оборот в годы второй мировой войны. Однако корни данного термина можно отыскать в средневековой философии. Так, название журнала «Фьюрибль», занимающегося пропагандой футурологии, заимствовано у испанского иезуита Луиса де Молины, который жил в XVI в. Согласно его представлениям, будущность лишена элемента необходимости и есть по своей природе возможность. Этой концепции, вытекающей из идеалистического понимания истории, и соответствует понятие Л. де Молины.

¹ R. C. x. On Thinking about Future World Order.— «World Politics», 1976, No. 2, p. 176.

чин появления футурологии с точки зрения буржуазного обществоведения, то следует принимать в расчет все основные тенденции его эволюции. В этом плане мы считаем вполне обоснованным мнение В. В. Мшвениерадзе, который отмечает, что футурология является в какой-то степени реакцией на буржуазную философию, уходящую, как правило, от анализа законов общественного развития, и на продолжающееся засилье эмпирических исследований, бессильных не только решить, но даже корректно поставить вопросы, касающиеся широкого, масштабного охвата социальной перспективы².

Однако конкретно-историческая оценка такого идеологического феномена, как футурология, невозможна без надлежащего учета и другой стороны дела: практики общественного развития, явлений реальной жизни, логика которых воздействует на разные формы идеологии и отражается последними.

Интерес к предвидению будущего становится в наши дни ярко выраженной общественной потребностью. Уже сам тот факт, что он выходит за рамки чисто академических кругов, говорит о его обусловленности важными практическими задачами, которые ставит и решает человеческое общество в условиях нынешней исторической эпохи.

Резко возросшая необходимость предвидеть будущее вызвана комплексом разнообразных причин. Однако все они прямо или косвенно связаны с наиболее существенными чертами современного общественного развития. Главная из них — это бурный рост социальной активности народных масс во всем мире, их участия в сознательном историческом творчестве в борьбе за национальное и социальное освобождение, в строительстве нового, справедливого общества. «Наше время,— указывает в речи на XVI съезде профсоюзов Л. И. Брежнев,— время неуклонного подъема всемирно-исторической роли человека труда. Везде трудящиеся идут в авангарде борьбы за мир и международную безопасность, за национальное освобождение и социальный прогресс. Они берут в свои руки судьбы цивилизации. Это — надежные, спль-

² См.: В. В. Мшвениерадзе. Борьба идей в современном мире. В сб.: Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971, с. 22.

ные руки!»³ Социальная активность трудящихся опирается на их решающую роль в сфере материального производства, науки и техники. Современная научно-техническая революция и ее результаты оказывают поистине мощное влияние на общество, вызывая стремительное изменение всех сторон общественной жизни. Все это с особой остротой ставит перед человечеством проблемы предвидения будущего и требует одновременно принципиально нового подхода к ним.

Сегодня разработка таких проблем уже не может зависеть только от субъективного выбора того или иного ученого. Строительство социализма и коммунизма в государствах социалистического содружества, размах классовой борьбы на мировой арене и в отдельных капиталистических странах, бурный прогресс науки и техники повышают роль предвидения будущего: оно становится неотъемлемым элементом научного руководства процессами созидания нового общества, выработки действенной стратегии классовой борьбы против эксплуататоров, а также решения многих общечеловеческих проблем. Это прекрасно понимают рабочий класс и его марксистско-ленинские партии. Острую потребность в предвидении грядущих событий испытывают и представители эксплуататорских классов, использующие его в целях защиты своих интересов. «...Никакой общественный класс, никакие политические партии или государства,— пишет по данному поводу французский философ-марксист Л. Лавалле,— не могут определить свою стратегию и тактику, ограничиваясь одной интерпретацией фактов настоящего момента. Каждый класс в международном масштабе — и буржуазия и рабочие — должен пытаться раскрыть долгосрочные тенденции общественного развития, начиная с уровня производительных сил и кончая уровнем надстройки. Прогноз становится... очень важным идеологическим элементом классовой борьбы в мировом масштабе»⁴.

В обстановке раскола мира на противоположные общественные системы, при наличии в странах капитала класса эксплуатируемых и класса эксплуататоров, а также проведении капитализмом антинародной, импе-

³ «Правда», 1977, 22 марта.

⁴ Л. Лавалле. За марксистское исследование будущего. М., 1974, с. 116.

риалистической и неоколониалистской политики нельзя, разумеется, говорить о предвидении как о чем-то, стоящем над классами. Попытки некоторых буржуазных идеологов создавать некую «общечеловеческую стратегию предвидения» не приносят успеха, так как они внутренне несостоятельны. Содержание и характер, задачи и цели, функции и возможности предвидения общественных процессов основательно различаются между собой в зависимости от того, какой класс является субъектом прогностической деятельности.

Прогнозирование общественных явлений нельзя себе представить иначе, как одно из конкретных и притом весьма важных проявлений активности того или иного класса в области идеологии. Отсюда оно неизбежно подчиняется целям классовой идеологической борьбы. Если международный рабочий класс связывает предвидение с выполнением своей всемирно-исторической миссии, то капитал, наоборот, стремится найти в прогнозировании будущего лишь такие стороны, которые послужили бы основой аргументов в пользу его господства.

Идеи международного рабочего класса и буржуазии объективно исключают друг друга. Поэтому никакое их «примирение» невозможно. «В борьбе двух мировоззрений,— подчеркивается в докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС,— не может быть места нейтрализму и компромиссам»⁵. Сказанное в полной мере относится и к содержанию прогнозов общественного развития, разрабатываемых представителями противоположных идеологий.

Таким образом, интерес современной монополистической буржуазии к предвидению не есть одно из отражений общечеловеческой потребности иметь необходимый запас знаний о будущем в условиях стремительных темпов общественного прогресса. Этот интерес с самого начала приобретает ярко выраженную классовую направленность.

С тревогой наблюдая за развитием исторического творчества народных масс, монополистическая буржуазия все чаще приходит к убеждению о необходимости социального предвидения, которое отстаивало бы ее взгляды на будущее. Полезность предвидения она видит

⁵ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 99.

прежде всего в том, что человеческое действие, как индивидуальное, так и коллективное, носит целесообразный характер и, следовательно, поддается соответствующему идеологическому воздействию. Кроме того, буржуазные идеологи являются свидетелями революционно преобразующей роли научных прогнозов общественного развития, когда они становятся достоянием трудящихся масс в различных странах. Желание «нейтрализовать» влияние этих прогнозов имеет далеко не последнее значение в объяснении увлечения буржуазии социальным прогнозированием.

Интерес монополистической буржуазии к прогнозированию, если подходить к нему с точки зрения сущности современных исторических процессов, продиктован прежде всего желанием подчинить огромные массы трудящихся своему влиянию с тем, чтобы воздействовать на будущий ход истории в соответствии со своими главными классовыми задачами.

Ближайшим объектом внимания буржуазных прорицателей будущего служили и служат капиталистическое общество и те кризисные изменения, которые в нем происходят. Озабоченность американских социологов по поводу будущего, как подчеркивает американский исследователь П. Холландер, вполне очевидна. «Хотя динамическая природа американского общества имела тенденцию быть источником гордости для многих,— пишет П. Холландер,— все более увеличивалось число тех, кто сознавал опасности, связанные с разрушительными изменениями во многих областях жизни»⁶. С каждым новым ударом кризиса усиливается нестабильность всех институтов американского капитализма, что действительно оправдывает тревогу его сторонников по поводу будущего.

Однако особенности исторических процессов нашей эпохи не позволяют буржуазным идеологам концентрироваться исключительно на судьбах близкого им капиталистического строя. Бурный рост мирового социалистического содружества, оказывая усиливающееся воздействие и на развитие капитализма, служит важнейшим непрерывно действующим источником интереса к будущему. Необходимость постоянно сравнивать основные

⁶ «Sociology of the Future», N. Y., 1971, p. 213.

социальные итоги развития капитализма и социализма, сопоставлять тенденции изменения каждой общественной системы — непреложный факт идеологической борьбы на данном этапе и в перспективе. Его не могут игнорировать противники социалистического общества.

Элемент сопоставления перспектив капитализма и социализма присутствует также в работах П. Холландера. В книге «Американское и советское общество» он приходит, например, к выводу, что США не смогут избавиться от кричащих социальных противоречий и неравенств. Но они в то же время могут лишиться своих «демократических институтов и ценностей» под напором «объединенных сил отчаяния, анархии, левого и правого экстремизма». Причиной социальных волнений, по мнению автора, служит «сильная интенсификация ожиданий» и особенно убеждение части общества в том, что социальное зло может быть устранено. Осознание людьми своего заблуждения привело бы к катастрофическим последствиям: американское общество может быть разрушено вследствие серии конфронтаций «между теми, чьи ожидания не оправдались, и теми, кто гордится его достижениями». В этих конфронтациях ведущую роль призвана сыграть «идеалистическая, образованная, принимающая активное участие в общественной жизни и, сверх всего, нетерпеливая молодежь». Итак, будущее США неотделимо от постоянной внутренней борьбы в стране. Что же касается советского общества, то оно, по мнению П. Холландера, стабильно, так как ему не свойственны противоречия, наблюдаемые в Соединенных Штатах⁷.

Буржуазные социологи и философы, историки и экономисты в своих размышлениях об исторических процессах вынуждены учитывать также наличие марксистской идеологии, не знающей себе равных, в частности, по способности давать глубокие научно обоснованные социальные прогнозы.

Мы остановились лишь на самых важных субъективных и объективных моментах общественной жизни, стимулирующих интерес к будущему. О масштабах данного интереса говорит «бум исследований будущего». Под этим названием, которое больше напоминает практику

⁷ P. Hollander. Soviet and American Society: a Comparison. N. Y., 1973.

капиталистической рекламы, нежели исследовательский подход, скрывается количественный рост исследований будущего. Они требуют вдумчивого ознакомления и анализа. При этом прежде всего следует учитывать специфичность форм, обусловленную целями капиталистического строя и его кризисным состоянием. Прежде всего следует упомянуть о растущей популярности футурологии как «науки» о будущем.

Результат возрастания интереса к футурологии — создание научно-исследовательских институтов и факультетов, проведение международных конгрессов, расширение выпуска футурологических изданий, в частности подготовка «фундаментальных трудов» по футурологии. Только в США насчитывается ныне более 600 институтов и организаций, занимающихся наукой о будущем. Несколько сотен таких организаций имеется в Западной Европе, Японии и т. д.

Весьма видное место в разработке футурологических теорий и прогнозов принадлежит крупнейшим «научно-исследовательским» и пропагандистским центрам антикоммунизма и профессиональным антикоммунистам.

В системе многочисленных американских учреждений и центров по планированию и прогнозированию будущего следует отметить прежде всего «РЭНД корпорейшн» (во главе с Г. Роуэном), штаб-квартира которой находится в городе Санта-Моника, штат Калифорния. Она известна своими разветвленными связями с министерством обороны и военно-промышленным комплексом, откуда и получает заказы на исследования, а также немалые суммы денег. Число сотрудников корпорации уже к концу прошлого десятилетия составило 1200 человек. Ими разрабатывалось около 200 проектов в области социальных наук. Исключительно большую роль в «исследованиях» корпорации занимают внешнеполитические и особенно военно-стратегические прогнозы, разрабатываемые с учетом «будущей войны». Конкретными видами военно-стратегического программирования выступают «военные» и «ядерные» игры, имитирующие столкновение воюющих сторон. Результатом исследований подобного рода явились, в частности, книга Г. Кана «О термоядерной войне» и его же программа «постадийной ликвидации социализма» в странах Восточной Европы, обнародованные в 60-е годы.

Созданием «привлекательных» перспектив развития системы государственно-монополистического капитализма США занимается «Комиссия 2000 года» (во главе с Д. Беллом).

Исследованиями будущего в сочетании с разработкой и совершенствованием тактики антикоммунизма, предназначенной для борьбы против стран социалистического содружества, мирового коммунистического движения и марксистско-ленинского учения, заняты сотрудники Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, Гудзоновского института (во главе с Г. Каном), Исследовательского института международных изменений при Колумбийском университете и т. д.

В ФРГ действуют Институт Макса Планка и Общество исследований будущего. В Ганновере функционирует Исследовательский институт направлений технологического развития. Он создан по инициативе 50 ведущих частных промышленных объединений страны при поддержке ряда государственных предприятий и учреждений. Среди них — известный концерн Сименса, нефтяные компании, автомобильные фирмы, предприятия тяжелой промышленности. Каждый из инициаторов создания Института ежегодно отчисляет в его бюджет до 100 тыс. марок. Одним из нововведений правящей коалиции СДПГ и СДП явилось, по сообщению журнала «Шпигель», решение учредить пост советника правительства по вопросам исследования будущего. На это место был назначен гамбургский философ К. Ф. фон Вайцекер⁸.

Во Франции пользуется известностью общество «Фютюрибль», основанное Б. де Жувенелем, в Великобритании — «Комиссия ближайших 30 лет».

Известный английский писатель-фантаст Г. Уэллс писал в одной из своих статей о том, что в мире имеется много профессоров в разных областях знаний, но в то же время нет ни одного профессора, который занялся бы преподаванием науки о будущем. Ныне положение изменилось и здесь. Одновременно с созданием футурологии как особой «науки» о будущем раздавались голоса, требовавшие ее включения в число дисциплин, пре-

⁸ «Der Spiegel», 1969, 10. November, S. 204.

подаваемых в вузах. Такие предложения были поддержаны П. Сорокиным, Л. Мэмфордом, Т. Манном, М. Лернером, О. Хаксли и другими известными западными учеными и интеллектуалами. В результате преподавание новой науки введено не только в высших, но и средних учебных заведениях.

В США, например, футурология преподается даже в школах (под названием «футуристика»). Внимание школьников привлекается к таким проблемам, как смысл изучения будущего, пути эволюции человеческого рода, способы и формы удовлетворения человеческих потребностей (в жилье, транспорте и т. д.), техника как продолжение и развитие способностей человека, будущность общественных отношений на микро- и макроуровнях.

Состоялось несколько международных футурологических конгрессов: в Осло (1967 г.), Дубровнике (1976 г.) и др.

В 1974 г. создана Всемирная федерация исследований будущего, в которую входят 15 организаций и около 120 индивидуальных членов.

Весьма пестр состав лиц, включившихся в сферу исследований будущего. На протяжении последних десятилетий вопросами будущего занимались видные буржуазные социальные философы и историки, социологи и психологи: О. Шпенглер и А. Тойнби, А. Вебер и К. Маннгейм, Э. Фромм и С. Фрейд, Р. Юнгк, Л. Мэмфорд, Ф. Поллак, О. Флехтхайм, Д. Белл, Г. Кан, У. Ростоу и др. К ним примыкали многочисленные владельцы предприятий, статистики, теоретики по вопросам народонаселения и архитектуры и т. д. Последние проявляли интерес к будущему, поскольку это диктовалось родом занятий и, как правило, ограничивались специальными вопросами, не вдаваясь в обобщения мировоззренческого характера. Но будущее общество волнует не только западных ученых и представителей деловых кругов.

Помимо футурологии, интерес к будущему в западных странах воплощается и в других формах, которые не всегда претендуют на формальную научность, но тем не менее имеют свое значение для пропаганды господствующих взглядов на социальное будущее. С этой точки зрения их связь с футурологией не вызывает сомнений. Заметную роль в идеологической борьбе вокруг

проблем социального будущего играет, например, литература, относимая на Западе к категории «сайенс фикшн». Отличительная ее особенность — перенесение действия рассказов, повестей, романов и т. д. в будущее с учетом отдельных тенденций развития науки и техники. Основоположниками жанра считают таких известных писателей, как Ж. Верн, Г. Уэллс и др. Однако «сайенс фикшн» в целом — это не научная фантастика в нашем понимании. Наряду с действительно заслуживающими внимания работами она включает произведения весьма сомнительной ценности, авторы которых занимаются экстраполяцией на будущее наиболее отвратительных черт современного буржуазного общества. Пропагандируются агрессивные войны, насилие, порабощение людей друг другом, аморализм и т. д. Большая дань отводится антикоммунизму и антисоветизму. В результате возникают искаженные представления о будущем. «Деформированное будущее» — так назвала группа западногерманских социологов свою работу, посвященную анализу «сайенс фикшн»⁹. От подобной псевдолитературы стремятся отмежеваться сколько-нибудь серьезные представители «сайенс фикшн». Тем не менее это далеко не всегда удается. В увеличивающемся потоке книг, а число их названий составляет многие тысячи¹⁰, главное место занимает всякого рода халтура. Влияние ее на сознание и умонастроение массового читателя нельзя недооценивать.

Следует обратить внимание еще на одну категорию «прорицателей будущего». Это разного рода «оракулы», гадалки, «звездочеты», «медиумы», составители гороскопов и т. д. Хотя они и не пользуются признанием со стороны буржуазных ученых, им тем не менее принадлежит определенная роль в сфере «предсказаний будущего». Шарлатаны оказывают известное влияние и на отсталые слои населения, распространяя реакционные, а порой и откровенно антикоммунистические идеи о будущем. Этим, пожалуй, не в последнюю очередь объясняется терпимое, если не благосклонное отношение к такого рода «предсказателям» грядущего со стороны правящего класса.

⁹ «Die deformierte Zukunft». München, 1974, S. 11.

¹⁰ *Ibidem*.

В век поразительных достижений научно-технической революции и попыток человека заглянуть не только в 2000-й, но и в 2050-й и в 2100-й гг. весьма нелегко представить себе такое положение, когда наряду с учеными о будущем берется судить шарлатан. Тем не менее это факт. Автор одной французской книги приводит следующие данные о распространении шарлатанства, известного под названием астрологии. В Соединенных Штатах имеется по крайней мере 30 тыс. астрологов. Двадцать специальных астрологических журналов исследуют вопрос о влиянии небесных светил на человеческую судьбу, причем одно из этих изданий выходит тиражом в 500 тыс. экземпляров. Более 2 тыс. газет имеют постоянный отдел астрологии. Радио также уделяет достаточно времени отгадыванию будущего по звездам. После серии радиобесед некая мисс А. в течение трех месяцев получила 550 тыс. заказов на составление гороскопа. По данным одной анкеты, 5 млн. американцев ежегодно уплачивают 200 млн. долларов за гороскопы и другие виды гадания¹¹.

В 70-е годы деятельность «футурологов» подобного типа, если судить по некоторым ее результатам, не ослабла, а приобрела еще больший размах. По данным опроса общественного мнения в США, опубликованным в начале апреля 1974 г., количество лиц, которые верят в существование дьявола, увеличилось с 37% опрошенных в 1964 г. до 48% (при этом еще 20% опрошенных верят в существование дьявола наполовину), в то время как количество верующих в бога снизилось соответственно с 77 до 69%. Не исключено, замечает по этому поводу лондонский журнал «Экономист», что в одно прекрасное время дьявол окажется впереди по числу приверженцев. Самому возрождению веры в дьявола этот журнал придает социальное значение и видит в этом «еще один признак, говорящий о конце эры гуманистического оптимизма»¹². Такой вывод вполне понятен, так как в мистических представлениях о будущем человек превращается в беспомощную игрушку всякого рода сил, диктующих ему свою волю. Стоит ли поэтому удив-

¹¹ См.: М. Лифшиц. Маркс и трагедия буржуазной культуры.— «Коммунист», 1968, № 6, с. 90.

¹² «The Economist», 1974, April 13, p. 18.

ляться, что подобное положение может внушать человеку лишь страх и уныние.

Институционализация футурологии не привела к вытеснению астрологов и шарлатанов из сферы прогнозирования будущего. Они процветают благодаря поддержке весьма влиятельных кругов. По сообщениям западной печати, деятели буржуазных политических партий и государственные служащие высоких рангов в Бонне, Париже и других западных столицах постоянно поддерживают тесный контакт с «оракулами» и «ясновидцами» и даже получают от них «консультации» по актуальным проблемам развития своих стран и всего мира. Крупнейшие буржуазные газеты и журналы охотно печатают «прорицания оракулов» насчет экономического кризиса и девальвации национальных валют, разрядки международной напряженности в Европе и событий в африканских странах, ядерного арсенала КНР и советско-американских отношений. Практически любой вопрос современного общественного развития и международной политики, привлекающий внимание людей, превращается в объект того, что можно назвать гаданием на кофейной гуще.

«Оракулы» и «звездочеты» широко используют в своих интересах настроения неуверенности в завтрашнем дне, усилившиеся в результате дальнейшего развития общего кризиса капиталистического общества. Поэтому в последнее время влияние шарлатанов не ослабло, а, наоборот, усилилось. Этот факт вызывает растущую тревогу западных ученых.

В английском журнале «Хьюманист» опубликовано специальное заявление, под которым поставили свои подписи 186 известных ученых, включая 18 лауреатов Нобелевской премии, из разных стран: США, Канады, Великобритании, Франции, Голландии, Австрии и др. Астрономы, астрофизики и представители многих других наук выражают свое отрицательное отношение к деятельности астрологов и ее последствиям. Они подчеркивают ошибочность представлений о том, будто «силы, исходящие от звезд и планет в момент рождения человека, могут в какой-либо степени определять его будущее». В заявлении одновременно отражается попытка выяснить причины увлечения астрологией в западных странах. «Почему люди верят астрологии?» — спраши-

вают ученые. Ответ, по их мнению, заключается в том, что «во времена неуверенности многие ищут утешения в руководстве для принятия решений. Им хотелось бы верить в судьбу, предопределяемую неподконтрольными человеку небесными силами»¹³. В действительности же, как утверждают авторы заявления, «мы должны обратиться лицом к миру и осознать, что наше будущее зависит от нас самих, а не от звезд»¹⁴. Ученые выражают свое глубокое беспокойство по поводу того, что интерес к астрологии пронизывает все современное буржуазное общество. «Мы,— говорится в заявлении,— особенно обеспокоены продолжающимся некритическим распространением астрологических диаграмм, прогнозов и гороскопов средствами массовой информации, авторитетными газетами, журналами, книжными издательствами. Это может лишь способствовать росту иррационализма и обскурантизма. Мы полагаем, что настало время бросить прямой вызов претенциозным требованиям астрологических шарлатанов»¹⁵. Поставленную задачу никак нельзя отнести к числу легких.

Немаловажную роль в вовлечении в сферу предсказаний будущего лиц, столь разнохарактерных по своему отношению к науке, играет мотив личной материальной выгоды. Высокий платежеспособный спрос на прогнозы порождает не только предложение, но и обуславливает их качество. На эту сторону дела обращает внимание журнал Американской ассоциации политических наук. Смотреть в хрустальный шар и обожествлять будущее, как отмечается в нем, стало прибыльным предприятием: А. Тоффлер (прославившийся книгой «Будущий шок»), Г. Кан, Д. Белл, Дж. Оруэлл и другие любители футурологии возбудили любопытство публики к таким целевым датам, как 1984 и 2000 гг. Каждый из авторов имеет свое самостоятельное «видение», «простирающееся от благословенной утопии до надвигающегося страшного суда»¹⁶. К этому можно добавить: все эти видения щедро оплачиваются как раз потому, что отвечают взглядам на будущее, вполне устраивающим господствующий класс.

¹³ «The Humanist», 1975, September—October, p. 4.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ «The American Political Science Review», 1973, No. 2, p. 711.

Каково социальное лицо столь многочисленной армии прогнозистов и составляемых ими прогнозов общественной жизни?

В советской и зарубежной марксистской литературе указывается на необходимость строго дифференцированного подхода к оценке разных направлений и позиций в области футурологических исследований, определяемых в итоге состоянием всей современной буржуазной идеологии¹⁷. Такое требование совершенно правильно как с научной, так и с практической точки зрения. В процессе предвидения будущего принимают участие представители разных классов и социальных групп современного буржуазного общества. Их огульное отнесение к силам реакции или же, наоборот, прогресса означало бы дань схеме, противоречащей действительности и, следовательно, непригодной для ее объяснения.

По социальному содержанию все футурологические теории и прогнозы можно отнести к двум главным направлениям: буржуазно-апологетическому и социально-критическому. Первое выражает интересы финансово-монополистической и бюрократической верхушки современного буржуазного общества. Второе, выступая в целом на почве капитализма, содержит известные социально-критические акценты. Они отражают оппозиционные, прежде всего антимонополистические и антибюрократические настроения внутри весьма широкого спектра социально-политических сил: от средней и мелкой буржуазии до представителей интеллигенции, учащихся, особенно студенчества, некоторых групп населения, подвергаемых дискриминации по расовому, религиозному и другим признакам и т. д. Каждое из указанных выше двух направлений является предельно широким и в свою очередь распадается на более узкие течения.

Так, в буржуазно-апологетическом направлении принято различать три позиции. Их особенности отражают конкурентную борьбу за власть, доходы и влияние в обществе трех важнейших элементов структуры государственно-монополистического капитализма: представителей крупного бизнеса, государственного аппарата и бюрократизированной официальной науки. Сложные перипетии борьбы этих группировок из-за места «ка-

¹⁷ См.: Э. А. Араб-Оглы. В лабиринте пророчеств, с. 20—21.

питана», который поведет капиталистический «корабль» в будущее, и отражаются в футурологических концепциях Д. Белла, Г. Кана, П. Дракера, У. Ростоу (США), Р. Арона (Франция), Р. Дарендорфа (ФРГ), а также их многочисленных последователей.

Еще более неоднородно социально-критическое направление. Здесь выделяются буржуазно-либеральные и мелкобуржуазные тенденции самых разных оттенков. Данное направление ассоциируется с работами основоположников футурологии О. Флехтхайма и Р. Юнгка, с социальными прогнозами Г. Маркузе, В. Абендрота и др.

Сразу же заметим, что все указанные выше деления условны и во многом подвижны. Свойственные их представителям приверженность к частной собственности и буржуазный индивидуализм, недооценка либо игнорирование революционной роли рабочего класса в обществе, зачастую предвзято негативное отношение к реальному социализму создают весьма благоприятную почву для распространения влияний, исходящих от идейных слуг монополистического капитала.

Всеобщность господства финансового капитала, как указывает западногерманский исследователь-марксист Д. Клейн, включает тенденцию к интеграции в систему государственно-монополистического капитализма и тех исследователей будущего, которые критически и политически остро оценивают недостатки капитализма. Однако они не видят необходимой связи между реакционной политикой империализма и его главной опорой — монополией. Поэтому им чуждо понимание необходимости союза с рабочим классом в борьбе против империалистической системы за подлинное будущее¹⁸.

Здесь нельзя не упомянуть об антикоммунизме и антисоветизме. Заманивая многих представителей социально-критического направления в ловушку антикоммунистических и антисоветских идей, финансово-монополистический капитал добивается в ряде случаев существенного ограничения пределов критики по своему адресу. Но главное состоит в том, что страдает содержание критических выступлений. Вне его оказываются наиболее конструктивные элементы, способные указать массам перспективу социального освобождения и пути

¹⁸ «Marxistische Blätter», 1970, Nr. 2, S. 13.

строительства нового общества. Таким образом, следование антикоммунистическим и антисоветским догмам лишает представителей социально-критического направления возможности выдвинуть собственную альтернативу будущего и по сути замыкает их в узких рамках его видений, исходящих от идеологов господствующей в обществе верхушки. Антикоммунизм и антисоветизм ведут в итоге к подчинению социально-критической мысли о будущем капитализма идейному влиянию крупного капитала и тем самым прямо противопоставляются интересам масс.

Некоторые ведущие футурологи (Р. Юнгк и др.) не без тревоги говорят о том, что господство индустрии над футурологией означает упрочение правоконсервативных и даже фашистских позиций в сфере прогнозирования будущего.

Таким образом, исследования будущего, проводимые в странах капиталистической системы, по своему социальному характеру определяются интересами современной крупной монополистической буржуазии. «Наиболее отчетливо сущность буржуазной футурологии проявляется в концепциях и теориях, которые выражают интересы государственно-монополистического капитала. Ударную идеологическую силу этого направления составляют теории «конвергенции», «индустриального» и «постиндустриального» обществ и т. п., представляющие утонченную форму апологетики капиталистической системы»¹⁹.

Заметная активизация исследований будущего и одновременно их включение в идеологическую борьбу вызывают постоянную необходимость анализа теоретического содержания этих исследований. Поскольку повсеместно на Западе проявляется тенденция относить их к футурологии, выступающей в данном случае в роли «науки о будущем», остается актуальным вопрос о том, как буржуазные идеологи представляют себе качественную специфику данной «науки» и ее предмет. Ясно, что лишь при наличии объективно обусловленного и четко сформулированного предмета исследования наука может существовать и развиваться в качестве науки. Опыт

¹⁹ «Будущее и борьба идей». — «Проблемы мира и социализма», 1971, № 1, с. 23.

более чем десятилетней эволюции футурологии свидетельствует об отсутствии у ее представителей единого взгляда на этот счет. Профессор Колумбийского университета Р. Кокс считает, что под рубрикой «футурологии» выступает вся современная литература о будущем²⁰. Стремление буржуазных идеологов сделать будущее предметом науки вызвало спор и вокруг вопроса о том, должна ли футурология ограничиться ролью специальной дисциплины и довольствоваться своим местом среди других дисциплин буржуазного обществоведения или же претендовать на нечто большее. В последнем случае речь шла о таком положении данной науки, которое позволяло бы ей синтезировать выводы других наук и, следовательно, придавать этим выводам не только временную, но и определенную мировоззренческую направленность. Такую, например, позицию в споре футурологов о характере своей науки занял Ю. Флейхтхайм. По его мнению, исследования будущего должны быть организованы в качестве «универсальной» дисциплины — «наподобие философии» — или же представлять «особый участок» в рамках других дисциплин. Специфическая особенность исследований в любом случае должна выражаться в сочетании идей и положений, глубоко различных по степени своей научной верификации: абсолютно достоверных, менее правдоподобных и чисто спекулятивных, обладающих лишь абстрактной возможностью осуществления²¹.

Подобный подход к пониманию сущности своей дисциплины обнаруживается и другими видными футурологами (Д. Беллом, Г. Каном). Можно утверждать, что он типичен для основной массы буржуазных исследователей будущего. Даже если предположить, что исследования формально не выделяются из соответствующих специальных дисциплин, фактически имеет место противопоставление первых последним благодаря, в частности, вторжению спекулятивного мышления. В то же время главным и по сути единственным критерием футурологии становится перспективная ориентация исследований, оторванная от их конкретного предмета и содержания.

В марксистской литературе убедительно разоблача-

²⁰ «World Politics», 1976, No. 2, p. 176.

²¹ «Universitas», 1967, Heft 6, S. 590.

ются претензии футурологии на роль «науки» о будущем. Такая «наука» неизбежно требовала бы ограничения компетенции всех существующих наук о природе и обществе только прошлым и настоящим. Исследование же будущего становилось бы прерогативой футурологии. Следствием этого было бы ее противопоставление другим наукам и превращение в некую «науку наук». Подобный подход в сочетании с ненаучной методологией исследования общественных явлений, реакционными классовыми целями не только противоречит логике научного познания, но и наносит ей прямой ущерб.

Ученые-марксисты указывают на комплексный характер научного прогнозирования. В процессе составления прогнозов принимают участие представители многих наук, что обеспечивает всесторонний анализ явлений и их взаимосвязей. Базой предвидения служит исследование настоящего, так как в нем возникают и в той или иной степени содержатся тенденции будущего развития. В действительности настоящее и будущее образуют диалектическое единство исторического процесса, выступая в качестве его сторон. И в соответствующих науках или же их комплексе изучение существующего и прогнозирование грядущего составляют два неразрывных звена единого процесса познания. Разъединение этих звеньев привело бы к уничтожению той логической цепочки, которой придерживается человеческий ум, устремляясь от настоящего в еще не изведенное будущее.

Верность принципам материалистической диалектики побуждает исследователей-марксистов решительно противиться искусственному вычленению функций и задач исследования будущности с целью превращения их в прерогативу футурологии. Нельзя не согласиться с точкой зрения советских исследователей Т. Тимофеева и А. Фаддеева, которые подчеркивают, что это усилило бы возможность (и подкрепило бы вызванный классовыми интересами буржуазии соблазн) субъективного произвола в социальном прогнозировании, псевдонаучного конструирования картин будущего, хотя милых их заказчикам и авторам, но игнорирующих объективные данные современной науки. Отсюда претензии футурологов на монополизацию социального предвидения несбыточны²².

²² См.: Т. Тимофеев и А. Фаддеев. Ленинизм и проблемы социального прогнозирования.— «Коммунист», 1971, № 1, с. 15.

Претензии футурологии на роль «науки» о будущем отвергаются не только советскими исследователями. Оспариваются они также в странах социалистического содружества и среди исследователей-марксистов в несоциалистическом мире. Понятие футурологии, как отмечали, например, участники совещания по вопросам развития социальных и гуманитарных наук, состоявшегося в ЦК ПОРП 26—27 апреля 1973 г., не выражает существа проводимых в ПНР исследований будущего и поэтому целесообразность использования этого понятия вызывает сомнения. Подчеркивалось, что употребление данного термина не представляется уместным, ибо, когда мы говорим о футурологии, то имеем в виду прежде всего целесообразное научное прогнозирование предполагаемых тенденций и направлений развития, используемое в качестве источника определенных выводов для практики. Широко распространенные в мире разнообразные футурологические размышления, наоборот, содержат в себе большую долю фантазии. Буржуазная футурология часто запутывает противоречия современного мира, отвлекает внимание от необходимости социальной революции и распространяет иллюзии, будто научно-технический прогресс сам по себе приводит к решению проблем, стоящих перед человечеством. Научное прогнозирование будущего должно последовательно опираться на марксистско-ленинскую методологию, концентрировать внимание на социальных процессах, обуславливающих будущее²³.

Негативное отношение марксистов к футурологии как к «науке о будущем» обосновывается также рассмотрением представлений футурологов о ее специфике, предмете, задачах и т. д.

На Западе понятие «футурология» охватывает чрезвычайно большой комплекс дисциплин и включает в себя исследования на всех уровнях: от чисто прикладного до создания широких теоретических обобщений исторического процесса в целом. Уже этот факт свидетельствует о том, что мы имеем дело с весьма сложным в структурном отношении явлением. Ю. П. Ожегов указывает на ряд важных моментов, которые на данном этапе затрудняют анализ: огромное и все возрастающее количество разного рода футурологической информации (официаль-

²³ «Nowe Drogi», 1973, Nr. 6, s. 12.

ная документация, научные работы, материалы пропагандистского характера и т. д.), неоднородность футурологии, проявляющаяся по всем без исключения линиям (организационной, социальной, идейно-теоретической), и начальный этап становления в качестве научной дисциплины²⁴. Все это имеет непосредственное значение для определения предмета футурологии, а следовательно, и ее специфики, а также границ.

Затронутый вопрос представляет интерес не только для сторонников футурологии. Мимо него не могут пройти и ее критики, в особенности те, которые ведут полемику с футурологией, основываясь на позициях марксизма-ленинизма. Марксистско-ленинская наука, руководствуясь принципами материалистической диалектики, вырабатывает собственные критерии оценки явлений в разных сферах жизни буржуазного общества. С этих позиций исследуется футурология, но при этом, конечно, учитываются и мнения буржуазных ученых.

Спор о предмете футурологии, начатый на Западе более десяти лет тому назад, и сегодня далек от завершения. Высказываются разные, порой диаметрально противоположные суждения о том, чем она должна заниматься и что не входит в ее компетенцию. Кстати, нет пока единства во взглядах и на название самой науки. Возникают разногласия и по вопросу, кого считать представителями футурологии. Для того чтобы более наглядно представить ситуацию, сошлемся хотя бы на такой пример. Развитие футурологии сопровождается разработкой развернутых концепций о будущем капитализма и социализма, в частности, в свете научно-технической революции. Многие их авторы пользуются репутацией «звезд» футурологии. Если обратиться к мнению самих ученых, то оказывается, что они вовсе не склонны относить себя к представителям данной дисциплины. Не желая считать свои концепции упражнениями в области «футурологии», они в то же время заявляют о попытках осмыслить нынешние тенденции ради того, чтобы создать динамическую перспективу происходящих событий.

Ясно выраженное намерение отмежеваться от футурологии продиктовано, по-видимому, глубокими мотива-

²⁴ См.: Ю. П. Ожегов. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба, с. 17—19.

ми. Можно предположить, что среди них имеет известное значение и неопределенность ее предмета. Во всяком случае отрицательное отношение ряда буржуазных ученых к тем исследованиям будущего, которые в их представлении являются футурологией, показательно. Подобных взглядов придерживаются и некоторые органы буржуазной печати. Так, по мнению лондонского сатирического журнала «Панч», футурология должна вызывать «больше скептицизма», чем она вызывала до сих пор²⁵. Наличие такого рода высказываний говорит о растущем недоверии к футурологии в связи с претензиями ее представителей монополизировать предвидение будущего.

Футурологи, характеризуя свою дисциплину, обычно относят к ней такие элементы: прогнозирование и планирование социальных процессов, а также философию будущего. Попытка очертить предмет футурологии благодаря указанным трем элементам не может, однако, считаться успешной. Такой подход носит чисто формальный характер, ибо вне поля зрения буржуазных ученых остаются объективные закономерности общественного развития. А это мешает правильно понять суть дела: что могут и должны дать подлинные знания о будущем. Да и само разграничение указанных элементов весьма условно, ибо любая попытка планировать или прогнозировать будущее опирается на определенную мировоззренческую основу и, наоборот, философия будущего в той или иной форме включает его прогнозирование и планирование.

В процессе полемики с футурологией марксисты принимают во внимание критерии, выдвигаемые футурологами, и сопутствующие споры. Это помогает выделить конкретный объект критики. Но основное внимание заостряется на раскрытии социально-классового и идейно-теоретического содержания футурологии, а также действительного смысла ее практических выводов и рекомендаций.

Марксисты включают в футурологию ряд современных буржуазных теорий общественного развития. Как отмечает академик Ф. В. Константинов, современные буржуазные идеологи в противовес марксизму наряду с такими философскими направлениями, как неопозитивизм (в различных его разновидностях), экзистенциа-

²⁵ «Punch», 1977, January 5.

лизм, неотомизм, феноменология, выдвигают также социологические, футурологические теории вроде теорий «индустриального», «постиндустриального» и «технотронного» обществ, теории «конвергенции» и т. п.²⁶ Известный болгарский философ Н. Ирибаджакков, говоря о буржуазной футурологии как новом идейном оружии буржуазии в борьбе против марксизма-ленинизма, упоминает те же теории, а также теорию о «стадиях экономического роста», созданную У. Ростоу²⁷. Г. Шахназаров считает, что теория «конвергенции» лежит в «основе современной буржуазной футурологии»²⁸. Г. Дилигенский упоминает о футурологическом крене «постиндустриализма», видя в нем отражение иллюзий определенной части западной интеллигенции, связанных с развитием государственно-монополистического регулирования и, в частности, с повышением роли научных учреждений в системе государственного и фирменного управления. Абсолютизация роли и возможностей науки, научных учреждений и методов научного управления в системе государственно-монополистического капитализма ведет к тому, что желаемое выдается за действительное: элементы организованности и рационализации, поскольку им придается всеобщий характер, рассматриваются как предвестник близкого конца анархии частных интересов²⁹. Польский автор В. Садурски «наиболее известной теорией западной футурологии» считает концепцию «постиндустриального» общества, сформулированную и развитую в многочисленных работах Д. Белла...»³⁰ Ученые из ГДР (Г. Шульце и др.) указывают на футурологический характер теорий «конвергенции» и «эволюционизма», причисляя их к ядру современного антикоммунизма³¹.

Рассмотрение всех указанных концепций в составе футурологии позволяет выделить и подвергнуть всесто-

²⁶ См.: Ф. В. Константинов. Идеологическая борьба на современном этапе.— «Вопросы философии», 1973, № 6, с. 5—6.

²⁷ См.: Н. Ирибаджакков. Развитое социалистическое общество. М., 1974, с. 7.

²⁸ Г. Шахназаров. Идейное знамя коммунизма. К 125-летию «Манифеста Коммунистической партии». — «Правда», 1973. 25 февраля.

²⁹ «Коммунист», 1973, № 3, с. 43.

³⁰ «Polityka», 1975, 15. lutego.

³¹ H. Schulze. Strategie der Gegenprophetie. Zur Kritik der gegenwärtigen bürgerlichen Geschichtsphilosophie. Berlin, 1976, S. 24.

ронной критике их главный элемент: претензии капиталистического строя на историческую перспективу и антимарксистские «видения» будущего человечества.

Возвращаясь к существу предмета футурологии как «особой науки» о будущем человечества, отметим еще одну немаловажную деталь. При всей его расплывчатости и неопределенности, отсутствии качественной специфичности отражаемых явлений он тем не менее не безграничен. В марксистской литературе отмечается, что интегрирование футурологических исследований в систему государственно-монополистического капитализма ставит перед ними известные принципиальные пределы. Так, из предмета исследований фактически исключаются система общественных отношений капиталистического общества и ее основа — экономическое и политическое господство крупного капитала, с одной стороны, и эксплуатация подавляющего большинства населения, с другой; превращение погони за монополистической прибылью в важнейшую общественную цель; объективные исторические закономерности нашей эпохи и в первую очередь борьба трудящихся под руководством рабочего класса против ига капитала. Это оказывает определяющее воздействие на отношение футурологии к потребностям современного и будущего общественного развития и по сути противопоставляет ее этим потребностям. Иначе и быть не может, так как цели монополий каждодневно обнаруживают свою полную несовместимость с решением важнейших проблем человечества, диктуемых интересами его прогресса.

В самом понимании футурологией своего предмета заложена практически неограниченная возможность субъективистских и волюнтаристских представлений о будущем, провозглашающих волю правящего класса «законом» истории. Они-то составляют главное идейно-теоретическое содержание футурологических концепций и накладывают самый сильный отпечаток на ее роль в современной идейной борьбе. Обращает на себя внимание то, что футурологи не могут выработать сколько-нибудь стабильных взглядов на будущее и совершают постоянные колебания от одного «видения» перспективы к другому, часто прямо противоположному. Переходы от одной крайности к другой вызваны боязнью научной констатации объективно обусловленных, закономерных

тенденций развития общества. Страх перед неумолимыми законами истории прикрывается разного рода «нейтральными» представлениями о будущем, за которыми скрываются антикоммунизм и антисоветизм. Характерны в данном отношении взгляды О. Флехтхайма, изложенные им в статье «Третий путь и будущее»³². После окончания второй мировой войны, как отмечает О. Флехтхайм, Западную Европу охватили надежды на лучшее будущее. Их распространению в немалой степени способствовала футурология. Ход событий на первый взгляд подтверждал оптимистические ожидания футурологов. Удалось предотвратить возникновение третьей мировой войны, что явилось бесспорным достижением всего прогрессивного человечества. Относительно быстро были ликвидированы последствия военных действий в экономике европейских стран; начался довольно бурный рост промышленности; известные успехи имело на своем счету сельское хозяйство. Все более ощущалось благотворное влияние научно-технической революции. Это в 50-е и 60-е годы вело к убеждению в том, что человек становится абсолютным властелином над природой. Подобное убеждение поддерживалось и достижениями в космосе: Луна была уже завоевана человеком, а покорение других планет казалось лишь вопросом времени. Так представляли себе мир многие футурологи в течение первых послевоенных десятилетий.

Однако в середине 70-х годов, как подчеркивает О. Флехтхайм, ситуация рисуется в совсем ином свете. Наряду с развитием науки и техники с потрясающей силой проявились разрушительные последствия объективных законов капитализма. Обнаружилось, что старые проблемы остались нерешенными. В то же время к ним добавились и новые трудности. Значительно углубился кризис, охвативший западный мир с 1914 г. В орбите кризиса оказались практически все капиталистические страны. Но кризис, по мнению О. Флехтхайма, вышел за рамки этих стран и приобрел «глобальный характер», что поставило под угрозу всю культуру и даже будущее человека. В обоснование тезиса о наличии «глобального кризиса» делаются ссылки на такие факты, как угроза

³² O. Flechtheim. Dritter Weg und Zukunft.— «Die Zukunft», 1975, Nr. 17, S. 17.

разрушения окружающей географической среды в связи с дальнейшим прогрессом науки и техники, гонка вооружений, рост населения и нищеты в «третьем мире», углубление пропасти между «высокоразвитым Севером» и «слаборазвитым Югом», «стирание границы» между войной и миром, обострение конфликтов «внутри наций» и между континентами; рост неуверенности, насилия, агрессивности и их распространение от «периферии к центрам цивилизации». Эти и подобные им явления всеяют буржуазии тревогу за судьбы капиталистического общества.

Печальное состояние, в котором находится капиталистический мир, вызывает красноречивые признания. «В 1975 году,— заявляет О. Флехтхайм,— нам трудно верить в оправдание статус-кво, который благоприятен старым индустриальным державам и защищает их от посягательств кризиса»³³. Одному из ведущих западных футурологов нельзя отказать в наблюдательности. Он хорошо улавливает неспособность капиталистического общества справиться с неподконтрольными ему силами, его беспомощность перед лицом серьезных противоречий и конфликтов. От взгляда О. Флехтхайма не ускользает совершенная непригодность старого «мирового порядка», основанного на господствующем положении горстки империалистических держав и их диктате по отношению к другим странам.

Здесь О. Флехтхайм, как это ни странно, явно не учитывает того, что, кроме мира капитала, существует и развивается социалистический мир, который вовсе не подвержен внутренним процессам кризисного развития и демонстрирует устойчивые темпы экономического, а также социального прогресса. Следовательно, кризис носит международный характер в рамках капиталистической системы.

Однако нас настойчиво хотят убедить в противном на этот раз уже с помощью явного антикоммунизма и антисоветизма. Ход мысли О. Флехтхайма таков. Социальная справедливость и экономическое равенство были лозунгами русской Октябрьской революции 1917 г. До этого свободу, равенство и братство провозгласила французская буржуазная революция 1789 г. Однако обе револю-

³³ O. Flechtheim. Dritter Weg und Zukunft.

ции привели в итоге к установлению обществ, которые, как заявляет О. Флехтхайм, «не выполнили обещаний», либо сделали это «в крайне недостаточной степени»³⁴. Так, в странах капиталистического Запада налицо «экономические привилегии немногих», что мешает достижению равенства людей в «экономической, социальной и культурной сферах». В «коммунистических» же странах, по мнению О. Флехтхайма, налицо «ограничения» в области «свободы» и «культуры». Подобные «ограничения», хотя и в меньшей степени, приписываются также нашей стране³⁵. Тенденциозность таких взглядов очевидна. По социальным последствиям О. Флехтхайм ставит французскую буржуазную революцию 1789 г. и Великую Октябрьскую социалистическую революцию наравне, что убедительно говорит о его антикоммунистической позиции.

Ведь доподлинно известно следующее. Каждая из указанных революций сыграла выдающуюся роль в процессе становления не однотипных, а противоположных по своей природе обществ. В их развитии нет и не может быть никакого параллелизма. Великая Октябрьская социалистическая революция заменила капиталистическое общество социалистическим. Капиталистический строй действительно не оправдал надежд основной массы человечества. Он запутался в непримиримых противоречиях и под напором революционной борьбы трудящихся утрачивает одну за другой свои прежние позиции на исторической арене.

Социализм как общественная система существует всего лишь шесть десятилетий, но, несмотря на столь непродолжительный исторический срок, он добился грандиозного прогресса во всех областях общественной жизни, принес трудящимся невиданное расширение экономических, социальных, политических и других прав и одновременно гарантировал практическую реализацию этих прав. Позиции социализма укрепляются благодаря нарастанию глубоких, всеохватывающих социальных изменений, развитию борьбы всех отрядов международного рабочего класса, разворачиванию национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных

³⁴ О. Flechtheim. Dritter Weg und Zukunft.

³⁵ Ibidem.

странах. Все это подтверждает правильность выводов постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». **«Победа Октября,— говорится в постановлении,— главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества».** Великая Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным следствием общественного развития, классовой борьбы в условиях монополистического капитализма»³⁶. Великий Октябрь продолжает оказывать решающее влияние на обновление всей общественной жизни.

Тот факт, что исторические процессы в условиях современной эпохи отражают немеркнущий свет идей Великого Октября, признается даже убежденными противниками марксизма-ленинизма. Так, профессор политических наук Калифорнийского университета Р. Вессон, автор книги «Ну, почему же марксизм?», заявляет: «Магнетизм (марксизма-ленинизма.— В. Б.) возрастал по мере роста мощи Советского Союза. До первой мировой войны в полуколониальном и колониальном мире о марксизме знали очень мало. Русская революция стала источником вдохновения и символом для подражания»³⁷. Итак, «доводы» с целью затушевать коренное качественное отличие Октябрьской революции от всех предшествующих революций и ее главенствующую роль в формировании социального будущего всего человечества в условиях нашей эпохи оказываются на поверку мифом.

О. Флехтхайм, основываясь на своих порочных, антикоммунистических концепциях, стремится и к известным практическим выводам. Они по своему содержанию выступают против практики революционного перехода от капитализма к социализму. Поскольку идеалы социального и экономического равенства, как нас уверяет, например, О. Флехтхайм, пока не реализованы на практике, необходим «третий путь»: «по ту сторону от американского капитализма и русского коммунизма»³⁸.

Приводится весьма пестрый список поборников «третьего пути». Здесь мы видим имена известных буржуазных экономистов и социологов В. Рёнке, А. Вебера, К. Маннгейма, мелкобуржуазных и «лево» радикальных идеоло-

³⁶ «Коммунист», 1977, № 2, с. 3.

³⁷ «Правда», 1977, 17 февраля.

³⁸ O. Flechtheim. Dritter Weg und Zukunft.

гов О. Бауэра, Э. Фромма; ревизиониста О. Шика и т. д. Главное место и роль в пропаганде «третьего пути» отводится представителям левого крыла христианско-демократических партий, пацифистам, «либеральным социалистам» и ревизионистам. С их помощью надеются привлечь интеллигенцию, молодежные и женские организации на сторону идеи о возможности «преодоления статус-кво посредством актуализации и модернизации христианских и гуманистических, либеральных, а также социалистических традиций и целей»³⁹.

Уже сам перечень лиц, характеризующихся О. Флехтхаймом как сторонников «третьего пути», способен развеять иллюзии даже у людей, не очень искушенных в вопросах идейной борьбы. Эти идеологи хорошо известны своей приверженностью принципам «рыночного» и «плюралистического» социализма, под которым они подразумевают слегка реформированную и подштопанную экономическую и политическую систему государственно-монополистического капитализма. Они враждебно относятся к подлинному социализму, а некоторые из них (О. Шик) даже приняли непосредственное участие в попытках его ликвидации. Таким образом, идея «третьего пути» — это идея защиты капитализма, хотя она и обращается в будущее.

В данном качестве она фигурирует и у О. Флехтхайма. «Третий путь» в «третье будущее», по его заявлению, означает преодоление недостатков и слабостей «тоталитаризма» и «консерватизма». Тому и другому противопоставляется «мировой порядок», основанный на «гуманизации, умиротворении и демократизации решающих сфер общественной жизни»⁴⁰. Такой мир должен постепенно приблизиться к своей конечной цели — «либерально-социалистической глобальной федерации»⁴¹. «Наука о будущем» призвана содействовать этому. Каким образом?

Футурология, по мнению О. Флехтхайма, должна внести свой вклад в решение «важной дилеммы», перед которой очутилось ныне общество. Ее основа усматривается в «противоречии» между изменениями окружающей

³⁹ O. Flechtheim. Dritter Weg und Zukunft.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

природы и «неизменностью» известных качеств человека. Обострение данного «противоречия» создает непосредственную угрозу существованию культуры и самого человека. Отсюда смысл «дилеммы» сводится в итоге к следующему: гибель или спасение?

Показательно, что открытию О. Флехтхаймом данной «дилеммы» сопутствует явный антимарксистский акцент. Подчеркивается, например, «новая» и «неожиданная для науки» постановка вопроса, что и должно служить «интеллектуальным вызовом» марксизму. К. Маркс и его преемники, по заявлению О. Флехтхайма, считали природу неизменно богатой и видели в ней объект бесконечной эксплуатации. Человек же, наоборот, был для них воплощением постоянных изменений: производственные и творческие способности людей развивались по мере того, как отпадали социальные ограничения. Сегодня положение выглядит иначе. Изменилась природа (хотя изменения и приняли негативный характер), однако остались прежними человеческие качества: страсть к разрушению, бесплодность, раболепие. Они характеризовали человека на протяжении тысячелетий и теперь он держится за них более упрямо, нежели можно было предполагать⁴². Таким образом, создателям и последователям материалистической диалектики приписывается совершенно чуждое им понимание мира. Они якобы постоянно и изменение связывают соответственно с природой и человеком, в то время как, по мнению О. Флехтхайма, все обстоит как раз наоборот.

Откровенно метафизические понятия о природе, а также человеке и выдаются за «руководство» для практики. В соответствии с ними формулируется определенный план действий с тем, чтобы противостоять действительно революционному переустройству мира. Предлагается, например, создание на базе ООН мирового парламента, а в качестве первого шага к нему — совещательного органа. Он состоял бы из представителей национальных парламентам стран-участниц или региональных парламентам (Северной Америки, Западной Европы, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и т. д.). Однако члены подобного парламента руководствовались бы в своей деятельности не национальными интересами, а про-

⁴² O. Flechtheim. Dritter Weg und Zukunft.

граммными «партийно-политическими установками» «наднациональных мировых партий» будущего. Первоочередной задачей считается создание 20- или 25-летнего плана развития. «Планетарное планирование» должно быть «гибким, небюрократическим» и основываться на «синтезе планирования и соревнования», «частного и общественного хозяйства», «глобальных целей» и «региональной, локальной, функциональной децентрализации». Основная задача «глобального плана» — решение трех комплексов проблем: питания и «перенаселения», реорганизации ключевых отраслей экономики и промышленности («интернационализация» многонациональных корпораций, с одной стороны, и источников сырья, с другой); разоружения и создания международных формирований⁴³. «План» О. Флехтхайма затрагивает, таким образом, и проблему монополистической собственности.

Вопрос об отношении к деятельности «многонациональных корпораций» (МНК) — это один из принципиальных вопросов, возникающих в ходе борьбы прогрессивных сил нашей планеты за лучшее будущее всего человечества. Народы многих стран на своем опыте убеждаются в том, что МНК представляют собой один из устоев империалистической реакции и мешают общественному прогрессу везде, где это им удастся. Выражая интересы масс, Конференция коммунистических и рабочих партий Европы призвала всех трудящихся выступить за «активизацию и солидарную поддержку борьбы против политики многонациональных монополий, политики, отрицательно влияющей на условия труда и быта трудящихся, грубо нарушающей национальные интересы народов, суверенитет государств»⁴⁴. Такая постановка проблемы отвечает насущным интересам подавляющего большинства человечества.

Какое решение предлагает О. Флехтхайм? Гигантские концерны, по его мнению, должны быть переведены из частного распоряжения немногих суперкапиталистов и менеджеров в «собственность всего человечества». При этом управление ими должно находиться в руках «квалифицированных представителей производителей и по-

⁴³ O. Flechtheim. Dritter Weg und Zukunft.

⁴⁴ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 11.

требителей», а также уполномоченных «наднациональных организаций и властей»⁴⁵. Но это абстрактные, ничего не значащие фразы.

Признавая деятельность гигантских монополий несомненным злом, О. Флехтхайм не указывает ясного пути борьбы с ними и по сути противится их передаче под контроль трудящихся масс. Такой вывод подтверждается и поддержкой О. Флехтхаймом проимпериалистической идеи на счет «интернационализации» источников сырья, что означало бы как раз подчинение сырьедобывающих стран «наднациональным» монополиям. Эти положения вскрывают подлинное теоретическое содержание и классовую направленность «глобального плана» О. Флехтхайма, а также других его практических рекомендаций.

Начав с проповеди «нейтрализма» и «третьего пути в будущее», О. Флехтхайм приходит к тому, что в будущем хотел бы распространить на весь мир такой общественный порядок, который не способен обеспечить прогресс народам, но зато гармонирует интересам монополий и сверхмонополий.

В приведенных нами оценках и концепциях О. Флехтхайма ясно просматриваются важные сущностные черты новой буржуазной «науки о будущем»: игнорирование подлинных законов общественного развития, неспособность разобраться в качественной специфике исторических процессов, антикоммунизм, отрицание всемирно-исторической роли Октября и др. Отсюда и видение возможного решения существующих проблем в будущем сказывается реакционной абстракцией, оторванной от объективных фактов и тенденций общественного развития: расстановки классовых сил в странах капитала и в международном масштабе, классовой борьбы, характера противоречий и т. д.

Хотя футурология все еще считается молодой и развивающейся наукой, итоги ее развития за последние 10—15 лет, а также содержание и направление дальнейшей эволюции дают основания для некоторых выводов. Остановимся в первую очередь на главном. Имеющийся опыт убедительно говорит о тщетности надежд правящего класса преодолеть с ее помощью кризис буржуаз-

⁴⁵ O. Flecht he i m. Dritter Weg und Zukunft.

ной философии будущего. Футурология ни в коей мере не избежала пороков и противоречий этой философии.

Резкое несоответствие интересов современной буржуазии потребностям исторического прогресса вызвало острый конфликт между буржуазной партийностью и научным подходом к предвидению перспектив общественного развития. Не избежала этого конфликта и футурология. Оказавшись в конфликтной ситуации, футурология вынуждена постоянно выбирать между научной достоверностью своих выводов, верным отражением действительности и исторической практики человечества, с одной стороны, и изображением мира в удобных господствующему классу тонах, с другой. Классовая природа футурологии и груз классовых симпатий склоняют ее к последнему. Таким образом, под покровом «объективности» предвидений сплошь и рядом скрываются проецируемые в будущее эгоистические желания монополистического капитала, попытки доказать «жизнеспособность» капитализма и опорочить социализм. Социальное прогнозирование ставится на службу борьбы против марксизма-ленинизма.

Ориентация на фундаментальные принципы капиталистического общества основательно сковывает мышление футурологов. Единственным по сути методом «предвидения» будущего становится экстраполяция акцептируемых элементов настоящего. М. Б. Митин обращает внимание на эту сторону футурологии, подчеркивая, что ее модели общества будущего «по существу не выходят из грубой методологии прямой экстраполяции на будущее социально-экономических основ капитализма. Эти проекты и теории лишены опоры на подлинное социально-экономическое исследование»⁴⁶. Конечно, все это говорит о несостоятельности претензий футурологии на роль «науки» о будущем.

Но отвергая порочные теоретико-методологические предпосылки футурологии и основывающиеся на них фантастические и классово-чуждые марксизму видения будущего, а также ее претензии на роль единственной «науки» о будущем, марксисты не склонны перечеркивать положительные элементы, выступающие в футуро-

⁴⁶ «Идеологические проблемы научно-технической революции». М., 1974, с. 17—18.

логических исследованиях. Это относится к конкретным способам и приемам прогнозирования будущих явлений и процессов. Очищенные от наслоений и следов реакционного мировоззрения эти способы и приемы могут оказаться полезными для научного познания будущего.

Критика футурологии марксистами ни в коей мере не ставит под сомнение необходимость научного предвидения, которое, бесспорно, имеет свои закономерности и специфику. Потребности их глубокого изучения требуют соответствующей специализации со стороны ученых. Стремительный прогресс научных знаний вполне позволяет решить эту задачу. Она находится в центре внимания новой научной дисциплины — прогностики. В отличие от футурологии прогностика не стремится к монополии на исследования будущего, а ставит перед собой вполне конкретную и реальную цель — изучение закономерностей и приемов прогнозирования как особого вида познавательной деятельности людей. Теоретико-методологический фундамент научной прогностики составляют диалектический и исторический материализм.

2. Идеологические функции футурологии

Развитие исследований будущего на Западе вызывает необходимость систематического анализа выполняемых ими функций в свете усиливающейся классовой борьбы в странах капитала и на мировой арене. Уже простой обзор футурологической литературы позволяет говорить о ее функциональном многообразии. Так, в большом количестве исследований выдвигаются на первый план сугубо прикладные цели (составление технико-экономических, экологических и т. п. прогнозов). В процессе осуществления данных целей попутно решаются также определенные задачи познавательного характера и приобретаются некоторые элементы положительного знания о развитии науки, техники и технологии, экономики и т. д. В футурологии выделяется и направление, представители которого ставят своей задачей нарисовать обобщенную картину будущего исходя из тех или иных тенденций общественного развития. Всем без исключения футурологическим исследованиям свойственна определенная мировоззренческая основа. Таким об-

разом, они одновременно выполняют комплекс функций прикладного, познавательного, идеологического свойства. По своему удельному весу эти функции далеко не равнозначны друг другу.

Постоянная связь с интересами правящего класса и в первую очередь его финансово-монополистической верхушки, зависимость от ее поддержки оказывают чрезвычайно большое влияние на соотношение познавательных и идеологических функций футурологии. Первые не только определяются последними, но зачастую и фактически поглощаются ими. Наличие определенного «социального заказа», как уже отмечалось, уводит футурологов от научного исследования объективных тенденций общественного развития и факторов долговременного действия, как например раскол мира на противоположные общественно-экономические системы и превращение противоречия между ними в основу мирового развития; классовая борьба на международной арене и в странах капитала; определяющая роль социализма и сил, борющихся за национальное и социальное освобождение. В то же время футурология не может полностью игнорировать реальности современного общественного развития и вынуждена так или иначе оценивать их значение для будущего с точки зрения интересов своего класса. Чем бы ни занимались футурологи — разработкой ли спекулятивных сценариев и схем будущего, изучением чисто эмпирических фактов и явлений, футурологические исследования выполняют известные идеологические функции. Наличие таких функций обусловлено уже тем, что эти исследования образуют составную часть современной буржуазной идеологии и, следовательно, отстаивают ее классовую позицию.

Футурология придерживается классового видения социальных процессов в не меньшей степени, чем это свойственно политической экономии и философии, социологии и историографии. С классовых позиций воспринимаются и те социальные факторы, которые продиктовали потребность в широком развертывании исследований будущего. Неизбежность классовой интерпретации основополагающих моментов общественного развития постоянно подчеркивает значение идеологических функций буржуазного прогнозирования.

В обстановке обострения классовой борьбы в стра-

нах капитала и на мировой арене внимание футурологов к идеологической стороне своих исследований возрастает. Это диктуется усиливающимся подчинением идеологии классовым интересам капитала в сфере политики, что требует выработки дифференцированных идеологических форм идейного обеспечения тех или иных политических акций. Отсюда растущая «политизация футурологии». Данный процесс в той или иной мере свойствен и другим дисциплинам буржуазного обществоведения. Раз они вынуждены соприкасаться с кардинальными проблемами эпохи, то идеологические последствия такого соприкосновения неизбежны. Данный вопрос затрагивают авторы коллективного труда «Социология будущего». Так, П. Холландер заявляет о том, что за последние годы социология начинает обнаруживать «тенденции к растущей политизации, идеологическим обязательствам и приверженности»⁴⁷. Этот феномен, как утверждает другой американский социолог Р. Нисбет, не ограничивается социологией: ныне политика обладает таким престижем и привлекательностью для западной мысли, какие имела до конца XVIII в. религия и с конца XIX в. (после того, как стал распространяться марксизм) начала приобретать экономика. «Сегодня добраться до корней вопроса — это углубиться в политику. Все... должно быть помещено в рамки политики... Редко можно найти книгу, привлекательность которой в глазах читателей не возросла бы при добавлении к ее заголовку (к месту или нет) слов: «политические аспекты...»⁴⁸ Популярность футурологических исследований на Западе во многом объясняется их использованием в политических целях.

Политика дает ключ и к пониманию футурологии. В чем бы ни состоял конкретный объект исследований, их выводы должны помочь осуществлению главных классовых целей финансово-монополистического капитала сегодня и особенно в будущем. Отсюда футурологи вынуждены реагировать на все важнейшие политические события эпохи, поскольку к ним приспосабливается политика, проводимая финансово-монополистическими кругами разных капиталистических стран. Кроме того,

⁴⁷ «Sociology of the Future». N. Y., 1971, p. 224.

⁴⁸ *Ibidem*.

футурология, по крайней мере номинально, призвана давать направление политике.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что взаимосвязь политических и идеологических моментов выступает не всегда в ясной форме, а порой нарочито запутывается. Буржуазные идеологи всячески, например, затушевывают взаимозависимость, которая устанавливается между коренными фактами современной политической жизни и их влиянием на мировоззренческие аспекты футурологии и других социальных наук. Нередки случаи, когда предпринимаются попытки прямо отрицать значение основополагающих социально-политических фактов современности для исследований будущего.

В данной связи представляет интерес позиция известного западногерманского историка профессора Г. Манна. Она нашла отражение в статье под красноречивым заглавием «Подлинные и ложные вопросы», помещенной в футурологическом сборнике «Мир в процессе изменения». В упомянутой статье, в частности, говорится: «Имеются уравнения, над решением которых можно трудиться успешно, и уравнения, которые никогда не решаются. Имеются ложные и подлинные задачи. Вопросы, бывшие когда-то подлинными и больше ими не являющиеся»⁴⁹. К числу «псевдопроблем» западногерманский историк относит, например, вопросы будущего отдельных европейских наций, национальных государств, национального суверенитета и т. д. В этот же перечень попадает и «мировой конфликт между Западом и Востоком». «Ложным и скрывающим подлинные задачи,— утверждает Г. Манн,— является, наконец, также мировой конфликт «холодная война». И эта шахматная партия... разыгрывается без короля. Свободный мир против несвободного, капитализм против коммунизма — это фиктивные и именно поэтому неразрешимые противоречия»⁵⁰. Из дальнейших высказываний Г. Манна видно, что речь идет не только об определенных исторических формах развития указанного конфликта, но и о самой его сути. Г. Манн, выступая против «холодной войны», заодно отрицает объективную обусловленность раскола мира на две общественно-экономические системы. Противоре-

⁴⁹ «Welt im Wandel». München, 1973, S. 130.

⁵⁰ *Ibidem*.

чие между ними он считает результатом «внушения», который ни в коем случае не отражает исторической неизбежности. Спрашивается, можно ли составить хотя бы мало-мальски обоснованный прогноз развития современного мира, абстрагируясь от основного противоречия нашей эпохи? Разумеется, нет. Подобный взгляд на мир весьма резко противоречит действительности и не имеет под собой решительно никаких научных доводов. Следовательно, он не может служить базой социального предвидения и должен быть отвергнут.

Возникает и такой вопрос, что же побудило известного буржуазного историка выступить с утверждениями, берущими под сомнение коренные факты и тенденции нашей эпохи, их основополагающее значение для будущего? Думается, что ответ в какой-то мере дается самим Г. Манном. «Мы не можем сделать несвободный мир свободным,— заявляет он.— Во всех случаях мы можем истребить друг друга»⁵¹. В этих словах содержится весомое признание. Если учесть, что по буржуазным представлениям социалистический мир считается «несвободным», а бужуазный, наоборот, «свободным», то Г. Манн констатирует невозможность ликвидации социализма посредством использования против него военной силы. Такие заявления на Западе теперь уже не редкость. Тем не менее они всегда служат признаком реалистического взгляда на соотношение мировых сил.

Однако правомерно ли считать «фиктивным» конфликт между двумя общественно-экономическими системами и, более того, брать под сомнение необходимость их существования в данных исторических условиях только лишь на том основании, что исторический спор капитализма и социализма не может быть решен посредством войны? Ведь отказ от использования данного средства, отвечая глубочайшим чаяниям трудящихся масс и всего миролюбивого человечества, не отменяет раскола мира на противоположные системы. Альтернативой войне между ними выступают борьба и состязание в мирных областях общественной жизни: экономике, политике, идеологии. Такое положение неизбежно объективно, так как существуют классы с противоположными интересами, которые стоят за системами.

⁵¹ «Welt im Wandel», S. 130.

Логике классового подхода к современной реальности Г. Манн стремится противопоставить позицию абстрактного гуманизма. Последний видит в существовании противоположных систем лишь «тягостную неудачу», корни которой заключаются в мнимом «несовершенстве человека». По мнению Г. Манна, человек с давних времен привык к злобной конкуренции держав и вероисповеданий как к мотиву истории. Привычка, превратившаяся на протяжении тысячелетий в инстинкт, не исчезает и во время, когда «лишь общие, а не направленные друг против друга усилия обещают полезные результаты...»⁵² Увлечение абстрактно-гуманистическими идеями уводит исследователя все дальше в сторону от истины. Итак, не противоборство капитализма и социализма должно, по мнению Г. Манна, определять взгляды ученых на будущее, а некие абстрактные представления о человеке. «В чем суть человека и что он должен делать,— подчеркивает Г. Манн,— вот вопрос будущего»⁵³. В том-то и весь вопрос, что люди делают разные вещи в зависимости от того, в каком обществе они живут. Общественная деятельность людей определяется не их прихотями и желаниями, а целями социального строя. Капитализм не может существовать без продажи трудящимися своего труда и присвоения его горсткой капиталистов. При социализме отсутствует и то, и другое. Противоположным типам общества свойственны несовместимые друг с другом цели и свои специфические закономерности развития.

На конкретном примере Г. Манн признает справедливость такой постановки вопроса. Так, говоря о «холодной войне», он не стремится обвинить в ней Советский Союз и социалистические страны, как это делают представители антикоммунизма и антисоветизма. В противовес последним Г. Манн подчеркивает, что «холодная война» явилась для Запада «удобством», «дешевым способом усилить гонку вооружений» и на предложения о ее прекращении неизменно отвечает «демагогическими, голословными предложениями»⁵⁴. Эти слова равноценны признанию того, что «холодная война» яви-

⁵² «Welt im Wandel», S. 130.

⁵³ *Ibidem*.

⁵⁴ *Ibidem*.

лась результатом политики империализма, в которой проявилась его классовая природа.

Подход, применяемый Г. Манном в данном случае к оценке отдельного исторического эпизода в области борьбы двух общественно-экономических систем, имеет и более широкое значение. Он ориентирует на восприятие всего комплекса реальных социально-политических фактов настоящего, которые в своей совокупности и могут дать материал для научного прогнозирования будущего. И если Г. Манн все же отдает предпочтение явно ненаучной абстрактно-гуманистической позиции, то это объясняется мировоззренческими, т. е. идеологическими причинами. Соображения мировоззренческого характера не позволяют сторонникам капитализма отвергать политику правящего класса, взятую в целом, хотя в отдельных случаях подвергаются критике или даже осуждению те или иные крайности. Лояльность к политике правящего класса сохраняется, несмотря на то что ее пронизывает стремление действовать вопреки объективной логике исторического развития. Именно с подобных позиций, как нам думается, Г. Манн подходит к пониманию таких социально-политических реальностей нашего времени, как раскол мира на две общественно-экономические системы, существование непримиримого противоречия между ними и т. д.

Взгляды Г. Манна являются конкретным примером «политизации» футурологии. Они дают рельефное представление о том, как ее идеологическое содержание соотносится с явлениями общественно-политической жизни в зависимости от того, акцептируются ли они капиталом или же, наоборот, вызывают его сопротивление. Заслуживает внимания и такой момент. Противоборство противоположных классов и систем ставит футурологию в такие условия, что ее идеологические функции проявляются в полной мере уже на стадии отбора и оценки фактов, призванных стать базой прогнозирования социальных процессов.

Основное содержание идеологических функций футурологии вытекает из ее главной классовой задачи и выражается в обосновании незыблемого будущего государственно-монополистического капитализма. Но это — строй, уже обреченный историей. Он, ожесточенно сопротивляясь, вынужден уступать свои позиции новой

общественно-экономической формации. Данное обстоятельство оказывает глубокое влияние на состояние всей буржуазной идеологии. Защищая капитализм, она не может одновременно не высказывать свое отношение к обществу, которое идет ему на смену. «...Спротивление высших классов поступательному движению масс,— писал в свое время Г. В. Плеханов,— непременно должно было отразиться на всем ходе умственного развития Европы и в особенности на истории литературы и философии»⁵⁵. В течение десятилетий, прошедших с того момента, когда были написаны эти строки, умственное развитие буржуазии принесло бессчетное количество примеров ее классовой ненависти к новому общественному строю, возникающему по воле народных масс. Победа социализма в России, а затем и в других странах заставила современную буржуазию подчинить целям борьбы против него свою идеологию и политику. Спротивление капитала мощному натиску революционных сил нашей эпохи пронизывает также всю футурологию и получает непосредственное выражение в ее идеологических функциях, которые проявляются в конкретной деятельности по двум весьма широким, но в то же время неотделимым друг от друга линиям. Во-первых, это обоснование исторического будущего системы государственно-монополистического капитализма, ее приукрашивание и изображение в качестве лучшей из возможных общественных систем. Во-вторых, это прогнозирование «исторически преходящего» значения социалистического строя, попытки изобразить его в качестве продукта своеобразного «отклонения» части человечества от главного русла истории, всяческое очернение социализма.

Возрастающее значение идеологических спекуляций о будущем знаменует собой важный процесс в сфере империалистической идеологии и дает основание считать их самостоятельным направлением идейной защиты капитализма и антикоммунизма. В современной идеологической стратегии империализма, как указывает А. Лилов, намечаются три основных направления. Первое — деструктивно-антикоммунистическое — отражает усилия империализма перенести борьбу против марксистско-ле-

⁵⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, с. 446.

нинской идеологии на «территорию» социализма и коммунистического движения. Оно связано с использованием всех средств и методов в целях борьбы против авангарда революционных сил. Второе — апологетическое — представлено теориями «народного капитализма», «единого индустриального общества» и другими, пытающимися «доказать» превосходство капитализма над социализмом. Третье — обосновывающее историческую перспективу дальнейшего развития буржуазного общества. Оно включает различные футурологические теории — дальнобойную идеологическую артиллерию империализма⁵⁶. Подобная дифференциация представляется нам весьма полезной, так как она позволяет лучше учитывать специфику разных течений враждебной нам идеологии.

Связывая с футурологией защиту своих перспективных интересов, империалистические круги уделяют значительное внимание маскировке ее подлинных идеологических функций. На Западе говорят о якобы «неидеологическом» характере футурологии или же, наоборот, именуют ее «тотальной идеологией», отражающей якобы потребности всего человечества. Авторы таких заявлений играют на повышенном интересе футурологов к технике прогнозирования, использованию математики, логики, кибернетики, моделирования и т. д. для обеспечения математической точности прогнозов будущего. Все это способно вызвать порой известные заблуждения в поисках ответа на вопрос, что в действительности представляет собой футурология. Конечно, установить истину, можно лишь уделив внимание изучению мировоззренческих основ футурологии, проявляющихся в ее идеологических функциях.

Марксистские исследования приводят к убеждению, что футурология, на какую роль бы она ни претендовала, выступает в качестве одной из форм современной буржуазной идеологии. На необоснованность претензий футурологии на роль «тотальной идеологии» указывают советские философы В. П. Тугаринов и Т. М. Румянцева. При этом они подчеркивают, что различные направления современной буржуазной «науки о будущем» теоретически несостоятельны, утопичны, политически реакцион-

⁵⁶ «Проблемы мира и социализма», 1974, № 5, с. 48.

ны, так как отрицают неизбежность коммунизма как будущего всего человечества ⁵⁷.

Миф о «тотальной идеологии» на деле оказывается прикрытием тотального антикоммунизма. Последний адресуется прежде всего тем общественным и политическим деятелям, ученым и представителям широких кругов демократической интеллигенции, а также всем тем в странах капиталистического Запада, кто в условиях ожесточенной борьбы двух общественно-политических систем на мировой арене искренне озабочен будущим человечества, сохранением предпосылок для его дальнейшего прогресса и в первую очередь главной из них — мира между народами.

Тем не менее кому бы непосредственно ни предназначались футурологические концепции, в конечном итоге их главные выводы предназначены для простых людей. Правящий класс современного капиталистического общества добивается, чтобы трудящиеся отвернулись от революционных тенденций исторического развития и довольствовались экономическими и социальными подачками капитала.

Но, ставя подобную задачу, он вынужден считаться с нынешним уровнем классовой сознательности трудящихся. Американский футуролог У. Мур называет далеко идущие изменения в сознании народных масс в странах капитала «интеллектуальной и идеологической революцией нашего времени» ⁵⁸. Ее содержание он видит прежде всего в кризисе веры во всемогущество бога. Вера в бога перестала быть принципом, объясняющим бедность и страдания людей. То же произошло и с божьей волей. Одновременно резко возрос спрос на чисто земные объяснения человеческих несчастий, а вместе с ним начались поиски путей практического устранения имеющегося зла. В обстановке, когда религия утратила свое прежнее влияние на людей, ее призваны заменить футурология и разрабатываемые ею прогнозы будущего. «Именно будущая ориентация идеологии,— заявляет У. Мур,— представляет в лучшем свете текущие конфликты и жалобы. Видение будущего внушает терпение по отношению к настоящему. Одно из полезных качеств

⁵⁷ См.: В. П. Тугаринов, Т. М. Румянцев а. Предвидение и современность, с. 10.

⁵⁸ «American Sociological Review», 1966, December, p. 770.

утопий состоит в том, что они работают с прагматически политической точки зрения»⁵⁹. На существование органической связи между империалистической стратегией и ее целями, с одной стороны, и определенными видениями будущего, с другой, откровенно указывает Б. С. Мерти. «Главная цель идеологических стратегов,— признает он,— состоит в том, чтобы распространять среди аудитории виды на будущее и позиции, которые соответствуют политическим курсам этих стратегов»⁶⁰. Существо внутренней и внешней политики империализма с момента возникновения мировой системы социализма неизменно составляет антикоммунизм. Принимая различные обличья, он по сей день занимает главное место в идейно-политическом арсенале монополистической буржуазии.

Одной из форм идеологического обеспечения антикоммунистической политики финансово-монополистических кругов выступают создание и пропаганда именно таких видов на будущее, которые противостоят марксистско-ленинскому идеалу. Отравленное зелье антикоммунизма соответственно проникает в понимание смысла общественной жизни и ее тенденций, содержания нашей исторической эпохи, человека и т. д. Путем такого рода идеологического загрязнения и предпринимаются усилия сдерживать рост классовой сознательности трудящихся масс. На участие футурологии в подобной деятельности указывает американский футуролог Р. Прегода. «Американец,— пишет он,— не может отделить проблему «значения» от вызова коммунизма, который господствует в этот критический период истории»⁶¹. Одновременно выдвигается призыв совершенствовать орудия, которые позволяют контролировать будущее. Естественно, это относится к средствам идеологии и политики, ибо военные реальности борьбы с коммунизмом, как признает Р. Прегода, «заставляют нас бояться будущего»⁶². Стремясь расширить идейное влияние на массы, футурологи рассматривают разнообразные проблемы современного общественного развития.

Чрезвычайно важной сферой проявления классовых

⁵⁹ «American Sociological Review», 1966, December, p. 770.

⁶⁰ Цит. по кн.: Ю. П. О ж е г о в. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба, с. 43.

⁶¹ R. P r e g o d a. Designing the Future. Philadelphia, 1967, p. 283.

⁶² I b i d e m.

идеологических функций футурологии служит анализ вопроса о социальном содержании и социальных последствиях научно-технической революции, которая оказывает огромное воздействие на развитие антагонистических противоречий системы государственно-монополистического капитализма как в сфере базиса, так и надстройки. Под влиянием НТР ускоряется процесс революционных преобразований во всем мире. Идеологи капитала заведомо неверно истолковывают эти факты. Для них современная историческая эпоха — это только период невиданного до сих пор подъема науки и техники. О социальных изменениях говорится лишь постольку, поскольку они непосредственно вызываются научно-техническим прогрессом. Такие изменения не связываются с классовой борьбой, а выдвигаются в качестве противовеса ей.

Прогнозирование социальных последствий НТР с позиций государственно-монополистического капитализма — одна из важнейших идеологических функций футурологических исследований, которой уделяется серьезное внимание на Западе. Считать наш век веком науки, как отмечает лауреат Нобелевской премии Дж. Томсон, стало банальностью, но способность выработать детальные представления о последствиях данного факта для западных правительств — это отнюдь не банальность⁶³. Эти слова подтверждаются усилиями футурологов создать на основе буржуазного мировоззрения конкретные представления о влиянии прогресса науки и техники на судьбы капитализма.

В понимании сущности НТР и ее социальных последствий футурологией довольно четко наметились две различные по формам своего проявления позиции.

Одна группа футурологов (У. Ростоу, Д. Белл, Г. Кан, Р. Арон и др.) считает, что научно-технический прогресс расчищает почву для «постиндустриальной», «технотронной», «супериндустриальной» и т. п. революций, которые якобы «трансформируют» капиталистическое общество «мирным» путем, без революционного вмешательства масс. Прогнозируется вступление капиталистического общества в «новую фазу», где нынешние антагонизмы потеряют якобы свое значение, так как труд человека будет вытеснен машинами. В то же время мате-

⁶³ R. Prehoda. Designing the Future, p. VII.

риальные потребности людей будут удовлетворяться благодаря высокой эффективности производства. Одной из главных проблем общества, согласно предвидениям буржуазных идеологов, станет проблема использования свободного времени. В оценке перспектив капитализма здесь преобладают оптимистические нотки. Апологетическая функция подобных прогнозов не вызывает никаких сомнений.

Другая группа футурологов (О. Тоффлер, Э. Фромм, Г. Маркузе, Л. Мэмфорд, О. Хаксли, Г. Тэйлор, Ж. Эллюль и др.) с нескрываемой тревогой сигнализирует о том, что научно-технические достижения «индустриального» общества губительно воздействуют на человека и особенно на его внутренний мир. Человек постепенно теряет индивидуальность, обезличивается, становится «одномерным». Возможности потребления материальных благ лишь на какое-то время позволяют человеку забыть о своем действительном положении, но в конечном итоге они ускоряют наступление духовного краха личности. Предсказывается неутешительная перспектива полного порабощения человека им же созданными научно-техническими новшествами. Таким образом, будущее человека и общества рисуется в основном в мрачных тонах.

В противовес явной апологии в данном случае выдвигается попытка изобразить перспективу так, как она воспринимается сквозь призму противоречий государственно-монополистического капитализма. Однако сами противоречия при этом мистифицируются и превращаются в ничего не значащие абстракции. Конкретные антагонизмы современного буржуазного общества, его реальные классовые и социальные конфликты подменяются извечными противоречиями абстрактной человеческой природы, которая пришла к самоотрицанию, создав «цивилизацию науки и техники».

Совершенно очевидно, что прогнозирование развития системы государственно-монополистического капитализма в обоих случаях оторвано от его объективных закономерностей и помещено в своеобразный «социальный вакуум». Воспринимая мир в разных красках, футурологи из указанных выше групп едины в понимании ряда других принципиальных вопросов. Так, они придерживаются ошибочного положения о наличии антагонизма меж-

ду научно-техническим прогрессом, с одной стороны, и человеческим обществом в целом, с другой. Данный антагонизм распространяется даже на отношения людей друг к другу. Однако совершенно не учитывается положение противоположных классов и борьба между ними.

Совпадение принципиальных идейно-теоретических установок означает тождество главных идеологических функций. И в пессимистических концепциях критиков, и в апологетических теориях оптимистов государственно-монополистический капитализм рисуется единственной «альтернативой» будущего.

В последние годы вслед за Д. Беллом и другими западными идеологами с оптимистическим видением будущего государственно-монополистического капитализма в свете НТР выступает Р. Прегода. Для него весьма характерно стремление подчеркнуть наряду с прикладным также идеологическое значение разных прогнозов. Так, технологическое прогнозирование дальнейшего развития науки и передовой технологии должно, по его мнению, поддерживать такой темп экономического роста, который явился бы видимым доказательством «преимуществ свободного предпринимательства». Однако американский исследователь не ограничивается этим. Он идет дальше и ставит вопрос о том, способна ли капиталистическая система обеспечить научный и социальный прогресс общества и, следовательно, может ли она быть рекомендована другим странам в качестве примера для подражания. Ответ призвана дать НТР. «Ресурсы и талант,— пишет Р. Прегода,— которые предназначаются западными нациями для целей развития исследований и технологии, ответят на один из наиболее важных вопросов, над которым размышляют неприсоединившиеся нации. Совместим ли научный прогресс со свободой или он неизбежно должен влечь за собой оковы?»⁶⁴ Проблема поставлена не зря. Р. Прегода понимает, что в наши дни использование достижений НТР — это сфера острой борьбы противоположных общественных систем. Отдавая предпочтение капитализму, он провозглашает «свободу» «секретным оружием» этого строя и «важнейшим катализатором» способности к «нововведению», необходимой для оптимального прогресса в науке. Свобода

⁶⁴ R. Prehoda. Designing the Future, p. 284.

экспериментировать, по мнению американского исследователя, приобретает решающее значение, так как мы не можем якобы изменить «фундаментальной природы мира», а стараемся лишь открыть его «секреты» посредством научного поиска. По утверждению Р. Прегоды, именно капитализм обеспечивает наиболее благоприятные условия для науки. «Долговременный прогресс,— заявляет Р. Прегода,— зависит от разрешения не столько зримых проблем, как от появления новых подходов, именно от тех непредвиденных открытий, которые, вероятно, сделает свободное общество благодаря большому разнообразию своих исследований»⁶⁵. Так ли это?

Оптимизм Р. Прегоды не имеет под собой никакой устойчивой основы. Мнение о том, будто государственно-монополистический капитализм создает неограниченные возможности для научного поиска, не соответствует действительности. Подчинение исследовательской деятельности в любой отрасли знания монополиям неизбежно придает ей односторонний характер, поскольку высшей ее целью становится не общее благо, а увеличение настоящих и будущих монопольных прибылей. Сильное деформирующее воздействие на развитие научных исследований оказывает развитие милитаризма.

Идея о «всесилии научного поиска» в условиях государственно-монополистического капитализма в высказываниях Р. Прегоды сочетается с дендеологизаторским подходом к науке и особенно к прогнозированию общественной жизни. Здесь наглядно проявляется внутренняя противоречивость идейной позиции американского исследователя. В одном случае прогнозирование связывается с раскрытием «преимуществ» капитализма, в другом оно фигурирует в качестве «нейтральной» науки по отношению к двум системам и призвано быть полем сотрудничества ученых из капиталистических и социалистических стран. Технологическое предвидение и научное исследование, как утверждает Р. Прегода, не являются частью экономических функций промышленного производства, распределения и собственности, где проявляются основные различия между коммунизмом и капитализмом. «Технологическое предвидение предлагает методологию, которая позволила бы разнообразным ис-

⁶⁵ R. Prehoda. Designing the Future, p. 284.

следованиям, разделенным в географическом, философском, политическом и этническом отношениях, продвигаться по направлению к общим научным целям. Технологическое предвидение могло бы открыть новые средства научной коммуникации исследователям как на Востоке, так и на Западе»⁶⁶. Американский исследователь убежден, что для преодоления длительного состояния «холодной войны» необходимо налаживание советско-американского сотрудничества в различных областях, в частности в области науки. Он высказывается за развитие такого сотрудничества на договорной основе. Особая роль отводится научным контактам в деле предвидения будущего.

Приветствуя идеи Р. Прегоды о необходимости развития сотрудничества советских и американских ученых в разных сферах науки, мы в то же время не можем согласиться с его утверждением о наличии какой-то «универсальной», «нейдеологической методологии предвидения», а также поддержать концепции, воздвигаемые на данной основе.

Одной из существенных слабостей «деидеологизаторского» подхода было и остается игнорирование ряда чрезвычайно важных общественных потребностей: необходимости понимания смысла человеческой жизни в обществе; биологических производственных, социальных, психологических уз с окружающей средой и т. д. Бурный прогресс науки и техники несколько не умалил значения подобных потребностей, а, наоборот, заметно повысил его. Как бы ни поразительны были успехи конкретных естественных и гуманитарных наук в исследовании частных вопросов развития природы и общества, эти успехи не утолили, а еще более разбудили в людях жажду обобщающих знаний о мире, обществе и человеке. Такое положение объясняется, конечно, не праздным любопытством или другими подобными причинами. Философский подход к действительности все более настоятельно диктуется практикой, потребностями общественного развития.

Поэтому взгляды поборников деидеологизации науки и общественной жизни эволюционируют ныне от прямой проповеди «заката идеологии» в сторону разработки

⁶⁶ R. Prehoda. Designing the Future, p. 284.

всевозможных вариантов философии, базирующихся, в частности, на соответствующей оценке роли и возможностей научно-технического прогресса. При этом классовое содержание тезиса о деидеологизации остается ненарушенным: все разновидности «новой философии» обращаются против любых проявлений классового мировоззрения и в первую очередь против марксистско-ленинского учения.

В последние годы все более заметными становятся попытки буржуазных идеологов сконструировать некое подобие «новой универсальной философии» на базе социального прогнозирования. «Направляя свою основную ориентацию в завтрашний мир,— пишет Р. Прегода,— мы можем развить новое мировоззрение, футурианскую философию, новый подход к пониманию места человека в мире... Человек — хозяин своей собственной судьбы. Если он научится успешно предсказывать свои будущие технологические проблемы, тогда он, вероятно, предпримет более своевременные шаги, с помощью которых они, пожалуй, будут решены, и нашей цивилизации будет гарантировано славное будущее»⁶⁷. Воплощением этого «славного будущего», по утверждению Р. Прегоды, должно явиться некое «футурианское общество». Оно изображается в виде идиллической утопии, где человек может «реализовать свои наиболее дерзкие мечты», «контролировать неограниченные ресурсы», «открывать и колонизировать планеты», «совершать облет отдаленных звезд», «сообщаться с космическими цивилизациями». Вдобавок ко всему этому люди смогут избежать болезней и старости и изменить наследственность своих генов, чтобы стать «образцами силы и красоты», а также «улучшить свой мозг и духовные способности» до такой степени, чтобы «построить будущую технологию и культуру, которая значительно превзойдет наше ограниченное воображение». В центре «футурианской философии» — своеобразный идеал человека будущего, который сформируется под влиянием научно-технического прогресса, чтобы заменить нынешнее поколение людей. «Универсальный человек футурианского мира,— утверждает Р. Прегода,— будет обладать неограниченным потенциалом мысли. Бесконечная жажда чистой науки

⁶⁷ R. Prehoda. Designing the Future, p. 285.

откроет перед ним дверь к новым экзотическим горизонтам неограниченного прогресса»⁶⁸. Слов нет: сформулированные здесь идеалы человека и общества способны привлечь внимание, но они не учитывают законов развития капитализма.

Оптимистическая вера Р. Прегоды в силу и способность науки направить развитие капитализма сообразно человеческим потребностям есть типичная иллюзия. Ее возникновению способствовали высокие темпы научно-технического прогресса, экономического роста и увеличения национального дохода на протяжении двух послевоенных десятилетий. Появившиеся потом симптомы вступления капиталистической экономики в полосу нового циклического кризиса вызвали процесс постепенного рассеивания веры в положительные возможности капитализма.

Те тенденции, с которыми связывались наиболее радужные надежды на будущее, оказались краткосрочными. Они были сведены на нет действием глубинных закономерностей капиталистического общества. В 1960 г., как отмечает американский футуролог Д. Найт, высшими членами американского истеблишмента было написано множество книг, вызывающих ныне состояние кошмара тем, как они «стремились решить наши проблемы труда, богатства и досуга». «Я не могу не согласиться,— пишет Д. Найт,— что это — постоянные проблемы... Однако действительность посрамила всех нас. Десять или немного более лет тому назад многие из самозванных «лучших умов» в Соединенных Штатах придерживались такого взгляда на эти проблемы, который кажется теперь странным, даже музейным»⁶⁹. Так, в 1960-е годы простому человеку внушали, будто проблема труда сводится к роду труда; будто у него больше денег, чем представления о том, что с ними делать, а досуга столько, что ему необходимо «прийти в соприкосновение с новыми мирами опыта»⁷⁰. Жизнь посмеялась над всем этим. Время досуга действительно существует, но и как радость, и как проклятие. Кроме того, события, которых не предвидели ближайшие предшественники, привели к тому, что, по утверждению того же Д. Найта, «наши ожидания

⁶⁸ R. P r e h o d a. *Designing the Future*, p. 285.

⁶⁹ «The Yale Review», 1974, No. 1, pp. 130—131.

⁷⁰ *I b i d e m*.

полной занятости или доходов, достаточных для удовлетворения потребностей большей части общества, оказались чепухой»⁷¹. Перед футурологами вновь со всей остротой встал вопрос: «Что будет?» Поисками ответа на него занялась и футурологическая пропаганда.

В ФРГ как-то обратились к известному польскому писателю-фантасту С. Лему с вопросом, какую из проблем он считает самой важной для западных обществ до конца нынешнего века. Писатель ответил: «Это будет проблема страха». Свой прогноз он обосновал результатами, к которым привело развитие капиталистического общества. Потерпел крах миф о прекрасном будущем, об автоматическом технологическом и экономическом прогрессе — миф, который базировался на вере в неограниченный рост и эскалацию потребления. Она потерпела основательный провал и уступила место настроениям самого мрачного катастрофизма. Такие вещи производят впечатление фарса. Это склонило польского писателя резюмировать, что в центре западного благосостояния находится испуг⁷².

В 70-е годы футурологические теории, базирующиеся на оценке НТР, приобретают сильный оттенок страха перед будущим. Это можно проследить на примере анализа основного идейного содержания работы «Пределы роста» (1972 г.), которая считается наиболее характерным продуктом футурологии в нынешнем десятилетии. Работа выполнена в рамках исследований по «Программе развития человечества», осуществляемой Римским клубом — организацией ученых, промышленников и финансистов из 25 стран. Поэтому она известна как первый доклад этому клубу. Над ее составлением работал коллектив из 17 ученых Массачусетского технологического института под руководством американских ученых Дж. Форрестера и Д. Медоуза. Сразу же после выхода в свет этот труд обратил на себя внимание своей пессимистической направленностью. По словам американского журнала «Тайм», в этом труде содержится первое видение апокалипсиса, которое было создано с помощью компьютера. Появление работы «Пределы роста» символично: оно знаменует конец известного, хотя и сравни-

⁷¹ «The Yale Review», 1974, No. 1, pp. 130—131.

⁷² «Trybuna Ludu», 1974, 24—26. grudnia.

тельно непродолжительного периода в развитии группы ведущих капиталистических стран Запада и Японии, когда бурный научно-технический прогресс сопровождался высокими темпами экономического роста.

Авторы «Пределов роста» в своих предвидениях будущего опираются на модель мира, сконструированную американским ученым Дж. Форрестером. В соответствии с нею признается, что ключевое значение для мирового развития имеют пять переменных величин, которые и должны быть положены в основу его анализа. Сюда входят: рост народонаселения, производство продовольствия, развитие промышленности, загрязнение окружающей среды, использование природных богатств. С течением времени каждая из приведенных величин постепенно возрастает. Сравнивая тенденции роста с возможностями нашей планеты, авторы «Пределов роста» приходят к выводу о наличии противоречия, что, по их мнению, неизбежно должно привести вначале к замедлению развития, а затем и к его прекращению. Основная гипотеза формулируется следующим образом. «Если нынешние тенденции развития в области народонаселения, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продовольствия и истощения природных богатств не изменятся, то в некоторый момент до истечения ста лет мы достигнем на нашей планете границ роста. Наиболее вероятным результатом этого будет довольно резкое и не поддающееся контролю снижение численности населения и производственных возможностей промышленности»⁷³. Всеобщий крах должен наступить где-то около 2050 г., но во всяком случае он неизбежен на протяжении XXI ст. Этот тезис, выдвинутый первоначально в работе «Пределы роста», получил свое дальнейшее рассмотрение в работах «Исследование пределов роста» (Всемирный банк) и «Размышления о будущем» (Сектор исследования политики в области науки университета в Сасексе, Великобритания), которые также считаются наиболее выдающимися исследованиями будущего за последние годы⁷⁴.

Можно ли уйти от надвигающейся беды и если да, то каким образом? В качестве выхода авторы «Преде-

⁷³ D. H. Meadows i inni. Granice wzrostu. Warszawa, 1973, s. 43.

⁷⁴ «The Nature», 1973, October 12, p. 280.

лов роста» предлагают установить состояние «глобального равновесия». Это потребовало бы от развитых в промышленном отношении государств постепенного замедления темпов экономического роста и в перспективе доведения их до нуля («нулевой рост»). Далее предлагается широкое применение методов планирования во избежание влияния катастроф и случайностей, что в свою очередь предполагает изменение системы ценностей и целей на «индивидуальном, национальном и мировом уровнях».

Предложения, содержащиеся в докладе, весьма противоречивы по своему существу, в чем нетрудно убедиться. В самом деле, американские исследователи целиком полагаются на изучение тенденций государственно-монополистического капитализма и в свете их развития предсказывают крах системы и проистекающие отсюда опасности для населения планеты. Распространение подобных тенденций на мировую социалистическую систему и страны «третьего мира» само по себе неверно и поэтому не может рассматриваться в качестве научного аргумента. Таким образом, идея «глобального равновесия» и связанных с ним изменений идеологических ценностей и целей на различных уровнях — от индивидуального до мирового (хотя бы того ее авторы или нет) — отражают позицию капитализма с присущей ему системой идейных ценностей, которая санкционирует частную собственность и эксплуатацию человека человеком. Разумеется, никакие решения, вытекающие из данной позиции, не могут быть приняты ни социалистическими, ни развивающимися странами, поскольку в ней абсолютизируется чуждый им социальный образец. Существенное значение имеет и то обстоятельство, что ни одно из решений, которые помогли бы предотвратить наступление «глобального кризиса», не выходит за рамки мер, осуществляемых в системе государственно-монополистического капитализма.

Все это означает, что авторы «Пределов роста» попадают по сути в порочный круг. С одной стороны, они сигнализируют об опасностях, вызываемых развитием государственно-монополистического капитализма, а с другой, ищут путей к их предотвращению на базе этого же строя.

Пессимистические обобщения, пронизывающие содержание работы «Пределы роста», вызываются нега-

тивными последствиями хозяйничания монополий. Эти обобщения независимо от воли авторов — серьезное обвинение обществу, которое транжирит природные и людские ресурсы в безудержной погоне за прибылями, достигающимися немногим. Именно миру капитала адресованы предостережения Д. Медоуза и его коллег, а равно их призывы перейти в деле дальнейшего развития экономики и использования природных ресурсов от свойственной капитализму анархии к началам рациональности и организованности. Вместе с тем взятые в наиболее общем виде призывы авторов работы «Пределы роста» имеют отношение не только к капиталистической формации, а самым непосредственным образом затрагивают интересы и потребности всего человечества. Американские исследователи далеки от каких-либо радикальных выводов, которые затронули бы суть капиталистической системы. И, конечно, они не призывают к замене ее социализмом. Однако, не разделяя пессимизма работы, можно найти в ней достаточно поучительного и полезного, чтобы выразить признательность ее авторам. Труд «Пределы роста» глубоко впечатляет не только тем, что в весьма драматической форме раскрывает связь между усиливающимся загрязнением географической среды, хищническим использованием природных ресурсов, с одной стороны, и развитием капитализма, с другой. В нем фактически подводятся итог этому развитию. Воплощением его служит нарушение экологического равновесия и возникновение экологической проблемы. В наши дни она является неотъемлемым элементом всего комплекса проблем, обострение которых ведет к постоянному углублению общего кризиса капиталистической системы. Понимание данного факта — это необходимая предпосылка к следующему шагу, который связан с поиском решения существующих проблем на путях радикального преобразования капиталистического общества. К осознанию необходимости такого шага объективно подводит работа «Пределы роста», и в этом смысле она созвучна интересам социального прогресса.

Широкая дискуссия по проблемам, затронутым в «Пределах роста», привлекла внимание еще одной группы исследователей. Осенью 1974 г. опубликован второй доклад Римскому клубу, подготовленный группой ученых под руководством М. Месаровича (США) и Э. Пе-

стеля (ФРГ). Название доклада «Человечество у поворотного пункта»⁷⁵. Содержание работы — анализ вероятных опасностей и кризисов, могущих возникнуть на пути человечества до 2025 г. (в отдельных случаях — до 2100 г.). Проблемы исследуются на разных уровнях и с позиций многих дисциплин. Было использовано три ЭВМ: в Кливленде (США), Ганновере (ФРГ), Гренобле (Франция), которым пришлось решить около 100 тыс. уравнений. В отличие от авторов первого доклада М. Месарович и Э. Пестель пытаются избежать средних величин для мира как целого и придерживаются дифференцированного подхода. Они делят земной шар на 10 взаимосвязанных и в то же время относительно независимых регионов: Северная Америка, Западная Европа, Япония, развитые страны с рыночной экономикой (Австрия, Новая Зеландия, Океания, ЮАР, Израиль), Восточная Европа и СССР, Латинская Америка, Северная Африка и Ближний Восток, Экваториальная Африка, Южная Азия, КНР и остальные социалистические страны Азии. Данная классификация в определенной мере исходит из учета настоящих и будущих политических, идеологических, культурных, экономико-экологических различий. Учитывается и ряд других дополнительных факторов, не получивших отражения в первом докладе.

Однако примечательно, что и авторы второго доклада не смогли преодолеть пессимизма во взглядах на будущее планеты. Видение генеральной перспективы человечества осталось в своей основе весьма мрачным. Разница, пожалуй, заключается только в следующем. Если авторы книги «Пределы роста» обещают внезапную катастрофу где-то во второй половине XXI в., то в работе «Человечество у поворотного пункта» прогнозируется целая серия катастроф на протяжении того же столетия. Общим их знаменателем должен явиться тотальный крах всей организованной общественной жизни на Земле.

Главные тезисы второго доклада таковы:

1. Происходит процесс конституирования мира как целого, однако мир можно рассматривать как систему взаимодействующих друг с другом регионов, характери-

⁷⁵ M. Mesarovic, E. Pestel. Mankind at the Turning Point. N. Y., 1974.

зующихся разными уровнями экономического, социально-политического и культурного развития, а также своими традициями.

2. Вместо «глобального краха» будут иметь место периодические региональные кризисы (также до 2025 г.), вызываемые разными причинами, но их последствия будут ощущаться во всем мире. Поэтому существует необходимость признания взаимозависимости всех регионов мира.

3. Наиболее эффективный способ предотвратить кризисы — координация действий против них в международном масштабе.

4. Средством преодоления вырисовывающихся кризисов служит так называемый «органичный рост» (дифференцированный рост: в высокоразвитых странах — низкий или вовсе нулевой, в развивающихся — более высокий). Стихийный рост может лишь ускорить региональные катастрофы.

5. Необходимо срочное создание и применение соответствующей стратегии роста. Любая задержка ограничивает возможность выбора решений.

Все это составляет базу для ряда рекомендаций и выводов. Они в свою очередь сводятся к следующему:

1. Предпосылкой нынешних кризисов являются позитивные ценности, прежде всего вера в непрерывность и эффективность технического, экономического, а также социального прогресса. В будущем предотвращение опасностей с помощью технического и социального прогресса станет невозможным. Имеется необходимость определить верхнюю границу благосостояния, что связано с изменением мотивов экономической деятельности в развитых странах.

2. В целях предотвращения кризисов будут приниматься непопулярные решения, что влечет за собой необходимость изменения политических отношений и стиля управления в капиталистических странах.

3. Надвигающиеся кризисы (голод, перенаселение, нехватка энергии, воды и сырья, углубление различий между регионами) носят устойчивый характер. Усиление и кумуляция кризисных явлений могут наступать уже в 1995—2000 гг.

4. Существует острая необходимость глобального сотрудничества в целях преодоления кризисных явлений.

5. В данной ситуации необходимо создать международные и наднациональные органы для борьбы с кризисами.

6. Нужна «новая этика», основанная на понимании каждым принципа «мирового интернационализма» (связи со всем миром) и старых добродетелей (бережливость, жизнь в гармонии с природой, отказ от роскоши, от чрезмерной эксплуатации естественных богатств).

7. Люди должны считаться с бессмысленностью войны как способом выхода из кризиса.

8. Следует уменьшить пропасть между обществом и природой. Это — самая важная проблема наших дней. Наука должна служить развитию духовных ценностей, ибо дальнейший рост материальных ценностей будет нежелателен и невозможен.

Некоторые из указанных выводов заслуживают самого пристального внимания. Это в первую очередь выводы о бессмысленности военных конфликтов между государствами и, следовательно, о необходимости мира и разоружения; о важности решения продовольственной проблемы; о необходимости широкого международного сотрудничества в деле использования природных ресурсов и охраны географической среды и т. д. Сама постановка указанных вопросов является положительным моментом работы «Человечество у поворотного пункта» и свидетельствует о желании ее авторов содействовать делу мирного прогресса народов планеты.

Вместе с тем труду М. Месаровича и Э. Пестеля присущ ряд чрезвычайно серьезных ограничений теоретического характера. Они обусловлены классовой позицией авторов, которая тождественна позиции их коллег, выпустивших «Пределы роста». В том и другом случае предполагается бесконечное существование государственно-монополистического капитализма, а поиск средств в целях предотвращения грядущих опасностей заранее ставится в рамки, допускаемые интересами сохранения системы. Поэтому действительные альтернативы кризисов, изображаемых авторами труда «Человечество у поворотного пункта», по сути ускользают от их внимания.

Реальность угрозы существованию человеческого общества, на которую указывают футурологи — представители Римского клуба, еще не говорит о том, что ее источник идентифицируется правильно. Как раз в понимании

источника и допускаются ошибка. Опасность для человечества проистекает не из развития науки, техники, промышленности и т. д. В действительности она таится в самой природе современного капиталистического общества, которая проявляется в использовании достижений научно-технического прогресса вопреки интересам народа, в частности в целях гонки вооружений, в небывалом расточительстве природных и человеческих ресурсов.

Но именно эти моменты не получают должной оценки, что вызывает критику даже в среде самих футурологов. Метод, которого придерживаются авторы «Пределов роста», как отмечает американский футуролог Р. Кокс, скрывает либо не подчеркивает, что величины, характеризующие рост населения, производства, истощение ресурсов, загрязнение, а также изменение этих величин, «зависят от специфических форм социальной организации и социальных отношений. Экстраполяция недавних темпов роста этих величин молчаливо предполагает, что существующие социальные отношения (и выражаемое ими распределение социальной власти) останутся неизменными»⁷⁶. Правда, недостаток отмеченного выше метода в какой-то мере попытались преодолеть М. Месарович и Э. Пестель. Но это им в общем не удалось из-за абсолютизации опять-таки количественных тенденций развития и недостаточного внимания к анализу факторов качественного порядка.

И «Пределы роста», и «Человечество у поворотного пункта» придают первостепенное значение глобальным проблемам, связывая с ними предвидение социального будущего. Но эти проблемы понимаются футурологами по-своему, в буржуазно-реформистском духе. Понятие глобальности, с одной стороны, и понятия «наднациональности», «надклассовости» и даже «надсоциальности», с другой, в данном случае приравниваются друг к другу. Отсюда и планы по части решения глобальных проблем, предлагаемые футурологами, автоматически влекут за собой требование «единой мировой системы», и т. п. Такие представления о глобальности и социальном содержании глобальных процессов современности как раз и являются типичной ошибкой, поскольку предполагается всеобщность господства капиталистического строя.

⁷⁶ «World Politics», 1976, No. 2, p. 181.

Но это противоречит фактам и тенденциям исторического развития.

Подлинную философию глобальных проблем современности, подтвержденную практикой революционных социальных преобразований, дает марксистско-ленинская наука. Она, как подчеркивают советские ученые В. Загладин и Н. Фролов, не отрицает некоторых общих — и в этом смысле глобальных — закономерностей развития производства, науки, техники, определенных явлений культуры, других духовных ценностей. Но мировой, интернациональный характер этих общих закономерностей и обуславливает утверждение коммунизма как общей для всего человечества перспективы, которая реализуется не только процессами, происходящими в социалистических странах, но и субъективными, и объективными факторами, действующими в общемировом масштабе⁷⁷. Следовательно, научный подход к глобальным проблемам должен учитывать процессы становления новой, коммунистической формации. И наоборот, абсолютизация капитализма, поиск в нем базы для решения общечеловеческих проблем практически бесплодны и утопичны. Поэтому не случайно, что попыткам, предпринимаемым в данном направлении, сопутствует отнюдь не оптимистическое мировосприятие.

Пессимистическое видение перспективы человечества, свойственное авторам обоих докладов Римскому клубу, — это также результат их неспособности понять принципы материалистической диалектики и применять их в ходе социального прогнозирования. Буржуазная футурология при определении тенденций социального развития принимает в расчет преимущественно количественные аспекты (рост численности народонаселения в мире, увеличение объема производства, убыстряющееся загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов и т. д.) Двигателем изменения считаются законы экспоненциального роста. Подобные представления, положенные в основу прогнозов будущего, и дают устрашающую его картину. Полное исчерпание через несколько десятков лет многих важнейших видов природного сырья, всемирный голод вследствие бурного роста насе-

⁷⁷ См.: В. Загладин, Н. Фролов. Глобальные проблемы современности. — «Коммунист», 1976; № 16, с. 101—102.

ления, разрушение окружающей среды и т. п.— вот наиболее характерные ее детали. Продуктом такого мышления о будущем и является теория «пределов роста», доказывающая неизбежность регресса, сменяющего стадию восходящего развития общества. Подобное метафизическое понимание развития, ассоциирующее его с количественным ростом производства и потребления, как отмечают советские философы В. Лекторский и С. Мелюхин, ошибочно. На определенном этапе количественные изменения неизбежно ведут к коренным качественным преобразованиям. Вновь возникшее качество обнаруживает свои закономерности, другие темпы количественных изменений. Возникают новые типы технических систем, технологических процессов, новые научные направления. С прогрессом общества постоянно возникают новые возможности и тенденции, отсутствовавшие на предшествующих стадиях⁷⁸. Неспособность предвидеть эти тенденции ввиду недиалектичности мышления, а также его ограниченности пределами системы государственно-монополистического капитализма и приводит к созданию глубоко пессимистических картин будущего мира.

Марксистская критика верно указывает на главный недостаток футурологии, видя первородный грех последней как раз в ее педиалектичности⁷⁹. Непонимание диалектики и неумение применить ее к прогнозированию будущего нередко приводят к настоящей путанице, способной сбить с толку многих людей на Западе. Анализ сходных или даже одних и тех же фактов и тенденций ведет порой к диаметрально противоположным прогнозам. В данной связи заслуживает внимания книга одного из основоположников американской футурологии, директора Гудзонова института Г. Кана «Следующие 200 лет. Сценарий для Америки и мира», вышедшая в 1976 г. Результаты предыдущих исследований будущего изложены Г. Каном в работах «О термоядерной войне», «Об экскалации» и др. Особенностью его новой книги служит то, что она является ответом на прогнозы будущего, содержащиеся в докладах Римскому клубу.

Г. Кан, в частности, утверждает, что запасы энергии, большинства видов сырья и пищи практически неограни-

⁷⁸ «Коммунист», 1976, № 1, с. 55.

⁷⁹ См.: И. Васильев. Перспективы исторического прогресса.— «Проблемы мира и социализма», 1974, № 2, с. 88.

чены, что в мире происходит неуклонный рост богатства: более богатыми становятся и «бедные страны», и высокоразвитые государства. Разрыв между ними помогает поднять жизненный уровень в «третьем мире» посредством передачи новой технологии, экспорта капитала, туризма и импорта рабочей силы из «бедных стран». Г. Кан приходит к заключению, что «изобилие» — это лучший тормоз роста народонаселения, нежели голод, болезни или даже правительственный контроль над рождаемостью. Свои выводы Г. Кан подкрепляет соответствующими расчетами. Так, если в настоящее время в мире проживает около 4,1 млрд. человек, величина валового мирового продукта составляет 5,5 триллиона долларов, а среднедушевой доход — 1300 долларов, то в 2176 г., по его мнению, эти величины составят соответственно 15 млрд. человек, 300 триллионов и 20 тыс. долларов. Предполагается увеличение среднегодового темпа роста валового глобального продукта до 6% уже в ближайшем десятилетии (1976—1985 гг.). Энергетическая проблема, по мнению Г. Кана, может быть решена в течение ближайших 50 лет на базе одновременного использования каменного угля, радиоактивных материалов, а также солнечной энергии. Г. Кан не видит препятствий и для успешного решения сырьевой и продовольственной проблем даже в том случае, если численность населения земного шара достигнет 15—30 млрд. человек. При соответствующих затратах вполне разрешима, по его мнению, также проблема защиты географической среды.

В итоге Г. Кан высказывается против рекомендаций, содержащихся в первом докладе Римскому клубу, заявляя, что они могут привести к «катастрофическим последствиям». Он особенно возражает против ограничения роста экономики и установления его темпа на нулевой отметке.

«Оптимистические» прогнозы Г. Кана обещают решение многих сложных проблем капиталистического мира на базе существующих экономической и социальной структур при неизменности основных принципов взаимоотношений развитых капиталистических государств с бывшими колониальными и зависимыми странами. Другими словами, Г. Кан высказывается в поддержку эксплуатации трудящихся капиталистических стран, народов «третьего мира» и одновременно «гарантирует»

всем радужное будущее вплоть до 2176 г. Делая упор на развитие производительных сил и народонаселения, он сбрасывает со счетов необходимость и неизбежность радикальных социальных изменений в обществе. Стоит ли поэтому удивляться, что новые «оптимистические» предвидения Г. Кана пришлись по душе американским концернам и супермонополиям. Лондонский журнал «Экономист» комментировал, что эти прогнозы «звучат, как музыка, в ушах многих американских бизнесменов»⁸⁰. Подобным же образом идеи Г. Кана относительно будущего восприняты крупным бизнесом во всем капиталистическом мире.

Можно быть уверенным в том, что предвидения Г. Кана вызовут совсем иную реакцию у трудящихся в капиталистическом обществе, которые все более связывают свое будущее с борьбой против ига капитала. То же относится и к народам стран «третьего мира», которые весьма упорно добиваются изменения существующего «мирового экономического порядка», так как он узаконивает беспощадную их эксплуатацию со стороны крупнокапиталистических монополий. Отмеченные тенденции оказывают огромное влияние на будущую картину мира, но она прогнозируется Г. Каном в отрыве от них.

Заметим, что, касаясь будущего отдельных капиталистических стран, Г. Кан не проявляет столь радужного оптимизма. В его высказываниях в последние годы проскальзывают и пессимистические нотки, чередующиеся с откровенными признаниями неспособности монополистической буржуазии справиться с социальными проблемами крупнейших капиталистических стран. Так, в связи с постоянным обострением внутренних социальных проблем в США Г. Кан вынужден констатировать неспособность правящей «элиты» понять их, хотя «именно эти вопросы больше всего тревожат среднего американца»⁸¹. В своих суждениях Г. Кан не одинок.

Несмотря на отдельные вспышки псевдооптимизма, сознание обреченности капиталистического строя продолжает усиливаться, что отражается в работах и отдельных высказываниях футурологов. Р. Хейлброунер в своей недавно изданной книге «Упадок цивилизации

⁸⁰ «The Economist», 1976, May 8, p. 96.

⁸¹ «U. S. News and World Report», 1973, March 12, p. 44.

бизнеса»⁸² прогнозирует гибель капиталистического строя в течение ближайшего столетия. При этом главной причиной падения капитализма должно послужить как раз то, что ранее рассматривалось в качестве его бесспорного достижения. Экономический рост и обусловленное им «капиталистическое изобилие» влекут за собой усиление антикапиталистических настроений в среде интеллектуалов и даже выходцев из богатых семей, а также рост инфляции. Передовая промышленная технология постоянно требует иерархической организации и контроля как внутри крупных корпораций, так и за их пределами. Но самое опасное в том, что деятельность огромной индустриальной машины ведет к истощению природных ресурсов, загрязнению окружающей среды и созданию непосредственной угрозы для человеческой жизни. Поэтому, по мнению Р. Хейлброунера, имеется только один выход: экономический рост должен прекратиться. Но рост — это продукт капитализма. Следовательно, и капитализм невозможен в таком мире, где нет места постоянному увеличению производства. Предпринимателей должны сменить «плаховики», основной задачей которых будет подавление «алчных стремлений» масс к «увеличению своего благосостояния».

Итак, предвещая гибель капиталистической цивилизации, Р. Хейлброунер стремится в то же время обелить ее и обвинить во всем массы. Это ему нужно, чтобы выступить против марксистско-ленинского учения о всемирно-исторической миссии пролетариата. Так, Р. Хейлброунер считает, что современные рабочие заинтересованы в непрерывном увеличении производства и тем самым прочно связаны с капитализмом. Отсюда последний должен быть преобразован не на основе социализма, а посредством «стэйтизма» — некоей «новой религии», проповедующей «коллективную судьбу» человечества и «подчинение» частных интересов общественным.

Многие футурологи видят конкретные признаки разложения капиталистического общества в обострении всех его противоречий, в росте авторитарных и фашистских тенденций. Будущее, по мнению Г. Тэйлора, несет больше насилия, больше социальных беспокойств и неуверенности, жизнь в обществе становится все более неприят-

⁸² R. L. Heilbroner. *Business Civilization in Decline*. N. Y., 1976.

ной, растет разочарование в ней по мере того, как жизненный уровень многих людей падает. Финансовые катастрофы будут учащаться, неизбежны потрясения в социальной структуре, ибо целые социальные слои обречены на исчезновение. «Массовое» общество в растущей мере становится неуправляемым и вследствие этого поддается воздействию «магии тоталитаризма»⁸³. Дж. Камиллери в книге «Кризис цивилизации» предсказывает уже в недалеком будущем, начиная со следующего десятилетия, целую «серию глобальных беспорядков», в частности рост недовольства бедностью, увеличение поляризации между расами, обострение противоречия между «неограниченным экономическим ростом» и ограниченными природными ресурсами нашей планеты, «самоубийство человечества» вследствие прогресса военной техники и технологии⁸⁴. В приведенных нами суждениях содержится также ясное признание кризиса капитализма как мировой системы. Особое внимание данной проблеме уделяет английский ученый Дж. Барраклаф. «По мере того, как мир перешел от нефтяного кризиса 1973—1974 годов к конфронтации между выгодополучателями и жертвами существующего международного порядка..., — пишет Дж. Барраклаф, — стало очевидно..., что мы достигли водораздела в мировой истории. На повестке дня находится вопрос о ценности или по крайней мере приемлемости для большинства жителей земли той экономической системы, которая господствовала в мире со времени большого рывка индустриального Запада вперед, предпринятого сто лет назад»⁸⁵. Характерно, что футурология признает правильность марксистских прогнозов относительно будущего капиталистической системы. Профессор Э. Теллер, «отец» американской водородной бомбы и убежденный противник марксизма, говоря о будущем капитализма в заупокойных тонах, одновременно подтверждает правоту ненавистного ему учения. «Предсказания коммунистов, — признает он, — могут в конце концов оказаться правильными. Запад обвалится под тяжестью своих собственных противоречий... Согласно

⁸³ G. R. Taylor. How to Avoid the Future? London, 1975.

⁸⁴ J. Camilleri. Civilization in Crisis. Human Prospects in a Changing World. Cambridge, 1976.

⁸⁵ G. Barraclough. The Haves and the Have Nots.— «The New York Review of Books», 1976, No. 8, p. 31.

но законам рассудка, законам развития социальных болезней, любым законам, которые управляют экономикой и мировой политикой, нам не суждено выжить»⁸⁶. Эти высказывания весьма характерны для футурологии.

В обстановке усиления классовой борьбы в отдельных капиталистических странах и на мировой арене оценки перспектив научно-технического прогресса, с которыми выступают буржуазные ученые, продолжают играть весьма заметную роль в идейной защите капиталистического общества. Это в одинаковой мере относится и к оптимистическим, и к пессимистическим оценкам. Но в 70-е годы в связи с нарастанием кризисных процессов в капиталистической системе предпочтение отдается футурологическим концепциям пессимистического толка. Конечно, было бы наивностью ожидать от их авторов признания исторической неизбежности замены государственно-монополистического капитализма социализмом и примирения с действием объективных законов истории.

Футурология, подобно всей буржуазной философии будущего, видит в социальном пессимизме известную активную силу и хочет ее использовать для увековечения господства капитала над обществом. Пессимистические взгляды и оценки — это не особенность конкретных идеологов, а выражение основного настроения всей общественно-политической мысли современной буржуазии и, в частности, ее воззрений на будущее. Поэтому вполне резонно говорить об известной идеологической роли социального пессимизма, свойственной всем течениям идеологии государственно-монополистического капитализма. Т. И. Ойзерман подчеркивает, что социальный пессимизм есть наиболее утонченная, опосредованная апология капитализма, приемлемая и для тех, кто отвергает буржуазные идеалы, не находя, однако, иной, позитивной социальной ориентации. Вместе с тем истолкование человечества в духе пессимистического фатализма — это единственно возможная мировоззренческая позиция для мыслителя, исключающего всякую социальную альтернативу капитализму, если он, конечно, не становится на путь голословного отрицания фактов⁸⁷.

⁸⁶ Цит. по ст.: М. Стурва. На задворках истории.— «Коммунист», 1976, № 7, с. 116.

⁸⁷ «Идеологические проблемы научно-технической революции», с. 19, 26—27.

Такие работы, как «Пределы роста», «Человечество у поворотного пункта», потому и привлекают внимание западных средств массовой информации, переводятся на разные языки и издаются практически во всех странах капиталистической системы, что своим принципиальным идейно-теоретическим содержанием они нацелены на оправдание господства капитала. Мы уже обращали внимание на то, что социальные прогнозы, содержащиеся в первом и втором докладах Римскому клубу, опираются на модель государственно-монополистического капитализма и пытаются проецировать ее в далекое будущее. Такие попытки имплицитно прежде всего поиском «спасительных альтернатив» развития. Хотя формально речь ведется об «альтернативах», фактически в них трудно отыскать что-нибудь противоречащее существующей капиталистической системе. Могут меняться лишь конкретные приемы, но все они в конечном итоге охватываются комплексом методов государственно-монополистического регулирования экономики и общественной жизни. Экстраполяция системы государственно-монополистического капитализма далеко к границам предвидимого будущего в сочетании со стремлением стабилизировать ее, продлить жизнеспособность присущего ей механизма — это, пожалуй, главная и наиболее общая функция современных буржуазных пессимистических прогнозов, отвечающая целям идейной защиты капиталистического строя в целом.

Не случайно поэтому в трудах представителей пессимистического направления в футурологии столь много усилий тратится на ложное истолкование главной дилеммы, которую решает все современное человечество. Ее исторический смысл состоит, как известно, в следующем: капитализм или социализм. Между тем футурологи, интерпретируя исторические процессы в отрыве от реальности, от объективных закономерностей общественного развития, видят «дилемму современного человечества» в «нулевом росте» или «тотальном апокалипсисе». Точно так же «дилеммами» провозглашаются: «единство общества» или «закат цивилизации», «конвергенция» или «самоубийство» и т. д.

Если вникнуть в теоретическое содержание подобных «дилемм», то оно вполне однотипно. Речь идет о нарочитом смешивании и противопоставлении друг другу при-

родных и социальных явлений, классового и общечеловеческого моментов, элементарных потребностей человеческого существования, наблюдаемых в условиях любого общества, исторических преимуществ социализма над капитализмом. «Дилеммы» пессимистов не являются по своему смыслу дилеммами. В них отсутствует главное: подлинный элемент исторического выбора, который обусловлен всем ходом развития современного общества. Вместо возможности самим судить о преимуществах того или другого строя людям по-просту предлагают примириться с капитализмом и отказаться от борьбы против него.

В ходе классовой борьбы общая функция идейной защиты капиталистического строя дифференцируется на более узкие функции соответственно частным задачам, которые выдвигаются капиталом на том или ином участке классовых сражений. Один из способов отстоять свои позиции — это посеять страх в рядах противника. Создание в обществе атмосферы постоянного страха — одна из идеологических функций пессимистических прогнозов будущего. Совершенно ясно, что страх не является самоцелью. Он нужен постольку, поскольку это требуется соображениями классовой стратегии финансово-монополистических кругов. Функции страха многообразны. Но в итоге он призван облегчить проведение определенного антинародного политического курса.

Несколько лет тому назад американская газета «Уолл-стрит джорнэл», выражающая интересы финансово-монополистических кругов, опубликовала статью под характерным заглавием: «Приближается ли Америка к закату и упадку?» Автор статьи проводит параллель между США и древним Римом. Подобно рабовладельческому Риму, сегодняшняя Америка не справляется с проблемами, которые возникают вследствие роста преступности, нужды и кризиса крупных городов. В стране наблюдаются такие отрицательные явления, как бегство от действительности, злоупотребление наркотиками, увлечение мистикой. Усиливается разлад в органах государственной власти. В американском сенате, например, часть сенаторов требует существенного ограничения «глобальных обязательств» США, в то время как другие настаивают на продолжении «миссии по руководству свободным миром». Все это напоминает обстановку в сенате древнего

Рима. Кстати, одной из причин падения Римской империи была внешняя экспансия и способствовавшие ей союзы.

Газета не скрывает, что подобные аналогии имеют не только познавательное, но и практическое значение. Речь идет о том, чтобы добиться известного «упорядочения» внутренней и внешней политики. Это позволило бы избежать ненужных авантур на мировой арене и внутренних потрясений в США и тем самым не подвергать риску главные позиции крупного капитала.

Усиление и переплетение различных кризисных процессов в капиталистическом обществе в эти годы вынуждает финансово-монополистическую верхушку все чаще использовать страх в качестве одного из неотъемлемых средств достижения своих целей. Излюбленная форма распространения страха — футурологические концепции, предвещающие глобальный экологический кризис и вероятную гибель человечества. С. И. Попов обращает внимание на то, что социальный пессимизм послужил идеологам монополистического капитала благодатной почвой для беспрецедентной кампании запугивания населения ближайшим и более отдаленным будущим. Предрекаются довольно скорая и будто бы неминуемая экологическая и демографическая катастрофа, массовый голод, истощение энергоресурсов, а также запасов пресной воды и кислорода. Указывается только один путь избежать подобной ситуации: затормозить рост рождаемости и уменьшить число голодных ртов. Чрезвычайно широкое распространение подобных концепций и рецептов и представляет собой по сути идеологическое обеспечение наступления монополий развитых капиталистических стран на жизненный уровень трудящихся⁸⁸. С каждым днем жизнь приносит все новые свидетельства того, что это наступление ведется с методичной и жестокой последовательностью.

Испытанным средством противодействия наступлению монополий является сознательная и организованная классовая борьба трудящихся масс. Она приносит максимальный эффект в тех случаях, когда ею руководят марксистско-ленинские партии. Монополии используют разнообразные политические и идеологические средства,

⁸⁸ См.: С. Попов. Проблемы гуманизма в современной идеологической борьбе.— «Правда», 1975, 16 августа.

чтобы не допустить сплочения трудящихся вокруг их революционного политического авангарда. Функции буржуазных идей, в частности футурологических концепций, проявляются не только в стремлении парализовать волю и энергию масс, но и в поддержке всплеск бунтарства и анархии. Последние не представляют серьезной угрозы капиталу, но в то же время отвлекают внимание масс от подлинных задач классовой борьбы. Так, американская газета «Уолл-стрит джорнэл» считает финансирование ультралевых организаций одной из форм филантропии. По сообщению газеты, в стране с начала 70-х годов действует специальный фонд «Вэнгард». Его цель — оказание денежной помощи всякого рода предприятиям, которые преследуют «слишком революционные либо слишком рискованные цели, чтобы получить поддержку из других источников». За четыре года своего существования фонд израсходовал около 200 тыс. долларов.

Все это с разных сторон характеризует классовое назначение форм империалистической идеологии. Для раскрытия сущности идеологических функций буржуазного прогнозирования весьма ценным представляется замечание академика Ф. В. Константинова о том, что они не столько ориентируют в будущем, сколько дезориентируют в настоящем, отвлекают от действительно назревших общественных проблем, порождают иллюзорные ожидания, демобилизуют людей или, наоборот, искусственно нагнетают атмосферу «чрезвычайных ситуаций, разрешимых будто бы лишь посредством экстремистского действия»⁸⁹.

Таким образом, идеологические функции футурологии сводятся в конечном итоге к попыткам манипулирования сознанием трудящихся масс в странах капитала в соответствии с политическими целями правящего класса. Эти цели могут носить как общий, так и частный характер. Но во всех случаях они выражают потребности строя, обреченного историей. Идейная защита системы государственно-монополистического капитализма превращает футурологию в одну из разновидностей антикоммунистической идеологии в самом широком смысле этого понятия.

⁸⁹ «Вопросы философии», 1973, № 6, с. 7.

3. Антимарксизм — важнейшая идеологическая функция футурологии

В обстановке исторического противоборства двух противоположных общественно-экономических систем на мировой арене и подъема национально-освободительных революций значительная часть футурологических концепций и видений предназначается для систематической открытой борьбы против марксизма-ленинизма как идеологии и общественной практики. Это накладывает специфический отпечаток на идеологические функции футурологии, придавая их содержанию узкоантикоммунистическую направленность. «В узком смысле слова антикоммунизм,— отмечает Б. Н. Пономарев,— представляет собой целую систему политического и идеологического обеспечения борьбы империализма против марксизма-ленинизма и его реальных носителей — социалистического строя, коммунистических партий»⁹⁰. В борьбе против антикоммунизма марксисты учитывают его многогранность.

Антикоммунистические тенденции пронизывают все буржуазные прогнозы на будущее и футурологические концепции. Это относится и к самым «академическим» из них, и к тем, которые призваны служить пропагандистским целям. Формы проявления антикоммунизма многообразны: стремление опорочить идеи революционной перспективы социального развития и отрицание закономерности и неизбежности победы социализма и коммунизма на Земле; апологетика эволюционной линии развития общества; различные концепции «социальных изменений», «трансформаций» и «конвергенций», призванные служить альтернативой революционной философии марксизма-ленинизма; подмена самого понятия социальной революции различными псевдопонятиями «революции»; попытки использовать «нейтральные» категории научной, технической, индустриальной революций в целях отрицания неизбежности именно социалистических революций⁹¹. Антимарксистские концепции в области

⁹⁰ Б. Н. Пономарев. Борьба против антикоммунизма — важнейшее условие успеха революционных сил современности.— «Против современного антикоммунизма». Прага, 1970, с. 36.

⁹¹ См.: Г. Курсанов. Марксизм, предвидение будущего и футурология. Вступительная статья в кн. Л. Лавалле «За марксистское исследование будущего», с. 7.

футурологии выделяются своим контрреволюционным идейным содержанием и воинствующей классовой неприимиримостью к коммунизму. Сообразно этому идеологическая стратегия империализма включает их в состав своей «ударной силы», которая используется на решающем участке идейных битв за будущее.

За все время существования футурологии ее представители посвятили немало внимания разработке концепций, «ниспровергающих» марксизм-ленинизм. Это объясняется сущностью футурологических исследований, практическое назначение которых с самого начала проявлялось в том, чтобы оспорить марксистско-ленинский идеал социального будущего и борьбу народных масс за построение социализма и коммунизма. Не секрет, что огромный успех марксистско-ленинского предвидения будущего поставил идеологов буржуазии перед необходимостью всерьез заняться контрпрогностической деятельностью. В США, Великобритании, Франции, ФРГ и других странах Запада резко повысился спрос на всякого рода «альтернативы» прогностическим сторонам марксистско-ленинской теории. Г. Шульце отмечает, например, что уже к середине 50-х годов перед западногерманской буржуазной философией истории встал следующий вопрос: оспаривать ли далее возможность научного предвидения общественного развития в интересах борьбы против марксизма-ленинизма или противопоставить ему «контрпрогноз» и «контрпредвидение»? Впоследствии предпочтение получила вторая возможность. Решающую роль здесь сыграли два момента: желание выступать с марксизмом-ленинизмом «на равных», учитывая его устремленность в будущее, а также известные политические калькуляции. Стремясь к поглощению ГДР, западногерманский империализм испытывает, как известно, потребность в некоем «сознании будущего», которое явилось бы дополнением к «сознанию общей истории немецкого народа»⁹². Сходные мотивы возбудили интерес к «контрпрогнозу» и в других странах Запада.

Таким образом, марксисты-ленинцы вынудили своего классового противника принять бой в сфере социального предвидения — такой области, где идейно-теоретические

⁹² H. Schulze. Strategie der Gegenprophetie, S. 81—82.

позиции капитализма весьма непосредственно выражают его историческую бесперспективность.

Марксизм вооружил трудящиеся массы подлинно научным знанием путей построения будущего коммунистического общества. Этим был нанесен смертельный удар по религиозно-философским спекуляциям идеологов правящего класса о будущем. Буржуазия лишилась чрезвычайно важного и эффективного средства духовного влияния на массы. Такое положение вызывало серьезное беспокойство целых поколений буржуазных идеологов. Но сегодня оно приводит к настоящей панике. Об этом можно судить по следующему недвусмысленному высказыванию известного американского социолога Д. Рисмена. «Мы,— заявил он,— должны создавать наши собственные модели будущего по мере того, как мы вступаем в новую историческую ситуацию. Но именно здесь коммунисты нанесли нам огромный и, пожалуй, непоправимый ущерб, в столь большой мере дискредитировав наши светские утопии в момент, когда религия не может предложить нам привлекательной утопии о потустороннем мире...»⁹³ Свою неспособность предложить положительную альтернативу предвидениям марксизма-ленинизма современная буржуазия пытается компенсировать усилением его «критики».

Подчеркивая антимарксистский характер содержания футурологии, мы считаем целесообразным обратить внимание на некоторую специфичность ее антимарксистских «аргументов». Одним из излюбленных приемов той неустанной ожесточенной борьбы, которую капитал ведет против марксизма, за подчинение своему идейному влиянию трудящихся слоев общества, служит утверждение, будто идеи К. Маркса и В. И. Ленина не могут быть фундаментом социального прогнозирования, так как эти идеи не имеют якобы объективного содержания и выражают благие пожелания их создателей. На подобном утверждении сходятся представители многих разновидностей буржуазной идеологии: от идеологов реформизма и ревизионизма до апологетов крупного капитала. Один из видных послевоенных лидеров СДПГ К. Шумахер пишет в своей докторской диссертации «Борьба в германской социал-демократии вокруг идей о государстве», опубли-

⁹³ D. R i e s m a n. Abundance for What? London, 1964, p. 350.

кованной в ФРГ в 1973 г., что К. Маркс якобы не имел практических представлений об «обществе будущего» и понимал под ним «всякую всячину», которая в свою очередь «позволяла каждому в известных границах интерпретировать его как угодно»⁹⁴.

Способность марксистско-ленинской теории к предвидению пытается отрицать профессор Института международных исследований в Женеве Л. Галле. В книге «Идеологическое воображение» он изображает марксизм в качестве «драматического видения» и оспаривает его истинность. По мнению Л. Галле, марксистский анализ прошлой истории содержал некоторые оригинальные взгляды, но прогноз будущего был якобы опровергнут ходом событий после 1848 г. В подтверждение данного тезиса делаются ссылки на Октябрьскую революцию в России. Повсеместно предполагали, как утверждает Л. Галле, что Русская революция 7 ноября 1917 г. была реализацией марксистских предвидений, но в действительности, она вовсе не была этим. «Революция 7 ноября,— заявляет он,— не была ничем похожим на пролетарское движение... В настоящее время слишком поздно ожидать революцию, предсказанную Марксом... В развитых индустриальных странах рабочие стали менее революционны... Классовая борьба проявила склонность к затуханию, а не к усилению»⁹⁵. Анализ приведенных и многочисленных подобных им высказываний показывает их абсолютную несостоятельность. В них ставится под сомнение либо начисто отвергается способность марксистско-ленинской теории к научному предвидению, но в наш век такие заявления не подтверждаются никакими доводами, которые заслуживали бы серьезного внимания. Кстати, похожие возражения против марксизма-ленинизма уже выдвигались в ходе прошлых идейных битв и нередко опровергались самими основоположниками революционного учения международного рабочего класса.

В бескомпромиссной полемике с идеологами буржуазии К. Маркс и В. И. Ленин убедительно раскрыли прогностические стороны своего учения. Путем анализа фактов и событий общественной жизни на протяжении длительных периодов времени они блестяще доказали не

⁹⁴ «Der Spiegel», 1973, 18. Juni, S. 122.

⁹⁵ L. J. Halle. The Sociological Imagination. London, 1972, pp. 75, 77.

только саму способность марксизма-ленинизма к социальному предвидению, но и научный характер его прогнозов. В трудах основоположников была четко определена исходная позиция научного прогнозирования общественного развития. Она предполагает сочетание, с одной стороны, объективного анализа исторических закономерностей и, с другой, признание активной сознательной роли трудящихся. «Марксизм,— указывает В. И. Ленин,— отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей...»⁹⁶ В. И. Ленин подчеркивал также момент единства научности и практической целеустремленности марксистской теории и политики, ставящей вопросы «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению»⁹⁷. Непреложное следование этим принципам определяет подлинный, марксистско-ленинский подход к предвидению будущего.

Буржуазные идеологи в том числе представители футурологии, противопоставляют марксизму-ленинизму совершенно ненаучное понимание прогнозирования, когда последнее фактически отождествляется с составлением расписанных по всем деталям картин и сценариев будущего. Такая «методология» познания будущего превращается даже в некий абсолют. Она-то и служит отправной точкой буржуазной критики прогностических сторон марксистско-ленинской теории. Но ведь именно против умозрительных спекуляций о будущем и возражает подлинная наука! К. Маркс и В. И. Ленин, а также сторонники и продолжатели их учения всегда подчеркивали необходимость научного знания о ближайших и более отдаленных перспективах всей общественной жизни и черпали его из анализа и обобщения важнейших социально-экономических тенденций, но не занимались сочинением социальных утопий. «Мы не претендуем на то,— писал

⁹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 23.

⁹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

В. И. Ленин,— что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»⁹⁸.

Итак, необходимость ясного представления об узловых моментах будущего развития, его переломных точках, а также социальных силах, деятельность которых вызовет исторические изломы,— вот что, по убеждению марксистов-ленинцев, требуется от социального прогноза. Разработка указанных проблем позволила дать научное видение генеральной перспективы общественного развития. Оно превратилось в подлинный ориентир практической деятельности революционеров во всех странах. По мере вызревания объективных и субъективных условий там, где это было возможно, трудящиеся брали в свои руки власть и приступали к коренным изменениям общества в соответствии с историческими предначертаниями марксизма-ленинизма, одновременно находя широкое поле для проявления собственной инициативы. «Все, что мы знали,— говорил В. И. Ленин,— ...это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспропрированы. Это было установлено с научной точностью... Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания...»⁹⁹ Этих знаний, как продемонстрировал последующий исторический опыт, было вполне достаточно для того, чтобы осуществить величайшие исторические преобразования.

События XX в. показывают неправоту «ниспровергателей» учения К. Маркса и В. И. Ленина. Генеральный социальный прогноз марксизма-ленинизма о неизбежности перехода от капитализма к социализму становится

⁹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 116.

⁹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 379—380.

ныне фактом. Социалистический строй успешно развивается в ряде стран Европы и Азии, на Кубе. Строительство социализма провозгласили своей целью и некоторые африканские страны. Таким образом, универсальный характер марксистского предвидения необходимости смены капитализма социализмом подтвержден опытом практически всех континентов. При этом социалистический строй везде в решающей степени связан с выполнением рабочим классом своей исторической миссии. Все это еще более повысило авторитет марксистско-ленинских предвидений будущего.

Верное отражение действительности, способность к творческому развитию, глубоко гуманистический характер, устремленность в будущее — вот качества, которым марксизм обязан своей жизненностью. Это признается даже современными противниками учения К. Маркса. Один из профессиональных «опровергателей» марксизма профессор политических наук и директор «Русских исследований» Принстонского университета (США) Р. Такер пишет в книге «Марксистская революционная идея»: «Всех тех, кто независимо от политических взглядов интересуется положением человечества, Маркс будет привлекать и впредь. Согласно моему мнению, непреходящая ценность учения Маркса заключается в его «футурологии»¹⁰⁰. Марксистское видение человечества, живущего в преобразованном мире, остается, по мнению Р. Такера, одним из наиболее важных человеческих предвидений. Конечно, подобные признания сами по себе опровергают вымыслы твердолобых антимарксистов о том, что марксистские предвидения будущего якобы «не отражают» объективных процессов социального развития.

Поэтому футурология спешно разрабатывает и другие направления борьбы против марксизма-ленинизма. Большинство из них связано с оценкой научно-технической революции и ее последствий для будущего. Создаваемые на этой почве футурологические «опровержения» марксизма-ленинизма обладают рядом специфических особенностей, обусловленных его положением и ролью в духовной жизни современного человечества.

¹⁰⁰ R. C. Tucker. The Marxian Revolutionary Idea. London, 1970, pp. X—XI.

Не только футурология, но и все сколько-нибудь значащие направления буржуазной социологии и философии, как правило, так или иначе определяют свое отношение к марксизму. В наше время «защита» от марксизма, его «преодоление» и «опровержение» не только классовая социальная функция буржуазной философии и социологии, но и мотив ее самопонимания и реакция на общественную критику. Поэтому не случайно, что для того чтобы прийти к новым или хотя бы кажущимся новыми теоретическим положениям, гипотезам (в частности, гипотезам о будущем) и идеям, буржуазная общественная мысль постоянно вынуждена прибегать к марксизму как источнику ответов на требования современного истолкования, которые или переформулируются, или прямо заимствуются и помещаются в контекст негативных по отношению к самому марксизму идей¹⁰¹.

Отличительной чертой «опровержений» марксизма-ленинизма все больше становится не столько оспаривание его научности и прямое отмежевание от него, сколько отыскивание в нем приемлемого для буржуазии «положительного содержания», которое затем «снимается» буржуазными теориями. Конечно, при этом отбрасывается все, что неприемлемо капиталу.

К подобному приему борьбы против марксизма-ленинизма обращаются ныне многие видные футурологи, особенно те, которые занимаются созданием теорий о будущем обществе в свете современного научно-технического прогресса. «Мы все стали постмарксистами»¹⁰², — утверждает, например, Д. Белл. Помимо самого себя, он имеет в виду еще целую группу своих коллег, разрабатывающих аналогичные или сходные концепции общественного развития. Сюда, вероятно, без особых погрешностей можно отнести и Г. Кана, Дж. Гэлбрейта и др. Кстати, известно высказывание Дж. Гэлбрейта о том, что К. Маркс — это «слишком крупная фигура», чтобы ее можно было считать достоянием исключительно сторонников научного коммунизма¹⁰³.

Но даже буржуазные идеологи признают, что заигрывание апологетов крупного капитала с К. Марксом и

¹⁰¹ «Вопросы философии», 1973, № 5, с. 9.

¹⁰² D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1973, p. 55.

¹⁰³ «Polityka», 1975, 7. czerwca.

марксизмом абсолютно лишено альтруизма и подчинено классовым интересам. Так, «постмарксизм» Д. Белла и тому подобные течения в футурологии основываются на предположении о том, что марксизм якобы «устарел» и, следовательно, не находит подтверждения в век научно-технической революции. Американский журнал «Диссент» пишет об отношении Д. Белла к К. Марксу следующее: его (отношение.— В. Б.) «можно охарактеризовать как «критическое благоговение» или убеждение в том, что большинство фактов, лежащих в основе «Капитала», теперь устарело, что его предсказания либо не осуществились, либо значительно изменились и что специфические теории больше не приносят пользы»¹⁰⁴. Правда, положение К. Маркса о том, что идеология всегда выражает классовые интересы, признается футурологами.

Миф об «устаревании» марксизма некоторые буржуазные идеологи дополняют столь же надуманным тезисом с мнимой «противоположности» ленинизма марксизму. По мнению этих идеологов, ведущая роль в формировании будущего «в технотронный век» принадлежит «либеральной традиции», воплощенной в «американской политической и социальной демократии». Все это идет в одном русле с выводами «постмарксиста» Д. Белла, который утверждает, что коммунизм якобы не является «следующей (после капитализма.— В. Б.) стадией в истории...»¹⁰⁵

Таким образом, под видом своеобразного «диалога с К. Марксом» апологеты финансово-монополистического капитала ведут борьбу против сути марксистско-ленинского учения. Нашедшей свое отражение в гениальном прогнозе о неизбежности перехода от капитализма к социализму. В действительности футурология Д. Белла, Г. Кана, Дж. Гэлбрейта является сплошным отрицанием марксизма. Это подчеркивается учеными-марксистами. Все они указывают на антимарксистскую направленность футурологических теорий «индустриального», «технотронного» обществ, «конвергенции» и т. д.

Воинствующий антимарксизм ведущих футурологов монополистического капитала подтверждается следующим фактом. На протяжении последних лет именно они

¹⁰⁴ «Dissent», 1974, No. 1, p. 109.

¹⁰⁵ D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society, p. 74.

берут на себя неблагодарный труд по части дискредитации программного документа марксизма — «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Теоретический фундамент подобных усилий образует смесь «доводов» о мнимой «устарелости» марксистского учения с попытками приспособить его для нужд современной буржуазии, что предполагает, в частности, «размывание» классовых граней марксизма и его фактическое отождествление с немарксистскими воззрениями. Сюда же включаются некоторые, как правило, пессимистические оценки социальных последствий научно-технической революции.

Напомним, что в течение минувших полутора-двух десятилетий бессмертный «Манифест» — эта твердыня марксистской мысли и вдохновенная программа борьбы трудящихся всего мира за лучшее будущее — не раз подвергался яростному идейному штурму со стороны апологетов буржуазии. Достаточно вспомнить «Капиталистический манифест» Келсо и Адлера, «Антикоммунистический манифест» (переименованный затем в «Некоммунистический») У. Ростоу и другие подобные выступления. Ныне в аналогичных целях весьма широко используется популярная футурологическая литература наподобие известных двух докладов Римскому клубу. Указанные доклады изображаются своего рода «манифестом» нашей эпохи, который отражает якобы самые неотложные нужды человечества и указывает ему путь к продлению существования на планете.

Футурологи всячески хотят убедить людей в том, будто им ради собственного спасения надо отрешиться от прежних надежд на прогресс. Но фактически весь идеологический заряд таких предположений обращается против всемирно-исторической миссии рабочего класса. В рассуждениях футурологов витает готовый вывод о том, что теряет якобы смысл сама постановка вопроса о роли рабочего класса в мировом прогрессе, поскольку сам прогресс более немыслим. Антикоммунизм футурологии, как видим, проявляется здесь в концентрированной форме. С этих позиций футурологи пытаются, например, «опровергнуть» основополагающую идею «Манифеста» — идею о всемирно-исторической миссии пролетариата. Самый влиятельный документ середины XIX ст. — «Коммунистический манифест», как утверждают

они, был в конце концов очень оптимистическим документом. Важнейший политический документ новейшего времени — небольшая книжка под названием «Границы роста», — напротив, содержит глубоко пессимистический взгляд на мир. В сознании футурологов такая «смена исторических вех» ассоциируется с тем, что мы живем, дескать, в такое время, когда происходит фундаментальное изменение в господствующем образе мыслей нашего общества: переход от идей прогресса к мысли об упадке. Сегодня господствующим воззрением, как нас уверяют буржуазные идеологи, является идея упадка, т. е. утверждение о том, что мир — конечная величина, что богатства природы ограничены, будущее мрачно. Мысль об упадке в свою очередь ведет к пассивному пессимизму, к ощущению того, что проблемы становятся слишком сложными и с ними нельзя больше успешно справиться¹⁰⁶. Но такие приемы в конечном итоге бьют мимо цели.

Подобные исторические параллели абсолютно несостоятельны. Они опираются на формальное сопоставление умонастроения двух разных документов, но совершенно не учитывают их классовой природы. Как «Манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, так и «Пределы роста» рассматриваются в качестве своего рода идейных символов двух разных исторических эпох, но сами эпохи берутся опять-таки в отрыве от ведущей исторической роли определенного класса. В итоге история изображается шиворот-навыворот: рабочий класс и его научная идеология относятся к минувшей исторической эпохе, в то время как буржуазия с ее антинаучным мировоззрением ставится в центр нынешней эпохи. Однако здесь футурологи, помимо своей воли, допускают оплошность. Выдвигая буржуазию на место ведущей силы исторического процесса в наш век, они фактически связывают с ней линию социального регресса и упадка. Это, конечно, верно, но такой поворот дела явно не устраивает буржуазных апологетов, и они предпринимают попытку преуменьшить значение допущенной оплошности. С этой целью содержание «Коммунистического манифеста» и «Пределов роста» трактуется как «общечеловеческое». Тем самым во имя достижения антикоммунистических

¹⁰⁶ «Europa—Archiv», 1974, Nr. 23, S. 77—78.

целей окончательно запутывается вопрос как о самой сути сравниваемых документов, так и обстоятельствах их появления.

Антимарксистская направленность футурологии особенно выпукло проявляется и в создании концепций, которые в век НТР должны вытеснить «классовое сознание». Своим острием они обращаются против нарастающей борьбы двух непримиримых идеологий — марксистско-ленинской и буржуазной — и должны способствовать их «примирению». Дело касается так называемых «единых видений мира»: «глобального» и «планетарного сознания». Эти виды «сознания» отождествляются с единственно перспективной «философией будущего». Потребность в ней выводится из «экологической революции» и создаваемой ею новой «экзистенциальной ситуации» человека. Ее особенностью считается наличие задач и проблем, которые должны решаться общими усилиями во имя сохранения человеческого рода.

Марксисты-ленинцы, как уже отмечалось, допускают возникновение в ходе исторического развития целей, вызывающих интерес различных общественных классов, а также социально-экономических систем. Однако это не означает отказа от классового подхода к подобным целям. Принципиальное методологическое значение для их понимания имеет ленинское положение о необходимости точного анализа «тех различных интересов *различных* классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах»¹⁰⁷. В свете данного ленинского требования и можно реалистически взглянуть на общечеловеческие проблемы и трезво представить себе их влияние на будущее развитие общества.

Следовательно, нет никаких оснований интерпретировать «общечеловеческие проблемы» в духе необходимости создания каких-то форм «неклассового сознания», как это пытается делать футурология. Подвергая обоснованной критике идеи сторонников «единого видения мира», «единого планетарного сознания», М. Т. Иовчук пишет, что забота о судьбах «человеческого рода в целом» необходима в том числе и в философии, однако эта проблема не экологическая, а социальная. «Экологизация философии» представляет собой новейший вариант кон-

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, с. 276.

цепции «деидеологизации» и отражает стремление буржуазных теоретиков похоронить марксистско-ленинское учение путем растворения его в «единой», «глобальной», «экологизированной» философии. Единая философия будущего соотносима не с «единым» человеческим родом, а с единым революционным процессом современности и перспективой его развития. В этом плане единая философия будущего не только возможна, но и неизбежна. Однако она может окончательно утвердиться в бесклассовом, коммунистическом обществе¹⁰⁸. Будущая победа коммунизма во всемирном масштабе явится реальной предпосылкой для формирования единого подлинно научного сознания у всех людей нашей планеты.

Разоблачая антимарксистские вымыслы насчет «единого планетарного сознания» и т. п., марксисты-ленинцы высказываются за решение «общечеловеческих проблем» общими усилиями с учетом взаимных интересов всех государств нашей планеты.

Научно-техническая революция ставит многие проблемы, которые могут быть (и практически уже являются) объектом широкого международного сотрудничества. К использованию его возможностей во имя прогресса человечества призвала Программа мира, одобренная XXIV съездом КПСС. Органическим ее продолжением и развитием являются конкретные предложения XXV съезда КПСС.

Наша страна последовательно реализует мероприятия XXV съезда КПСС в целях развития взаимовыгодного многостороннего сотрудничества разных стран мира во имя решения важных проблем, затрагивающих общие интересы. «Мы..., — отметил Л. И. Брежнев в речи на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, — выдвинули предложение о проведении общеевропейских конгрессов или межгосударственных совещаний для рассмотрения вопросов сотрудничества в решении таких проблем, как охрана окружающей среды, развитие транспорта, энергетики»¹⁰⁹.

Крупнейшей «общечеловеческой проблемой», решение которой требует совместных усилий стран разных систем, была и остается на весь период предвидимого

¹⁰⁸ «Вопросы философии», 1973, № 6, с. 24.

¹⁰⁹ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 11.

будущего проблема устранения войны и обеспечения прочного международного мира. Этому вопросу Советский Союз всегда уделял и продолжает уделять перво-степенное внимание. «Мир,— подчеркнул А. Н. Косыгин,— образует важнейшую предпосылку для решения проблем современной цивилизации — тех общечеловеческих проблем, которые все более начинают выдвигаться на передний план. К их числу относятся такие, как проблема энергоресурсов, защита окружающей среды, ликвидация угрозы голода, нависающей над значительной частью человечества, и др. Как бы ни были могущественны те или иные страны, даже они не в состоянии решить в одиночку многие проблемы. Для этого требуется, чтобы усилия всех стран без исключения слились в один поток. Объединяя сейчас наши усилия для упрочения разрядки, мы тем самым ведем борьбу за будущее человечества»¹¹⁰. Активное участие социалистических стран в решении «общечеловеческих проблем» говорит о неразрывной связи мира и общественного прогресса с социализмом.

¹¹⁰ «Правда», 1975, 16 мая.

**МАСКИРОВКА КЛАССОВОЙ ПРИРОДЫ
БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА
В ФУТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ
«ПОСТКАПИТАЛИЗМА»**

**1. Миф о «социальной революции»
в капиталистическом обществе**

Вступление мировой капиталистической системы в новый период серьезных экономических и социально-политических потрясений сопровождается дальнейшей компрометацией в глазах масс и разложением доктрин и теорий, содержанием которых выступало восхваление мнимых «достоинств» капитализма и прогнозирование ему радужного будущего. Одновременно развитие процессов международной разрядки в 70-е годы обуславливает банкротство идей, выдвигаемых экстремистскими кругами международного империализма и рисующих будущее взаимоотношений на мировой арене в откровенно антикоммунистическом свете.

В сложившейся обстановке финансово-монополистическая верхушка вынуждена думать о стабилизации капиталистического строя как во внутривнутриполитическом, так и международном плане. Она испытывает повышенную нужду и в новых идеях, которые указывали бы пути достижения этой цели.

Главное внимание уделяется выработке стратегических идей, призванных обосновать возможность ликвидации противоречий капитализма без коренной ломки его устоев. Чрезвычайно характерной тенденцией развития буржуазной идеологии становится теоретическая разработка и пропаганда разных «альтернатив» капиталистическому обществу, зачастую облакаемых в квазисоциалистические и псевдореволюционные формы. Тон в этом деле задают высокопоставленные представители правящего класса.

Неотвратимость глубоких количественных и качественных изменений общественной жизни, их очевидное

значение для формирования будущего отдельных стран и всего человечества вынуждают даже многих видных представителей капиталистического мира говорить, например, о «революции» в положительном смысле этого слова, декларировать ей свою поддержку. Так, Дж. Рокфеллер III выпустил в свет книгу «Вторая американская революция», в которой он выступает глашатаем «новой революции», якобы охватившей американское общество. Будучи президентом Франции, де Голль предложил свой вариант «революции», призванной обновить страну. Съезд голлистской партии, проходивший в 1973 г., поставил задачу углубить понятие «гуманистического социализма»¹. Шах Ирана еще в 1967 г. прокламировал концепцию «бескровной белой революции», с которой он связывает настоящее и будущее развитие своей страны. Опыт минувших лет показывает, что в рамках данной «революции» идет процесс утверждения и укрепления буржуазного строя в Иране, а также создаются стабильные условия для спокойной эволюции капитализма. Так, например, приняты законы: о проведении аграрной реформы; о национализации лесов; об изменении закона о выборах в меджлис; об участии рабочих в доходах предприятий; о создании «корпуса просвещения» для борьбы с неграмотностью; об организации «корпуса здравоохранения»; о национализации водных ресурсов; об «административной революции»; о продаже части акций рабочим и другим трудящимся и др. Однако концепция «белой революции» не ограничивается только известными социально-экономическими реформами. Она содержит также свою философию, призванную оказывать решающее воздействие на умонастроения народных масс. В ноябре 1975 г. опубликован специальный шахский указ, в котором говорится о необходимости оформить общую философию принципов революции шаха и народа в виде целостной идеологии и системы мышления, основанной на научной диалектике, с тем чтобы раскрыть и показать логику тех изменений, которые произошли в национальной духовной и культурной жизни. Указанная философия включает и определенный идеал будущего. Идеологи «белой революции» обещают народу великую цивилизацию, идеальное общество, основанные

¹ «Проблемы мира и социализма», 1976, № 9, с. 65.

на самой большой социальной справедливости². В духе подобных идей и идеалов ведется массированная идеологическая обработка населения. Мы привели только некоторые примеры обращения правящих кругов современного капиталистического общества к идее революции.

Использование разного рода концепций о «революции» в рамках современного буржуазного общества отнюдь не говорит о намерении буржуазии отказаться в будущем от стратегии классового подавления трудящихся масс во всех сферах общественной жизни. Дело обстоит как раз наоборот. Речь идет фактически о перенесении центра тяжести с одних методов реализации этой стратегии на другие, которые считаются более соответствующими духу времени, а поэтому более перспективными.

Анализируя тактику правящих классов, В. И. Ленин указывал, что во всех странах буржуазия неизбежно вырабатывает и применяет два основных метода борьбы за свои интересы и сохранение своего господства: с одной стороны, метод насилия и отказа от всяких уступок рабочему движению, с другой — метод лавирования, «либерализма», уступок трудящимся, реформ и т. п. Нередко оба метода переплетаются.

Говоря о желании буржуазии обеспечить себе приемлемое настоящее и будущее путем проведения известных ограниченных реформ, В. И. Ленин указывал, что буржуазия не может обойтись без масс, а массы «нельзя вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии»³. В свете данного указания великого Ленина и следует оценивать обращение видных представителей современной буржуазии к идеям революции. За выработку такого рода идей ныне принимается так называемая «теоретическая футурология», которая вынуждена заниматься общими проблемами социального развития. Поиск «спа-

² См.: Х а м и д С а ф а р и. Мифы и реальности «белой революции». — «Проблемы мира и социализма», 1976, № 9, с. 75—76.

³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, с. 176.

сительных идей» приводит футурологов к необходимости анализа разнообразных процессов общественной жизни. Все это подчиняется созданию таких представлений о капитализме, которые соответствовали бы настроениям масс и потребностям общественного развития, но в то же время защищали власть капитала. Говорится, например, о «новой стадии» в развитии капиталистического общества и доказывается ее «качественная специфичность» по сравнению с предыдущими. Подчеркивая данный момент, футурологи почти повсеместно обращаются к понятию «революция», в том числе и в области социально-классовых отношений. Разумеется, в действительности речь идет не о радикальном перевороте в системе капиталистических общественных отношений, а о преласутой революции в кавычках.

Уже одно обращение к подобной тематике призвано отвлечь внимание широкой общественности от нисходящей линии развития буржуазного общества и ее конкретных проявлений в настоящем и предвидимом будущем. Вместе с тем создается видимость, будто капитализм, не глядя на грозящие опасности, все еще обеспечивает прогресс человечества, а финансово-монополистическая буржуазия поддерживает связи с прогрессивными общественными силами нашей эпохи. Империалистические идеологи пытаются воздействовать на сознание масс с помощью дезинформации и маскировки действительных политических устремлений монополистической буржуазии.

Но главное для них — это установить предел изменений, известные границы, внутри которых изменения не вызывают серьезных угроз власти капитала. В сознании империалистической буржуазии самое глубокое изменение отождествляется с реформой, а реформа выступает как панацея от революции. «...Вместо открытой, принципиальной, прямой борьбы со всеми основными положениями социализма во имя полной неприкосновенности частной собственности и свободы конкуренции,— писал В. И. Ленин,— буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ против идеи социальной революции. Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной «передовой», об-

разованной буржуазии»⁴. Ленинские слова чрезвычайно глубоко вскрывают суть тактики, которой монополистический капитал придерживается в современной классово-вой борьбе.

Характерным выражением позиции идеологов крупного капитала по отношению к социальным изменениям служат следующие высказывания западногерманского «советолога» К. Менерта. «Открытое общество на Западе», по его мнению, должно быть открыто для изменения в большей степени, чем когда-либо прежде, ввиду наличия в этом обществе всякого зла, бесчисленных трудно-разрешимых и порой весьма ненавистных проблем. «Поэтому,— заявляет К. Менерт,— мы хотим изменения не только ... методов производства, но и социального изменения в широчайшем смысле этого слова. И мы хотим его прежде, чем напряжения в нашем мире приведут к революционным разрядам... Динамика научно-технического прогресса... вызывает также в социальной и политической области далеко идущие напряжения, которые приводят к катастрофам, если они не разрешаются посредством постоянных своевременных изменений»⁵. К. Менерт, чтобы избежать неконтролируемых катастроф, призывает западный мир подготовить с помощью демократических реформ в последней четверти нашего столетия такое изменение, которое сделает этот мир способным пережить новое тысячелетие. В этих словах излагается своего рода долгосрочная программа, определяющая руководящие идеи и направления желаемых действий. Ей подчиняются идейно-теоретическое содержание футурологии и существо ее практических рекомендаций.

Возрастание притягательной силы социалистического примера и влияния марксистско-ленинской идеологии, развитие революционной борьбы масс во всем мире, с одной стороны, желание подчеркнуть «разрыв» с «классическим капитализмом», приписав ему пороки буржуазного общества, с другой, и вынудили империалистических идеологов обратиться к идее революции. На протяжении последних десятилетий особо заметные усилия в этой области предприняты американскими буржуазными

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 305.

⁵ «Osteuropa», 1973, Heft 9, S. 755—756.

политиками и идеологами. Помимо создания новых обозначений для современного американского общества, подчеркивавших его «отход» от принципов капитализма, она включила также обоснование претензий на «ведущую роль» Соединенных Штатов в «мировой революции». Характерен состав буржуазных теоретиков. Он включает «звезд современной западной футурологии» Д. Белла и Г. Кана, маститого английского ученого-историка и социального философа А. Тойнби, американских социологов Дж. Бернхэма, А. Берли и др. Приведенный нами перечень имен неполон, но он дает представление об «интеллектуальном потенциале», используемом на данном направлении.

Современные буржуазные и ревизионистские теории, спекулирующие на идее революционного переустройства общества, атакуют марксизм-ленинизм справа. Смысл многочисленных концепций («трансформация капитализма», «постиндустриальное» общество, «постцивилизация», «супериндустриальная революция» и т. д.), как констатирует советский исследователь Ю. Д. Красин, заключается в том, чтобы доказать ненужность социалистической революции. Этой же цели подчинены и буржуазные абстрактно-философские исследования, выхолащивающие из понятия социальной революции всякое реальное содержание. Псевдореволюционные идеи буржуазии проникают в рабочее движение. Они находят благоприятную почву в потребительских настроениях известной части рабочего класса и обретают форму реформистских теорий о переходе к социализму без обострения классовой борьбы и коренного изменения классовой сущности государства. Обострение капиталистических противоречий способствует известному оживлению правооппортунистических тенденций и даже их проникновению в отдельные звенья коммунистического движения⁶.

Исходной точкой выводов о качественных «социальных сдвигах» внутри современного буржуазного общества, благодаря которым оно якобы покончило со своей прежней природой, чаще всего служат ссылки на те или иные явления в развитии науки и техники, экономической жизни и т. п. Но нередко буржуазные идеологи и

⁶ См.: Дж. Уоддис. «Новые» теории революции. Предисловие Ю. Д. Красина. М., 1975, с. 24.

пропагандисты выходят далеко за пределы этих сфер. Журнал «Англия», например, рассуждает о капризах моды на мужскую одежду и как бы невзначай проводит мысль о «социальном перевороте» в обществе. «В Англии,— пишет журнал,— мы еще говорим о «революции Карнаби-стрит» 60-х годов, как будто это был какой-то социальный переворот большого значения. Но в чем-то это и было переворотом, поскольку он знаменовал собой три основных сдвига в отношении англичан к моде»⁷. Фасоны, вышедшие из района Карнаби-стрит, как поясняется далее,— это одежда, по расцветке, цене и качеству пошива удовлетворяющая требованиям молодежи. Английская швейная промышленность, по уверению автора статьи, смогла перестроить свои традиционные концепции благодаря тому, что «молодежь осуществила свой прорыв в сфере благосостояния, молодые люди смогли занять ряд ответственных постов в этой отрасли промышленности, в том числе административные должности в отделах разработки новых моделей...»⁸ Итак, от мужской моды к изменившемуся социальному положению молодежи, что в свою очередь должно говорить о принципиально ином «облике» самого общества. Таков ход мысли буржуазного пропагандиста. Однако журнал «Англия» отнюдь не одинок. На его страницах нашел лишь свое отображение идеологический прием, уже опробованный буржуазными теоретиками. Опыт показывает, что под каким бы углом зрения они не рассматривали революцию, их подлинное желание — убедить, будто по крайней мере в ведущих странах капиталистического мира произошла социальная революция и, следовательно, в будущем необходимость в ней отпадает.

В 40-е—60-е годы в США и в других капиталистических странах получили широкое распространение теории «капиталистической революции», «революции управляющих», «народного капитализма», «революции в доходах», а также тесно связанные с ними концепции «общества потребления», «благосостояния» и т. п.

Концепции о «революционном изменении» капиталистического строя в действительности, как это нетрудно заметить, не затрагивают ни один из аспектов социаль-

⁷ «Англия», 1975, № 55, с. 69.

⁸ Там же, с. 69—72.

ной революции в научном понимании этого слова. Их содержание — это спекуляция на самой идее «революции». Империалистические теоретики стремятся лишить революционную идею всякого объективного смысла, чтобы затем подводить под нее произвольные суждения о тех или иных изменениях в капиталистической экономике и других сферах общественной жизни буржуазного общества. Все это подчиняется прямой апологетике капиталистического строя. Одновременно авторы буржуазных теорий о «революции» в рамках капитализма пытаются создать видимость того, что в высокоразвитых капиталистических государствах (США, Великобритании, ФРГ и т. д.) отпала надобность социалистического переустройства общества и, стало быть, нет больше места для подлинной социальной революции.

Концепции о мнимой «революции», якобы «трансформировавшей» природу капитализма, вызывали известные иллюзии до тех пор, пока не дала о себе знать сама природа капитализма и не привела к очередной серии экономических и социальных потрясений.

Уже в первой половине 60-х годов среди буржуазных идеологов учащаются критические высказывания о концепциях, предполагающих «трансформацию» капитализма. При этом критике подвергаются не отдельные неточности или просчеты, а сама их суть: боязнь революционных изменений и неспособность указать людям пути к ним. В этом плане представляют, например, интерес замечания западногерманского профессора Д. Штернбергера. «Все эти полумрачные и полуназойливые представления о массовом, индустриальном, плюралистическом обществе, обществе потребления и благосостояния, — пишет он, — имеют в себе то общее, что они... предполагают тоску о лучшем мире, не будучи, однако, в состоянии предложить возможность изменения нынешнего мира... Есть понятия, похожие на гробовые крышки: они закрываются и завинчиваются. Нам же не остается ничего, как плакать или покоряться неизбежному»⁹. Эта критика бьет по самой сути многочисленных теорий о «трансформации» капитализма.

Однако идеологи правящего класса не отказываются от попыток использовать революционную идею в целях

⁹ «Unsere Freiheit Morgen». Düsseldorf, 1963, S. 38.

камуфляжа реакционной внутренней сущности капиталистического строя. Империалистическая идеология и пропаганда создают и распространяют все новые и новые штампы, каждый из которых представляет капитализм не тем, чем он является на самом деле. Прибегая к чудовищной лжи и лицемерию, идейные слуги монополий изображают современное капиталистическое общество воплощением «революционного примера», достойного подражания другим странам. Особую заинтересованность в этом проявляет правящая верхушка США. Она испытывает постоянную нужду в соответствующем идеологическом образе, «имидже», который надежно прикрывал бы подлинные классовые цели ее политики на международной арене и облегчал бы экспансию американского капитала на другие страны.

Понимая популярность революционных идей, привлекательность революционного примера, а также их неотразимую силу в исторических свершениях нашей эпохи, американский монополистический капитал хотел бы изобразить США «ведущей революционной державой мира». Желание весьма честолюбивое, если учесть, что характер общественного строя, природа политической власти, содержание и цели внутренней и внешней политики поставили Соединенные Штаты в положение, полярно противоположное тому, на которое они претендуют. Однако союз с реакцией обременителен, а открытое противопоставление себя народам, борющимся за национальную и социальную свободу, небезопасно для собственных интересов.

Поэтому государственные и политические деятели официальной Америки, ее идеологи уже не один десяток лет примеривают революционные одежды. Организуются и международные дискуссии с участием видных буржуазных историков, социологов, политологов из разных стран Запада, посвященные выяснению с позиций буржуазной идеологии отношений между Соединенными Штатами и «мировой революцией».

Проблема «революции» была включена, как известно, и в повестку дня Международного конгресса исторических наук, проходившего в Сан-Франциско с 22 по 29 августа 1975 г.¹⁰ Некоторые американские идеологи ис-

¹⁰ «Правда», 1975, 25 августа.

пользовали этот научный форум для пропаганды псевдо-революционных идей. Будучи кандидатом в президенты в 1968 г., Р. Никсон выдвинул идею «новой американской революции». Такой лозунг при всей его демагогичности свидетельствовал о необходимости учитывать стремление общественности к изменению внешнеполитического курса¹¹. Неограниченная спекуляция на революционных лозунгах вводит в заблуждение народные массы, порождая у них несбыточные ожидания. В обстановке разрядки международной напряженности и развития контактов между государствами с разным общественным строем приходится считаться и с возможностью проникновения в социалистические страны разного рода мифов о «способности» капитализма к «революционному изменению» в настоящем и будущем.

Американская революция 1776 г. действительно принесла с собой прогрессивные для того времени изменения. Но поиски революционности в цветах американского флага спустя 200 лет — это, по мнению польского ученого Л. Пастусяка, недоразумение. Он считает весьма актуальной научную разработку тематики, связанной с разоблачением мифа о революционности США¹².

Империалистические идеологи и политики, говоря о «революционной роли» США в мире, с самого начала предлагают свое понимание «революции», глубоко отличающееся от того, которого придерживаются народы, ведущие освободительную борьбу. Известный шведский экономист и социолог Г. Мюрдаль приводит высказывание члена Верховного суда США У. О. Дугласа, который еще в первой половине 50-х годов заявил, что место во главе мировой революции «отвечало бы наиболее глубоким устремлениям и исключительной истории Америки, а не союз с политической реакцией во всем мире, как это было до сих пор»¹³. При этом, добавляет Г. Мюрдаль, имеются в виду «радикальные реформы», которые должны были предотвратить политические революции и замедлить их¹⁴. Желанию У. О. Дугласа не суждено было

¹¹ См.: Х. Уинтер. Внешняя политика США: какой хотят видеть ее трудящиеся.— «Проблемы мира и социализма», 1976, № 5, с. 56.

¹² «Perspektywy», 1976, 11. czerwca, s. 7.

¹³ Цит. по: «Polityka», 1974, 21—28. grudnia.

¹⁴ Там же.

сбыться. Правящие круги США в течение долгих лет делали упор на применение военной силы, чтобы помешать проведению сколько-нибудь радикальных реформ во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки. В тех же немногих случаях, когда экспорт контрреволюции сочетался с попытками проведения известных реформ, последние носили столь ограниченный характер, что с негодованием отвергались народными массами. В итоге США не только не возвысились до «роли лидера мировой революции», но еще глубже погрязли в болоте политической и социальной реакции.

В той мере, в которой обострение социально-экономических противоречий и усиление классовой борьбы трудящихся в США и других капиталистических странах опровергло мифы о «трансформации капитализма», подтвердив вывод о неизменности его эксплуататорской сущности, агрессивная политика американского империализма в мире перечеркнула надежды ее вдохновителей на место «ведущей мировой революционной силы».

Крах концепций о «трансформированном» капитализме прикрывается заявлениями о том, будто западное общество вступило в «новую полосу революционных преобразований», которая открывает перед ним не изведанные ранее рубежи. Для маскировки реакционной сущности империализма, его политики и идеологии ныне чрезвычайно широко используется спекуляция на научно-технической революции и тех изменениях, которые она вызывает в различных областях жизни современного буржуазного общества. К революции в науке и технике империалистические теоретики обращаются также, чтобы найти отсутствующие у них аргументы в пользу «революционной роли» Соединенных Штатов в мире. С такого рода поисками связано создание концепций о «постиндустриальном», «посткапиталистическом», «постбуржуазном», «технотронном» и т. п. обществах. Их авторами выступают известные американские теоретики Д. Белл, Г. Кан, Р. Хейлброунер и др. Как видно уже из некоторых названий, идейная направленность теорий состоит в утверждении, будто современное западное общество, в первую очередь США, окончательно свело счеты с «капиталистической фазой» своего развития и достигло ныне качественно иного состояния. Эта мысль оттеняется благодаря употреблению приставки «пост»

(«после»). Составной частью многих вариантов теорий о «постиндустриальном» обществе является тезис о «революционной роли» Соединенных Штатов в процессе общественных изменений нашего времени. Все это проявляется, в частности, в футурологической теории о «технотронном» обществе. Содержание теории — маскировка подлинной природы государственно-монополистического капитализма, извращение роли американского империализма в мире, идейные нападки на Советский Союз и страны социалистического содружества, стремление принизить их значение в исторических процессах наших дней. В качестве важнейшего средства «идеологической мимикрии» империализма используются идеи революционных изменений в обществе. В своих экспериментах с этими идеями теоретики «технотронного» общества заходят настолько далеко, что пытаются обратить их против тех, кому они принадлежат по праву, против СССР и братских стран социализма, международного рабочего класса и национально-освободительных движений, марксистско-ленинской идеологии.

Ключевое место во всей «аргументации» данной теории занимает понятие «технотронной революции», с которым связываются последующие выводы об изменении природы государственно-монополистического капитализма, его влияния на внутреннюю и внешнюю политику США, а также другие стороны жизни американского общества. Под «технотронной революцией» понимается прогресс в области электроники, особенно электронно-вычислительной техники, средств связи и т. д. Сюда же входят и известные социальные последствия этого прогресса. Так, футурологи заявляют, что большинство индустриально развитых стран (в первую очередь Соединенные Штаты) начинают выходить из индустриальной стадии своего развития и вступают в век, когда технология, особенно электроника, все более становится главным детерминантом социального изменения. Под ее влиянием меняются даже нравы, социальная структура, ценности и глобальное мировоззрение общества.

Заметим одну немаловажную особенность теоретических выкладок — их однородность, которая проявляется уже при первом знакомстве с такой концепцией. В самом деле, говорится о «революции» и вызы-

ваемой ею «смене» одной формы общества другой, но при этом не затрагиваются вопросы о капиталистическом способе производства и его внутренних антагонизмах, о необходимости коренного преобразования капиталистических производственных отношений, собственности крупных монополий. Та же участь постигает проблемы классов и классовой борьбы, коренного изменения характера политической власти и многие другие вопросы, без освещения которых никакой анализ социальной революции не может быть признан ни полным, ни удовлетворительным с точки зрения науки и практики.

Научное понимание социальной революции здесь явно подменяется ссылками лишь на некоторые аспекты научно-технического прогресса с добавлением известных «социальных последствий». Подбор таковых осуществляется опять-таки на основе субъективного «критерия», поскольку упрощаются, вульгаризируются, извращаются связи между развитием науки и техники в капиталистическом обществе и социальными изменениями; не проводятся внутренние различия между самими последствиями по степени их важности и т. д.

Все это приобретает немаловажное, даже определяющее значение, так как концепция «технотронного» общества ориентируется именно на «социальные последствия» и в этом смысле отличается от концепций «индустриального» общества и им подобных. В «индустриальном» обществе, как заявляют футурологи, технические знания применялись главным образом ради одной специфической цели: ускорения прогресса производственной техники, что отодвигало вопрос о социальных последствиях на второй план. В «технотронном» обществе все обстоит по-иному. Быстрое изменение научного и технического знания в дополнение к расширению производственных способностей прямо затрагивает все аспекты жизни. Соответственно растущая способность немедленно рассчитывать сложные взаимодействия и увеличение наличных биохимических средств контроля расширяют круг возможных направлений сознательного выбора и уже в силу этого «увеличивают давление» в пользу управления, выбора, изменения. Итак, научно-технический прогресс в сфере электроники и коммуникаций якобы в корне меняет характер развития капиталистического, в том числе американского, общества, открывая якобы воз-

возможность сознательного, целенаправленного руководства и управления им. С этими качествами ассоциируется суть «технотронного» общества. В данной теории говорится также о повышении «роли человеческого интеллекта», об увеличении значения духовных ценностей, но при следующем условии: они должны выйти за рамки «жестких идеологий индустриального века». Выдвижение данного условия само по себе свидетельствует об антимарксистской направленности концепции «технотронного» общества, ибо к «идеологиям индустриального века» империалистические теоретики неизменно относят также марксизм-ленинизм.

Однако «доводы» в пользу «технотронной революции», якобы изменившей природу капиталистического строя в США, бьют мимо цели.

Научно-техническая революция и, в частности, такое ее проявление, как прогресс в области электроники и коммуникаций, происходят не в социальном вакууме, а в системе определенных общественных отношений. В данной исторической обстановке научно-техническая революция вызывается общественными потребностями, имеющими классовую природу. Поэтому достижения в области науки и техники также не являются нейтральными сущностями и воздействуют на общественную жизнь не прямо, а через систему общественных отношений, где основную роль играют производственные отношения. От типа последних зависят особенности и взаимосвязи научно-технического и социального прогресса. Раскол мира на две общественные системы еще более усложняет взаимодействие научно-технической революции и общества, так как она превращается в важнейшую область борьбы капитализма и социализма.

Развертывание научно-технической революции вызывает разные социальные последствия в капиталистических и социалистических странах. Выяснение различий приобретает важное принципиальное значение в свете экономического соревнования противоположных общественно-экономических систем и обострения идеологической борьбы на мировой арене.

Подчинение капиталистического производства цели извлечения максимальных прибылей оказывает глубокое влияние на все процессы научно-технической революции, которые протекают в обстановке постоянного

усиления антагонистических противоречий капитализма и приобретают их отпечаток.

Результаты научно-технического прогресса в капиталистическом обществе проявляются как нечто враждебное обществу и вступающее в резкий конфликт с ним. Производственные отношения капитализма, цель которых на всех ступенях его развития — безудержная погоня за прибылью, препятствуют обращению достижений научно-технической революции на благо человека. Поэтому не только не обеспечивается стабильный подъем жизненного уровня трудящихся, но и периодически наблюдается его снижение (в связи с падением темпов экономического роста, увеличением безработицы и т. д.).

Все явственнее вырисовывается непримиримое противоречие между объективной тенденцией развития самой науки и постоянным стремлением капитала сорентировать ее на удовлетворение своих эгоистических потребностей.

Таким образом, развертывание научно-технической революции находится под непрерывным воздействием капиталистического строя и его закономерностей. Последние придают ей строго определенный характер и в то же время ставят перед ней известные рамки. Это обусловлено сущностью капитализма.

Положение дел в капиталистическом мире свидетельствует о том, что монополистический капитал в силу своей природы не может поставить перед научно-технической революцией таких задач, которые выражали бы потребности всех членов общества и гармонировали бы с внутренней логикой ее развития. Следовательно, прогресс науки и техники, выступая в капиталистической общественной оболочке, неизбежно становится однобоким.

В отличие от капитализма социалистический строй подчиняет развитие науки и техники интересам неуклонного прогресса общества, совершенствования социалистических общественных отношений и их перерастания в коммунистические, интересам всестороннего развития личности. Все это открывает перед научно-технической революцией принципиально иные возможности. «Осуществить эту революцию и использовать ее плоды в интересах общества,— отмечается в Програм-

ме КПСС,— может только социализм»¹⁵. В социалистическом обществе научно-техническая революция способствует решению таких крупных экономических и социальных задач, как превращение науки в непосредственную производительную силу, научная организация общественного производства, стирание существенных различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом, сближение социалистических наций и народностей и др.

Вот почему социальные результаты научно-технической революции было бы ошибочно выводить только из внутренне присущих ей логики и тенденций, абстрагируясь от характера всей системы общественно-экономических отношений. Тот факт, что научно-техническая революция с каждым своим достижением открывает перед обществом все новые и новые возможности прогресса, не означает автоматической их реализации. В какой степени и как они будут использованы, если вообще им будет найдено применение,— все это зависит от конкретного типа общества.

Концентрируя внимание на некоторых успехах научно-технической революции, прежде всего в сфере электроники, электронно-вычислительной техники, коммуникаций, сторонники теории «технотронного» общества приходят к выводу о возможности социального управления общественными процессами и более широкого выбора альтернативных решений в области политики. С точки зрения абстрактной логики это, конечно, верно. Но было бы ошибкой полагать, что сознательное управление общественными процессами при капитализме реализуется на практике, притом в полном объеме и в масштабе всего общества. Эта ошибка далее усугубляется порочным заключением об установлении в Соединенных Штатах «новой формы общественной организации». Указанными теоретическими просчетами во многом и объясняется появление концепций о «технотронной революции» и «технотронном» обществе.

Верная оценка возможностей сознательного управления социальными процессами в связи с развитием

¹⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, с. 28.

научно-технической революции может быть дана только в рамках конкретно-исторического подхода к действительности. Это предполагает выяснение вопросов: в чьих интересах осуществляется управление общественными процессами и, следовательно, каков его характер, кто «выбирает» те или иные решения проблем внешней и внутренней политики и какие критерии кладутся в основу «выбора»? и т. д. Лишь на базе полученных ответов можно составить объективное представление об управлении общественными процессами, его характере, роли и т. п.

Известно, например, что изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, разрядка напряженности, борьба двух общественно-экономических систем, нарастание освободительной борьбы в капиталистическом мире вынуждают правящие империалистические круги прибегать к мерам государственно-монополистического регулирования экономики, воздействовать с их помощью на все процессы общественной жизни, классовую борьбу трудящихся.

Очень важно отметить, что государственно-монополистическое регулирование несколько не меняет природы капиталистического строя. Оно не в состоянии уничтожить противоречия капитализма. Наоборот, нарастание внутренних и внешних противоречий капиталистической системы постоянно снижает эффективность государственно-монополистического регулирования. Усиление конкурентной борьбы между монополиями, углубление противоречий между империалистическими державами постепенно расшатывают механизм государственно-монополистического регулирования. Это особенно сказывается в нынешней обстановке, когда процессы международной разрядки сопровождаются усилением кризисных процессов в странах капиталистической системы.

С новой силой подтверждается вывод о том, что никакое государственно-монополистическое регулирование не может стабилизировать развитие капиталистической экономики. Неэффективными оказываются шаги в целях устранения безработицы, инфляции, бедности. Еще меньший успех приносит вмешательство в процессы классовой борьбы. Объективные законы капиталистического общества продолжают действовать с неослабеваю-

шей силой, следствием чего служит его растущая нестабильность.

В столкновении сознательного и стихийного начал в развитии современного капиталистического общества победа остается за стихией, что говорит о неизменности его принципов. При капитализме возможность сознательного управления социальными процессами, открываемая научно-технической революцией, реализуется лишь в незначительной степени и, конечно, не в состоянии повлечь за собой качественное изменение общественного строя.

Научно-техническая революция в капиталистических странах ускоряет создание условий для перехода к социализму. Это проявляется в быстром развитии производительных сил, которые объективно требуют уничтожения частной собственности, эксплуатации человека человеком, введения планирования в национальном и международном масштабах, научной организации общества, разумного использования имеющихся ресурсов, всесторонне развитой личности. По мере того как на базе современной науки и техники развиваются такие производительные силы, все более очевидным становится их конфликт с капиталистическими производственными отношениями.

Поэтому научно-техническая революция знаменует собой не просто качественный поворот в науке и технике, она создает материальные предпосылки социалистической революции. Данная роль научно-технической революции подготовлена как развитием производительных сил общества, так и огромными социальными преобразованиями в мире: определяющим влиянием мирового социализма на все общественные процессы наших дней, успехами народов социалистических стран в деле построения социализма и коммунизма.

Следовательно, важнейшие проявления научно-технической революции в капиталистических странах следует рассматривать в социалистической перспективе: как подготовку объективных и субъективных предпосылок будущего социалистического строя.

Конечно, наличие таких предпосылок еще нельзя отождествлять с самим социализмом. К нему могут привести только борьба рабочего класса под руководством его марксистско-ленинской партии, победоносная социа-

листическая революция в мирной или немирной форме, завоевание рабочим классом политической власти и ее использование в целях социалистических преобразований. Эти условия перехода к социализму и сегодня сохраняют свою силу и значение.

Противники социалистической перспективы общественного развития направляют свои главные удары против революционного перехода к социализму. С этой целью материальные предпосылки социализма, возникающие в недрах капиталистического общества на его империалистической стадии, выдаются за готовый «социализм» или же формы «нового общества» социалистического типа. Такой прием лежит в основе империалистических концепций, основанных на предположении об «изменении» природы капитализма. К нему прибегают сторонники теорий «постиндустриального», «посткапиталистического» обществ. Теория «технотронного» общества не является исключением. Ее авторы отождествляют некоторые предпосылки социализма, создаваемые научно-технической революцией (новые виды техники и технологии, средств связи и коммуникаций, объективная потребность в сознательном управлении общественными процессами), с установлением нового «технотронного» общества, которое якобы призвано заменить социализм.

Методы и приемы спекуляции империалистической и реформистской идеологий на революционной идее в целях отрицания необходимости социализма привлекли в свое время внимание В. И. Ленина, подвергнувшего их беспощадной критике. Разоблачая оппортунистические теории «ультраимпериализма» и «организованного капитализма», В. И. Ленин вскрыл их коренные методологический и теоретический пороки. «...Самой распространенной ошибкой,— писал он,— является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное... «Близость» *такого* капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции

и подкрашиванию капитализма, чем занимаются все реформисты»¹⁶.

Ленинский анализ империалистических и реформистских концепций «ультраимпериализма» и «организованного капитализма» сохраняет свое значение и в наши дни. Ленинская логика классового подхода помогает глубже видеть действительную изнанку империалистических теорий — стремление защитить государственно-монополистический капитализм, прикрываемый «революционными одеждами».

В. И. Ленин весьма четко указал на объективный критерий социальной революции, который позволяет провести ясное различие между подлинной революцией и всякими буржуазными ее фальсификациями наподобие «технотронной революции». В понятие «революция» буржуазные идеологи сегодня готовы вложить какой угодно смысл, кроме, разумеется, того, который означает действительную революцию. Анализируя основные признаки этого понятия, В. И. Ленин подчеркнул, что «переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия»¹⁷. В наши дни подлинная социальная революция немыслима без перехода власти в руки рабочего класса, идущего в авангарде освободительной борьбы всех трудящихся.

Решительно отменяя буржуазные вымыслы о «революциях», якобы изменивших реакционную суть империализма, о замене господства монополистического капитала «новым обществом», сторонники марксизма-ленинизма отнюдь не отрицают качественных изменений в рамках современного капитализма. Процессы изменений в странах капитала получают всестороннюю научную оценку на основе марксистско-ленинского учения, которое является действенным оружием познания и революционного преобразования мира.

Так, марксисты указывают, что в течение последних десятилетий обстановка на мировой арене стала совершенно иной. Теперь уже не империализм определяет

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 68.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133.

судьбы человечества. Наоборот, сам он развивается под сильнейшим воздействием успехов мирового социализма и борьбы двух общественно-экономических систем, составляющих главное содержание нашей эпохи. Историческое наступление социализма, международного рабочего и национально-освободительного движения вынуждает финансовую олигархию приспособляться к новым условиям классового противоборства в национальном и всемирном масштабах. Стремление приспособиться к новым историческим реальностям накладывает глубокий отпечаток на все сферы современного буржуазного общества. Оно в возрастающей степени характеризуется чертами, зачастую противоречащими «классическим» чертам капиталистической системы. «...Некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность»¹⁸, — писал об этом В. И. Ленин. В концентрированном виде это проявляется в развитии государственно-монополистического капитализма.

Одновременно усиливается роль буржуазного государства в воспроизводстве, регулировании, программировании всего комплекса накопления капитала, производства, обращения и распределения. Современное империалистическое государство — это крупный предприниматель и одновременно безжалостный эксплуататор трудящихся. Благодаря национализации предприятий и целых отраслей народного хозяйства в главных капиталистических странах на долю государственного сектора приходится 15—20% производимой промышленной продукции. Государство — это крупный инвестор. Государственные инвестиции составляют 30—50% валовых капиталовложений. Государству принадлежит видная роль в организации научных исследований. В настоящее время оно финансирует более 2/3 расходов на эти цели. Государство — это крупнейший потребитель, поглощающий 25% конечного общественного продукта. Кроме того, оно приобретает большое значение и как экспортер капитала¹⁹. Совокупность экономических функций современного империалистического государства свидетельствует о превращении его в координацион-

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.

¹⁹ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 5, с. 12—15.

ный центр, разрабатывающий и формулирующий экономическую стратегию монополистического капитала. Опираясь на меры государственного регулирования и программирования экономической жизни, государство стремится в известных пределах рационализировать экономическое развитие. Это, конечно, не меняет сути империализма и природы самого империалистического государства.

Вместе с тем соединение монополий и империалистического государства в единый механизм есть новое явление. Государственно-монополистический капитализм, как подчеркивается в материалах работы международной исследовательской группы, анализировавшей современное значение произведения В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», представляет собой новую экономическую и политическую силу, модифицировавшую в определенной степени производственные отношения и при сохранении неустойчивости, неравномерности и циклического характера экономики механизм капиталистического воспроизводства²⁰.

Свою основную экономическую задачу империалистическое государство видит в том, чтобы в экономическом соревновании с социализмом обеспечить сравнительно высокие темпы экономического роста и научно-технического прогресса. Поэтому главное внимание оно уделяет разработке и осуществлению мер, стимулирующих экономический рост и научно-технический прогресс. Вместе с тем хроническая инфляция побуждает государство периодически переходить к дефляционной политике торможения экономического роста путем усиления налогового ограбления трудящихся и удорожания кредита.

Обострение социально-экономических антагонизмов и нарастание классовой борьбы в капиталистических странах влекут за собой усиление государственного вмешательства в сферу социальных отношений. Государство стремится активно воздействовать на весь их комплекс, осуществлять их регулирование в интересах монополистического капитала. Важнейшие направления государственного регулирования в сфере социальных отношений связаны с политикой в области заработной платы и

²⁰ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 5, с. 12—15.

других доходов трудящихся, образования, подготовки кадров для автоматизированного производства, социального обеспечения, здравоохранения, планирования в развитии городов, общественного транспорта, жилищного строительства.

Таковы наиболее характерные изменения в капиталистическом обществе за последние десятилетия.

Однако при всем этом необходимо еще раз подчеркнуть главное. Претерпевая изменения по многим направлениям, современное буржуазное общество не меняет своей эксплуататорской природы, которая определяется господством финансово-монополистического капитала. Поскольку сохраняется это господство, все попытки его апологетов приспособить современный капитализм к требованиям социального прогресса терпят неудачу. «Капитализм,— отмечается в докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС,— всячески стремился идти... в ногу со временем, применять различные методы регулирования экономики. Это позволяло стимулировать экономический рост, но, как и предвидели коммунисты, не смогло устранить противоречий капитализма»²¹. Наряду с резким сокращением производства и ростом безработицы серьезные размеры приняли валютный, энергетический, сырьевой кризисы, а также инфляция. Одновременно обострились межимпериалистические противоречия.

Все это подтверждает выводы XXV съезда КПСС о том, что нестабильность капитализма становится все более очевидной и обещания «оздоровить» его потерпели очевидный провал²². Итак, тот путь, по которому следует современное буржуазное общество, ведет не в безоблачное будущее, как утверждают некоторые футурологи. Скорее наоборот: он чреват событиями, углубляющими кризис капиталистической системы, подтверждающими неизбежную ее гибель.

Используя идеологический аппарат, изощренную социальную демагогию, теории «классовой гармонии», «социального партнерства», «открытого общества», «конвергенции», «нового индустриального», «постиндустриального», «технотронного» обществ, монополистиче-

²¹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. I, с. 51.

²² Там же, с. 52.

ская буржуазия пытается ослабить накал классовой борьбы, растворить рабочее движение в системе буржуазного парламентаризма, замаскировать господство монополий и финансовой олигархии.

Международный рабочий класс и его боевой авангард — коммунистические партии, опираясь на всепобеждающее учение марксизма-ленинизма, убедительно доказывают, что империализм есть канун социалистической революции. Подлинны революционеры делают отсюда вывод о необходимости усилить классовое наступление на позиции империализма и реакции в целях завоевания победы.

В свете марксистско-ленинского анализа сущности государственно-монополистического капитализма и его исторического места в развитии капиталистического общества весьма жалкими выглядят потуги некоторых футурологов, в частности поборников «технотронного» общества, «теоретически» обосновать «революционную роль» США в современном мире. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим некоторые из используемых футурологией теоретических приемов с целью изобразить Соединенные Штаты «идеалом» и одновременно «конкретной моделью», на которые призваны ориентироваться в своем развитии другие страны.

Прежде всего обращает на себя внимание стремление ряда видных футурологов (Д. Белла, Р. Арона и др.) найти в политике американских финансово-монополистических кругов хоть какую-то почву для вывода о том, будто США уже не являются империалистической державой и, следовательно, к ним уже не может быть применен «ортодоксальный» (в первую очередь марксистско-ленинский) анализ империализма. Это ведет к словесным ухищрениям, преподносимым взамен объективных фактов.

Предпринимаются, в частности, разные манипуляции с термином «империалистический». Р. Арон утверждает, например, будто целью американской политики на мировой арене является создание такой системы международных отношений, которая «гармонизировала» бы с указаниями и намерениями США. Р. Арон называет «империальным» характер американской внешней политики, имея в виду также ее глобальные масштабы, в противовес «империалистическим» целям, связанным с

установлением господства над другими странами²³. Так, одним росчерком пера подводится черта под империалистическим прошлым Соединенных Штатов. Что же касается их настоящей и будущей роли в мире, то она якобы всецело определяется «технотронной революцией». Футурологи, отстаивающие данную идею, придерживаются примерно такого мнения. В прошлом роль катализатора социальных изменений выполняли разные страны, причем изменения, как правило, ограничивались рамками какого-нибудь географического района. Так, в древности Греция и Рим оказывали воздействие на все Средиземноморье, Китай — на значительную часть Азии. Позднее, в эпоху становления капитализма, Французская революция 1789 г. была, пожалуй, самым мощным «стимулятором подъема популистского национализма» в Европе. Сегодня США посредством «технотронной революции» воздействуют уже не на отдельные регионы, а на весь мир. Являясь «глобальным распространителем технотронной революции», они оказывают большое воздействие на все другие общества, побуждают их к постепенной, но далеко идущей трансформации своих взглядов и обычаев. При этом футурологов, как видно, не смущают ни внутренние неурядицы, ни глубокие социальные конфликты в самих Соединенных Штатах, поскольку последние представляются как новаторское, творческое общество наших дней. Такова лицевая сторона «революционного имиджа» современного американского общества.

Оборотная сторона футурологической апологетики — стремление извратить значение подлинно революционных сил нашей эпохи для судеб человечества. Мировой социализм изображается, например, своего рода «побочным» и притом негативным «продуктом» «технотронной революции». Подобная трактовка реального социализма не столь уж нова. Она воскрешает прежние попытки буржуазных идеологов считать возникновение социализма своего рода «отклонением» от главного процесса развития на «стадии взлета», в ходе революции «модернизации» и т. д. Подобная концепция в несколько изме-

²³ R. A r o n. Die imperiale Republik. Die Vereingnten Staaten von Amerika und die übrige Welt seit 1945. Stuttgart—Zürich, 1975, S. 412.

ненном виде приводится и футурологией в подтверждение «революционной роли» США в современном мире.

Понятие «технотронной революции», на котором зиждется «революционная роль» США, совершенно не адекватно понятию социальной революции. «Технотронная революция» включает отдельные моменты научно-технической революции и ограничивается намеками на «социальные последствия», имея в виду некоторые ее возможности (например, сознательное управление социальными процессами), фактически не реализуемые в рамках эксплуататорского строя. Поэтому главным средством «глобального влияния технотронной революции» в конечном итоге провозглашаются американская техника и технология, особенно электронно-вычислительные машины, современные средства связи и т. д.

Развитие техники играет крупную роль в революционном преобразовании общества, т. е. в социальных революциях. Но раскрыть эту роль можно только при условии глубокого понимания диалектики производительных сил и производственных отношений — подлинной движущей пружины общественного прогресса. Рассматривая технику во взаимосвязи с другими общественными явлениями, основоположники марксизма-ленинизма видели в ней, во-первых, звено в системе производительных сил и, во-вторых, звено определенной социальной системы. Этим самым подчеркивалось единство технологических и социальных функций техники.

Крупные перевороты в технике вызывают изменения как в технологических, так и в социальных отношениях. Однако в сфере последних изменения происходят не прямо, а через ряд опосредований.

К. Маркс, а также В. И. Ленин указывали, что воздействие техники на общество сказывается прежде всего через разделение труда. Специализация трудовых функций и связанное с ней их обобществление неизбежно влекут за собой концентрацию труда и капитала, а также растущую их поляризацию. Прогресс техники, развитие крупной машинной индустрии способствуют консолидации рабочего класса, росту его классового сознания. Положение пролетариата в системе капиталистических производственных отношений делает его главной движущей силой социалистической революции.

Таким образом, прогресс науки и техники обнаруживает внутреннюю чрезвычайно глубокую и многостороннюю связь с рабочим классом и его борьбой за социалистическую перспективу общества. Эта связь еще более расширяется и углубляется благодаря научно-технической революции. Вызывая крайнее напряжение и обострение противоречий капитализма, она превращает переход к социализму в настоятельную потребность общественного развития. Следовательно, в наши дни научно-техническая революция неотделима от социальной революции. Бурный прогресс науки и техники составляет важнейшую материальную предпосылку перехода к социализму во всемирном масштабе.

Развитие мировой социалистической революции — процесс многоплановый. С одной стороны, он включает в себя переворот в науке и технике, коренное преобразование технической основы современного общественного производства, с другой — движение народных масс против всех форм социального, национального, расового порабощения. В столь сложном лабиринте общественных процессов нетрудно затеряться. Такую опасность предвидел В. И. Ленин. Поэтому он постоянно предупреждал о необходимости в зигзагах и изломах истории не потерять ее общей перспективы, видеть главное содержание и устойчивую тенденцию общественного развития, а именно переход от капитализма к социализму. При всей разнородности освободительных движений в тех или иных районах нельзя упускать из виду, что в центре современной эпохи и ее революционных процессов стоит международный рабочий класс.

Показателем революционности тех или иных общественных сил, классов, политических партий и т. д. служит их отношение к революционной борьбе международного рабочего класса.

Победа социалистической революции в одном из государств превращает его в бастион мирового антиимпериалистического и антикапиталистического движения, ибо своим примером, достижениями в строительстве социализма, борьбой против капитала и поддержкой освободительной борьбы в других странах оно революционизирует народные массы во всем мире. В. И. Ленин не раз указывал на революционную роль нашей страны, приобретенную ею после Октября 1917 г. Советская

Россия, писал он, «группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей»²⁴.

Возникновение мирового социалистического содружества значительно повышает революционное значение социализма, поднимает его на новую, более высокую ступень.

Концепция «технотронной революции» и основывающиеся на ней представления о «революционной роли США» в мире как «глобальном распространителе» этой «революции» теоретически несостоятельны уже потому, что они противопоставляются социализму. Никакая подлинная революция не может выступать в качестве альтернативы борьбы за социализм. Подобную роль может взять на себя лишь контрреволюция. Проповедь контрреволюционных идей под видом революции — таково действительное содержание теории «технотронного» общества.

К этому же сводится и суть концепции о «революционной роли» Соединенных Штатов. Последняя ассоциируется с американской техникой. В то же время отбрасываются проблемы, затрагивающие взаимосвязь технического и социального прогресса, не берутся, например, во внимание общественные причины, содержание и последствия научно-технической революции. Следовательно, выпадают из поля зрения деление общества на классы и классовая борьба между ними. Результатом такого подхода служит искажение перспективы общественного развития в целом, роли в нем отдельных стран, в том числе США.

Несостоятелен и сам подход футурологов к пониманию революции. Так, они обращаются к либеральной традиции американской социальной и политической демократии, рекомендуют ее в качестве «пути» решения «мировых» социальных и политических проблем. Но под «демократией» ими подразумеваются политическая власть крупной буржуазии США и ее стремление распространить свое политическое влияние в мире. Понятно, что такие рекомендации идут вразрез с потребностями

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 163.

ми социального прогресса человечества, его борьбой за переустройство своей жизни на подлинно демократических началах.

Таким образом, империалистические идеологи выхощивают содержание революционной идеи, подчиняя ее целям прославления контрреволюционной диктатуры финансово-монополистического капитала, его попыток расширить и укрепить свое влияние в мире, а также обосновать свои претензии на будущее.

Концепции идеологов монополистического капитала, провозглашающие США «революционной силой» и ставящие их в «авангарде революционных изменений», вызывают возражения даже со стороны серьезных буржуазных исследователей в западных странах. Известный английский историк Э. Х. Карр в своем труде, посвященном исследованию революций, пишет об историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции для будущего человечества. В то же время он подчеркивает, что ее влияние на судьбы общества идет по восходящей линии. «Большевистская революция. Претензия этой революции на то, что она положила начало «новой цивилизации», утверждается и оспаривается. Но с любой точки зрения она была одним из великих поворотных пунктов в истории, сравнимых с Французской революцией и, возможно, превосходящих ее по значению. Ни одна страна в мире не осталась безразличной к ней, ни одна форма правительства не смогла устоять перед ее вызовом, ни одна политическая или экономическая теория не избежала ее испытывающей критики; вместе с тем, по всем признакам, ее влияние еще не достигло вершины»²⁵.

Несомненный интерес представляют высказывания и другого известного английского историка А. Тойнби, который активно включился в развернувшуюся на Западе дискуссию об отношении США к революционным изменениям в современном мире, посвятив данному вопросу книгу «Америка и мировая революция». Содержание книги выдержано в благожелательном для США духе. Тем более ценны некоторые выводы ее автора, имеющие, кстати, принципиальное значение.

А. Тойнби признает, и это само по себе немаловажно,

²⁵ E. H. Carr. *Studies in Revolution*. N. Y., 1964, p. 210.

что рассматриваемая им проблематика привлекла внимание буржуазных идеологов. Стремление противостоять марксистско-ленинской идеологии заставило идейных слуг буржуазии обратиться к таким понятиям, как «прогресс» и «революция», побудило их всерьез задуматься над смыслом жизни человека в западном обществе. «...Вызов холодной войны,— признает А. Тойнби,— поставил нас перед жгучим вопросом, в чем мы видим смысл своей жизни в Америке? В чем смысл жизни людей в Западном мире в целом?.. Нам нужно рассмотреть проблему с точки зрения всего человечества. Проблема заключается в следующем. В чем подлинная цель человека? Это не только экономический, но и политический, а также религиозный вопрос...»²⁶

А. Тойнби довольно трезво подходит к пониманию того, какие страны в условиях современной эпохи играют прогрессивную, а какие реакционную роль. От его взгляда не ускользает и факт коренного изменения соотношения сил прогресса и реакции. «Я утверждаю,— пишет А. Тойнби,— что с 1917 года роль Америки в мире радикально изменилась. Из архиреволюционной Америка превратилась в архиконсервативную державу. Славная роль... была преподнесена... стране, являвшейся архиконсервативной державой в девятнадцатом столетии. Америка передала свою революционную историческую роль России»²⁷.

Подобные выводы в целом соответствуют действительности, но А. Тойнби, как и другим буржуазным идеологам, не дано глубоко понять исторические причины, сущность и роль различных социальных революций. Революция для него — абстрактная категория, она не связывается ни с развитием классовой борьбы в антагонистическом обществе, ни с ее закономерностями. Красноречивым примером служит тот факт, что революционные изменения, происходящие в мире сегодня, А. Тойнби считает по сути продолжением американской революции 1776 г. Поэтому он не видит глубинных причин утраты Америкой своей революционной роли в наше время, полагая, что виной этому — ее богатство. Однако сам вывод о том, что Америка уже не выступает в качестве

²⁶ А. J. Toynbee. *Amerika and the World Revolution*. N. Y., 1962 pp. 144—145.

²⁷ *Ibidem*, p. 102.

носительницы революционных идеалов, не вызывает у А. Тойнби никаких сомнений и повторяется им несколько раз. «Изобилле,— заявляет А. Тойнби,— приводит к разрыву между Америкой и ее собственными идеалами. Оно ставит ее в положение лидера в отстаивании интересов, диаметрально противоположных тем, за которые выступает мировая революция Америки. Оно превращает ее в полицейского, стоящего на страже права собственности»²⁸. Контрреволюционная роль США в исторических событиях наших дней — это очевидный факт. И А. Тойнби прав, когда он указывает на это.

Господство частной собственности и основанные на ней эксплуатация и угнетение многомиллионных трудящихся масс — вот подлинная причина, исключаящая революционную роль США и любой другой капиталистической страны в социальных процессах современности.

Отдавая должное проницательности таких буржуазных исследователей, как Э. Х. Карр и другие, следует подчеркнуть следующее. Последовательная объективная оценка роли той или иной страны в исторических событиях нашей эпохи и в строительстве будущего может быть дана с позиций марксизма-ленинизма, являющегося научной идеологией международного рабочего класса. С его исторической деятельностью, целью которой является построение социализма, связаны ныне важнейшие тенденции исторического развития. В свете марксистско-ленинского учения может быть дана подлинно объективная оценка и роли, в частности, США.

Известно, что В. И. Ленин высоко отзывался о борьбе американского народа за свою свободу и независимость. «История новейшей, цивилизованной Америки,— писал он,— открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн...»²⁹ Вместе с тем В. И. Ленин отмечал, что в политическом развитии США надо различать две традиции: консервативную и революционную. Первая из них сегодня воплощается в политике финансово-монополистических кругов. Вторая сохраняется и раз-

²⁸ А. J. Тоунби. *Amerika and the World Revolution*, p. 151.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48—49.

вивается американским рабочим классом. Ее последовательно выражает Компартия США. Нынешняя и будущая роль Америки в мире определяется борьбой указанных традиций.

В условиях нашей исторической эпохи капиталистическая Америка противостоит процессу революционных социальных изменений в мире. Поэтому любые ее претензии на «продолжение революционной роли» являются отголоском прошлого. Ирония судьбы состоит в том, как подчеркивает Председатель Компартии США Г. Уинстон, что Соединенные Штаты, отпраздновавшие 200-летие своего освобождения от ига британских колонниалистов, должны повсеместно в мире быть главным врагом народов, борющихся за свой собственный 1776 г. Однако эту иронию можно понять с позиций марксистско-ленинской науки. В наши дни капитализм вступил в период своего заката. Силы мирового социализма и национально-освободительного движения подрывают капиталистическое господство. Им помогают демократические силы в твердых капиталах. Объединяясь в анти-монополистические союзы, они ведут наступление на власть монополистов и открывают двери социализму. Эпоха буржуазных революций закончилась. Началась эпоха социалистических революций³⁰. Такова диалектика общественного развития.

Власть финансово-монополистического капитала превращает Соединенные Штаты в реакционную державу. Но эта держава, обладая мощным научно-техническим, экономическим и военным потенциалом, оказывает влияние на мировые события и прежде всего на развитие капиталистической системы. Это нельзя не учитывать. Безоговорочно отбрасывая вымыслы ряда футурологов о якобы «революционном характере» современного американского общества, следует объективно оценивать место США в капиталистической системе. Г. Холл отмечает, что «вопрос нужно ставить более узко: являются ли Соединенные Штаты капиталистической державой высшего класса. В таком случае ответ совершенно ясен. Соединенные Штаты — действительно держава высшего класса, но лишь в рамках второсортной социально-экономической системы низшего класса.

³⁰ «Political Affairs», 1976, July, pp. 3, 6.

Каждый объект необходимо рассматривать только с точки зрения той совокупности или системы, к которой он принадлежит»³¹. Следовательно, будущее США определяется судьбами капиталистической системы, взятой в целом.

Революционное развитие современного человечества невозможно представить вне перехода от капитализма к социализму, строительства социалистического и коммунистического обществ, вне борьбы народов против империализма за свое национальное и социальное освобождение.

2. Вымыслы о «революционных изменениях» в социально-классовой структуре капитализма

Футурологические исследования отводят чрезвычайно большую роль социально-классовой структуре современного капиталистического общества и перспективам ее развития, в частности, под воздействием научно-технического прогресса. И это вполне закономерно. Характер социально-классовой дифференциации общества — это один из самых существенных показателей его природы. Положение классов и социальных групп служит непосредственным и ближайшим выражением всей системы производственных отношений, которые в свою очередь исторически обусловлены известным уровнем производительных сил. Находясь в причинной зависимости от определенного типа производственных отношений и степени их развития, социально-классовая структура общества оказывает решающее влияние на процессы в социальной, политической, культурной и других областях общественной жизни. В то же время она обладает способностью к саморазвитию. Взаимоотношения между классами и социальными группами образуют постоянно действующий источник импульсов к поступательному движению всего общественного организма.

Понимая, что картины будущего общественного порядка становятся неполными, бессодержательными, если в них обойдены вопросы социально-классовой диф-

³¹ Г. Холл. Кризис империализма США и рабочее движение.— «Рабочий класс и современный мир», 1976, № 2, с. 54.

ференциации общества, футурологи дополняют свои «труды» разного рода измышлениями о «социальной революции» в рамках современного капитализма.

Обострение всех противоречий государственно-монополистического капитализма под воздействием научно-технической революции, увеличение накала классовой борьбы объективно требуют коренного преобразования социально-классовой структуры капиталистического общества: передачи орудий и средств производства в общественное достояние, ликвидации власти капитала. Отражая интересы финансово-монополистического капитала, футурологи пытаются истолковать объективные потребности общественного развития так, чтобы заранее исключить вопрос о необходимости действительно революционного переустройства социально-классовой структуры общества.

Влияние научно-технической революции на изменение всех составных частей социально-классовой структуры капиталистического общества как в настоящем, так и в предвидимом будущем признается всеми футурологами. Однако этим их согласие по существу исчерпывается. Далее следуют различные интерпретации этого влияния и вызываемых им изменений, разумеется, опять-таки в допустимых с классовой точки зрения пределах.

Некоторые буржуазные ученые, понимая трудность задачи, вовсе не предлагают ее решений. Выдвигается, в частности, положение о невозможности предвидеть «социальные структуры будущего» ввиду стремительности изменений, вызываемых научно-техническим прогрессом, их спонтанности и т. д. Так, например, поступает западногерманский ученый Г. Байч. «При любой попытке экстраполяции нашего сегодняшнего знания и действия в будущее,— пишет он,— следует подумать над тем, что социальные роли и их понимание подвержены быстрому изменению: сегодня мы еще не знаем, как будут выглядеть социальные структуры будущего, какими этическими и моральными нормами мы будем регулировать в будущем наши действия в качестве отдельных лиц и групп. Если мы исследуем здесь мнения экспертов, то мы увидим столь большое разнообразие, что любой прогноз кажется бессмысленным»³². Понят-

³² «Universitas», 1973, Heft 8, S. 824.

но, что данная позиция удовлетворяет господствующий класс лишь отчасти: она не связана с предвидениями конца его миссии. Однако амбиции финансово-монополистических воротил идут гораздо дальше. Властелинам капиталистического мира хочется видеть свой класс хозяином будущего. Поэтому они отдают предпочтение буржуазным футурологам, стремящимся предложить развернутое решение классовой задачи, поставленной перед ними.

Это характерно для футурологических теорий, сторонники которых пытаются приспособить капиталистический строй к прогрессу науки и техники путем дальнейшего развития государственно-монополистического капитализма. Создатели таких теорий как раз и стремятся нарисовать развернутую картину будущих изменений в социально-классовой структуре капиталистического общества. Поэтому целесообразно остановиться на анализе концепций этой группы.

Содержание конкретных представлений о воздействии научно-технического прогресса на социально-классовую структуру современного капитализма и их социальная роль раскрываются прежде всего в процессе исследования того, как понимаются изменения в общественном положении основных классов буржуазного общества, процесс их развития в целом, а также взаимоотношения между ними с учетом настоящего и будущего.

Эксплуатация рабочего класса буржуазией — экономическая основа капиталистического строя, а непримиримая классовая борьба между этими классами — ведущая ось, с которой связано все прошлое и настоящее капитализма. Здесь же берут свое начало и основополагающие тенденции будущих изменений всех его сторон. Научно-технический прогресс, как свидетельствует опыт высокоразвитых стран капитала, оказывает весьма существенное воздействие на основные классы капиталистического общества. Изучение этого воздействия привлекает главное внимание футурологов. В футурологических теориях находит свое отражение также процесс изменений в других классах, социальных слоях и группах, существующих при капитализме, ибо прогресс науки и техники так или иначе сказывается на всех без исключения элементах социально-классовой структуры общества. Тем не менее и социальный смысл, и идейное

содержание современного буржуазного видения перспектив социально-классовой структуры, и его научный уровень достаточно полно характеризуются именно трактовкой основных классов.

В целях детального выяснения затронутых вопросов обратимся к концепциям, выдвигаемым Д. Беллом. Они изложены в книге «Приход постиндустриального общества: попытка социального предвидения»³³, вышедшей в Нью-Йорке в 1973 г. Вопросы «социального порядка» и «структуры будущих обществ» занимают 98% объема книги³⁴.

Взгляды Д. Белла на изменение социально-классовой структуры (несмотря на их внутреннюю противоречивость) оказываются вполне приемлемыми для господствующего класса уже в силу того, что не сулят ему ни нарастания классовой борьбы, ни революции, ни насильственной ломки существующего общественного строя. Напротив, путь в будущее, согласно видению Д. Белла, — это постепенное накопление элементов изменения при сохранении в то же время преемственности по всем линиям развития. Вместе с тем Д. Белл широко пользуется понятиями «революция», «революционный сдвиг», «революционное изменение» и т. п. Всякий раз в них вкладывается специфическое содержание, благодаря которому они приспособляются к нуждам защиты удобного Д. Беллу общественного строя. Подчеркивание моментов «революционности» создает видимость связи между предвидениями Д. Белла и объективными тенденциями революционных изменений в условиях нашей эпохи. Это облегчает использование концепции Д. Белла для различных манипуляций в интересах господствующего класса в данной исторической обстановке.

Идеи Д. Белла теоретически несостоятельны и реакционны. Уже с самого начала в них вырисовывается непримиримое противоречие между претензиями на «революционность», с одной стороны, и защитой устоев современного американского общества, с другой. На это противоречие вынуждены указывать даже те, кто критикует Д. Белла с близких ему классовых позиций. Американский социолог М. Олсен отмечает, например, что Д.

³³ D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society: a Venture in Social Forecasting. N. Y., 1973.

³⁴ «American Sociological Review», 1974, No. 1, p. 240.

Белл «не рассматривает всерьез возможности радикальных социальных изменений, которые изменили бы фундаментальную природу будущих обществ»³⁵.

Хотя Д. Белл и считает «постиндустриальное» общество воплощением будущего всех индустриально-развитых стран (капиталистических и социалистических), исходную позицию его предвидения образует односторонний и поверхностный анализ отдельных эмпирически наблюдаемых тенденций социального изменения в США в современных условиях (некоторых моментов экономического развития страны на базе государственно-монополистического капитализма, сдвигов в профессиональной структуре рабочей силы под влиянием научно-технической революции, известных изменений в управлении производством и его организации в рамках существующих принципов, попыток социального планирования и т. д.). Затем этот анализ и основанные на нем выводы проецируются в будущее и распространяются на остальные промышленно-развитые страны. Таким образом, будущее значительной части человечества, охваченного сегодня научно-технической революцией, борьбой за революционные социальные преобразования или же участием в строительстве нового общества, моделируется Д. Беллом на основе принципов, подсказанных ему развитием государственно-монополистического капитализма в США. Справедливости ради отметим, что Д. Белл допускает возможность «альтернативных моделей будущего»³⁶. Однако у него явно недостает способности нарисовать эти «альтернативные модели» с учетом объективных тенденций развития.

Понятие о социально-классовой структуре и принципах ее развития образует в концепции Д. Белла интегральную часть предлагаемой им модели «постиндустриального» общества и отражает один из моментов, которым придается «осевое» значение. «Если придерживаться описательной формы,— утверждает Д. Белл,— то имеются три компонента постиндустриального общества: в экономическом секторе — это сдвиг от производства товаров к услугам; в сфере технологии — это выдвигание на центральное место тех новых отраслей промышленности, которые опираются на науку; в социологическом

³⁵ «American Sociological Review», 1974, No. 1, p. 238.

³⁶ D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society, p. 311.

плане — это подъем новых технических элит и возникновение нового принципа стратификации. С этих позиций можно выдвинуть более общее определение, отметив, что «постиндустриальное» общество означает возникновение новых осевых структур и осевых принципов: переход от общества, производящего товары, к обществу информации, или знания; в видах же знания — изменение в оси абстракции от эмпиризма, или метода проб и ошибок, к теории и кодификации теоретического знания в целях управления нововведениями и формулирования политики»³⁷. Итак, теоретическую основу взглядов Д. Белла по вопросу о социальных изменениях в обществе образует идея «осевого принципа». Последний составляет известные «организующие рамки, на которые... накладываются институты»³⁸. Применительно к «постиндустриальному» обществу такого рода «осевым принципом» служит «центральное положение теоретического знания как источника нововведений и формулирования политики для общества»³⁹. В чем заключается смысл понятия, вводимого Д. Беллом?

Идея об «осевом принципе», как это видно, прямо противопоставляется марксистско-ленинскому учению о способе производства материальных благ. Каждое общество, согласно Д. Беллу, характеризуется не конкретно-историческим способом производства, а своим «осевым принципом». Попытка Д. Белла разделаться с фундаментальной категорией единственно научного, материалистического понимания общественной жизни с помощью «осевого принципа» продиктована стремлением уклониться от объективных закономерностей общественного развития, в сферу действия которых входит также социально-классовая структура общества.

«Осевой принцип» Д. Белла — это понятие, возникающее на базе пресловутой идеалистической теории «плюрализма факторов», будто бы определяющих общественное развитие. Антинаучный характер данной концепции, ее реакционная социальная роль непрерывно разоблачаются марксистами⁴⁰. «Осевой принцип» того

³⁷ D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society, p. 487.

³⁸ Ibidem, p. 10.

³⁹ Ibidem, p. 14.

⁴⁰ См.: Ю. А. Кра син. Революцией уstraшенные. М., 1975, с. 136—138.

или иного общества — это произвольное, субъективное понятие, не выражающее объективной закономерности развития и не способствующее ее познанию. Под «осевым принципом» того или иного общества фактически понимается определенный «фактор», который, в понимании социолога, играет на данном этапе главную роль в общественном развитии. С изменением «осевого принципа» меняется и общество с присущей ему социально-классовой структурой, политическими институтами, системой нравственных ценностей и т. д. Природа «осевого принципа» может быть материальной и нематериальной: все зависит от «особенностей» общества и этапа его развития, а вернее, от их понимания социологом. Так, например, вполне допустимо существование общества, где «осевым принципом» выступала бы деятельность в сфере развлечений или общественной морали, досуга или политики. Д. Белл не впадает, правда, в подобные крайности и держится материальной области, но он не так уж и далек от них.

Итак, «осевым принципом» «постиндустриального» общества служит, по мнению Д. Белла, знание, находящее свое непосредственное применение в новейших отраслях промышленности. Акцентируя внимание на прикладном характере знания, Д. Белл понимает его по сути абстрактно, вне социального контекста, в отрыве от главных целей общества и определяемых ими социальных последствий использования науки.

Абстрактно понимаемое знание становится в концепции Д. Белла главным детерминантом социально-классовой структуры «постиндустриального» общества. «Университет...» — пишет Д. Белл, — стал теперь арбитром в определении классовой позиции» и «получил квазимонопольное право определять характер будущей стратификации общества»⁴¹. Как объясняет Д. Белл механизм воздействия науки на социальные группы, слои, классы и прежде всего на господствующий класс? Что представляет собой социально-классовая структура «постиндустриального» общества?

Прослеживая ответы Д. Белла на поставленные вопросы, обратим внимание на характерный штрих его понятий о социально-классовой структуре общества.

⁴¹ D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society, p. 410.

Американский футуролог убежден в неизбежности социально-классовой дифференциации общества в настоящем и будущем. Ни возрастающая роль знания, ни научно-технический прогресс, ни усиление власти человека над окружающей природой не могут, по его мнению, привести к уничтожению классов и социальных групп. Здесь, бесспорно, сказывается ограниченность мышления Д. Белла рамками того общества, на базе которого он выступает.

Знание, по мысли Д. Белла, воздействует на социально-классовую структуру «постиндустриального» общества либо само по себе, либо во взаимосвязи с техникой. Фундаментом социально-классовой структуры служит здесь научно-техническое развитие. Меняющиеся потребности этого развития влекут за собой изменения в социальной структуре. Объяснение механизма преобразований в социальной структуре Д. Белл строит, таким образом, на принципе технологического детерминизма. Следовательно, за пределами анализа остается социальный строй, в действительности определяющий характер классового и социального деления общества.

Прогресс технологии, по Д. Беллу, находит свое отражение прежде всего в профессиональной и квалификационной структурах лиц, связанных с нею. Профессиональная и квалификационная структуры, претерпевая изменения, влекут за собой ту или иную перестройку социальной структуры, а также воздействуют на «политический процесс»: характер и структуру политической власти в обществе, принятие решений в сфере политики и т. д. Влияние социальной и профессиональной структур на политику является, по Д. Беллу, однонаправленным.

Логикой своих рассуждений Д. Белл стремится подчеркнуть, будто социально-классовая структура общества, в том числе структура правящей элиты, определяется знанием. Под давлением его императивов руководящее положение в обществе постепенно занимают ученые, специалисты в различных отраслях науки, инженеры и техники. «Подъем новых элит,— пишет Д. Белл,— базирующихся на критерии квалификации, происходит из того простого факта, что знание и планирование (военное, экономическое, социальное) стали основными реквизитами всякого организованного дейст-

вия в современном обществе. Члены этой новой технократической элиты с их новой техникой принятия решения (системный анализ, линейное программирование) стали сейчас играть существенную роль при формулировании и анализе решений, на основе которых принимаются политические постановления (если не в осуществлении власти). Именно в этом широком смысле распространение образования, исследований, рост административного аппарата создали новую группу — техническую и профессиональную интеллигенцию»⁴².

Природа «новой интеллигенции», как это стремится отметить Д. Белл, противостоит природе эксплуататорских классов капиталистического общества. Отсюда постепенное возвышение «новой интеллигенции», приобретение ею господствующего положения в общественной жизни связываются с коренным пересмотром целей прежних господствующих классов, движущих мотивов их деятельности, критериев социально-классовой дифференциации и социального статуса и т. д. «Нормы новой интеллигенции — нормы профессионализма, — утверждает Д. Белл, — являются отходом от преобладавших до сих пор норм эгоистического экономического интереса, которые управляли цивилизацией бизнеса»⁴³. По мере того как мотив прибыли перестает определять всю экономическую деятельность господствующего класса, его материальной основой, по мнению Д. Белла, перестает быть частная собственность, которая уступает место профессии и образованию. «Дифференциация статуса и дохода, — заявляет Д. Белл, — базируется на технических специальностях и высшем образовании»⁴⁴.

«Новую интеллигенцию» Д. Белл считает «ведущим классом» «постиндустриального» общества. Чтобы обосновать такой взгляд, американский футуролог прибегает к субъективистской трактовке самого понятия класса и его признаков. Среди последних Д. Белл выделяет профессиональную квалификацию и противопоставляет ее отношению к орудиям и средствам производства, которое находит свое юридическое выражение в форме собственности. Атрибутом класса, согласно Д. Беллу, служит власть, которая представляется в

⁴² D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society, p. 410.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibidem, p. 359.

качестве некоего «баланса технико-политических сил»⁴⁵. Это — предельно абстрактное и к тому же расплывчатое понятие.

Характерно, что суть определения класса, даваемого Д. Беллом, пронизывается стремлением принизить значение такого классообразующего признака, как отношение к собственности, затушевать взаимосвязь экономического и политического господства. Это оправдывается тем, что в ходе научно-технической революции, по мнению Д. Белла, роль упомянутых моментов якобы становится все менее существенной. «Класс,— утверждает Д. Белл,— означает в конечном смысле не специфическую группу лиц, а систему, которая институционализовала основные правила приобретения, осуществления и передачи власти и сопутствующих ей привилегий. В западном обществе господствующей системой была собственность, гарантируемая и охраняемая правовым порядком и передаваемая посредством системы брака и семьи. Однако на протяжении последних 25—50 лет система собственности разрушилась»⁴⁶. Итак, классы в современном капиталистическом обществе, если верить Д. Беллу, больше не связаны с собственностью.

Но заметим, что, формулируя подобные концепции, Д. Белл проявляет известную осторожность и снабжает их многочисленными оговорками. Так, например, он признает далее, что в США собственность продолжает сохранять свое значение и даже играть роль основы власти и положения в обществе, а также служить критерием принадлежности к определенному классу. Вместе с тем развитие американского общества, по мнению Д. Белла, все более выдвигает на повестку дня другие «критерии класса», а именно образование и соответствующую профессиональную подготовку, а также принадлежность к политическому истеблишменту. Все указанные «критерии» существуют у Д. Белла независимо друг от друга, так же как и определенные общественные группы, различаемые благодаря этим «критериям». В данном случае осторожность Д. Белла выражается в следующем. Не вступая в спор с фактами, он концентрирует внимание на предполагаемой тенденции

⁴⁵ D. Bell. *The Coming of Post-Industrial Society*, p. 359.

⁴⁶ *Ibidem*, p. 410.

развития. Суть ее Д. Белл усматривает именно в том, что собственность как критерий принадлежности к известному классу якобы теряет свое значение и уступает место иным критериям. Эта позиция Д. Белла, несмотря на оговорки, просматривается довольно четко.

Надо сказать, что устранение Д. Беллом ведущего признака класса лишает это понятие материального содержания и открывает простор для произвольных толкований социально-классовой структуры. Так, например, вторичным критериям (образование, профессия, специальность и т. д.), имеющим смысл в рамках определенной классовой дифференциации, придается не только самостоятельное, но и по сути главное значение. Следствием этого является отход социолога от исследования социально-классовой структуры, подмена ее профессиональной структурой общества.

Главное место в теории Д. Белла на деле отводится макросоциологическому анализу профессиональной структуры. При этом Д. Белл склонен считать, что изменения в профессиональной структуре общества находят свое отражение во всех областях его жизни, а также ведут к преобразованию политической системы.

Верно подмечая некоторые тенденции развития профессиональной структуры капиталистического общества под влиянием научно-технического прогресса, Д. Белл дает неверное, искаженное представление о ней в целом. Это является следствием отрыва профессиональной структуры от способа производства материальных благ.

Одним из источников ненаучных представлений о социально-классовой структуре капиталистического общества и тенденциях ее развития служат экономические концепции известного австралийского экономиста К. Кларка, который изображает развитие экономики в виде последовательной смены ее главенствующих «секторов». Понятие «сектора экономики» по своему содержанию весьма неопределенно. Тем не менее в буржуазной политэкономии оно выступает как своего рода «противовес» марксистскому понятию способа производства материальных благ.

Пользуясь концепциями К. Кларка, Д. Белл предлагает субъективистскую схему развития профессиональной структуры капиталистического общества. Так, профессиональную структуру прошлого Д. Белл связы-

вает с «первичными» и «вторичными» профессиями; настоящего и будущего — с «третичными» (транспорт, организация досуга), «четвертичными» (развитие торговли, финансов, страхования, сделок с недвижимым имуществом), «пятиричными» (здравоохранение, просвещение, научные исследования, управление). Особо подчеркивается главная линия изменения профессиональной структуры общества. По мнению Д. Белла, она проявляется в переходе от полуквалифицированного рабочего и инженера в «индустриальном» обществе к ученому, занятому в сфере науки и техники, в «постиндустриальном» обществе. Этот переход считается функцией изменившейся технологии: технология «индустриального» общества, базирующаяся на использовании энергии, уступает место технологии «постиндустриального» общества, основанной на информации.

Таким образом, Д. Белл приходит к выводу, что центральное положение в профессиональной структуре рисуемого им общества начинают занимать ученые, люди знания, исследователи (в том числе социологи и представители других наук об обществе) ⁴⁷.

В действительности «тенденция», о которой пишет Д. Белл, не соответствует объективному развитию профессиональной структуры капиталистического общества. Она не может явиться основой и для каких бы то ни было выводов об изменениях в социально-классовой структуре капитализма. Процессы количественного и качественного изменения, затронувшие ученых, работников научно-исследовательских институтов, а также специалистов, обладающих подготовкой в области технических, естественных и гуманитарных наук, не носят замкнутого характера. Они связаны во всех своих основных аспектах с развитием государственно-монополистического капитализма и в конечном итоге определяются им.

Особенно быстрый рост масштабов научных исследований наблюдался в США в первые годы после второй мировой войны. Он сопровождается увеличением численности исследователей и усилением авторитета крупных ученых. Это связано с весьма значительными государственными ассигнованиями на развитие науки,

⁴⁷ D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society, p. 359.

в частности тех ее отраслей, которые имеют военное значение: использование атомной энергии и контроль над термоядерными реакциями, создание термоядерного оружия стратегического назначения и т. д.

Ученые привлекаются в качестве экспертов и при решении экономических проблем в разного рода правительственных инстанциях. В США это наблюдается с начала 30-х годов, причем использование ученых в качестве консультантов, советников и т. д. расширяется по мере усиления государственного вмешательства в экономическую жизнь страны. В результате все более активное участие ученые принимают в политической деятельности.

Разумеется, ни рост количества, ни изменение функций, ни возросший интерес ученых к политике не говорят об их превращении в какой-то «господствующий класс».

В 70-е годы нарастание кризисных явлений в экономике США и других капиталистических стран, воздействие на нее энергетического, валютно-финансового и других кризисов привели к сокращению ассигнований на научные исследования и их свертывание.

Этот факт имеет прямое отношение к оценке «предвидений» Д. Белла, который, как отмечается в научной печати на Западе, экстраполирует на будущее те тенденции, которые обнаруживались в росте масштабов научных исследований и численности ученых на протяжении послевоенных десятилетий. В этом одна из его ошибок. Развитие инфляции в нынешнем десятилетии привело к изменению модели роста: его кривая уже существенно опала и даже на Западе весьма немногие питают надежды на то, что она примет прежний вид.

Еще более серьезный порок обнаруживается в понимании Д. Беллом социальной сущности «новой интеллигенции», которой он отводит господствующее место в социально-классовой структуре «постиндустриального» общества, приписывая ей в то же время «руководящую роль» в развитии этого «общества». Д. Белл считает «новую интеллигенцию» гомогенным общественным слоем, или, как он выражается, «классом».

Одним из проявлений научно-технической революции служит, как известно, превращение ряда профессий в сфере умственного труда, которые ранее ассоциировались с узким кругом лиц, в массовые. Сюда относятся,

в частности, профессии ученого, исследователя, эксперта и т. п. По мере того как эти профессии принимают массовидный характер, теряют силу связанные с ними привилегии, а общественное положение ученых, исследователей, экспертов и т. д. постепенно приближается к положению других групп трудящихся, занятых в сфере умственного труда.

Однако научно-технический прогресс на базе государственно-монополистического капитализма порождает и противоположную тенденцию. Она находит свое выражение в углублении и ускорении процесса классовой дифференциации общества, который имеет решающее значение для развития всей социально-классовой структуры современного капитализма.

Процесс классовой дифференциации затрагивает и категорию лиц, относимых Д. Беллом к «новой интеллигенции». Одна ее часть, наиболее крепко связанная с монополиями, верхушкой государственного аппарата, военной бюрократией, входит в господствующий класс. Значительная по численности группа вливается в так называемые «средние слои», объединяющие в своих рядах некоторые группы мелкой буржуазии. Наконец, многие представители «новой интеллигенции» по своему положению в обществе объективно входят в состав рабочего класса.

Игнорирование Д. Беллом процесса классовой дифференциации внутри слоя, именуемого им «новой интеллигенцией», наглядно указывает на антинаучный, апологетический характер выдвигаемых им трактовок этой социальной группы.

Попытка отыскать в неуклонном возрастании роли знания и ученых «теоретические аргументы» в пользу капитализма и тем самым обосновать его право на будущее не нова. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить взгляды Д. Белла на процессы в области социально-классовой структуры хотя бы с концепциями, ранее выдвигавшимися австрийским социологом И. Шумпетером и изложенными в его книге «Капитализм, социализм и демократия», появившейся еще в годы второй мировой войны. Анализируя изменения внутри правящей элиты и их значение для последующего развития капиталистического строя, И. Шумпетер особо выделил представителей науки и выдвинул концепцию о том, что

они призваны сыграть определяющую роль в «разрушении капитализма». По мнению И. Шумпетера, «люди знания» благодаря воздействию своего «критического рационализма» дискредитировали цели предпринимательской деятельности, сам движущий мотив капитализма. Не предложив альтернативы, они подорвали главное — этику капитализма и его организацию, что, как полагал И. Шумпетер, создало условия для отеснения на второй план парламентских учреждений и установления «административного тоталитаризма». Таким образом, И. Шумпетер считает «людей знания» своего рода «могильщиками» капиталистической системы, взятой в целом. Тем самым он и пытается принизить значение классовой борьбы пролетариата и его всемирно-исторической миссии.

Д. Белл в деятельности ученых ищет не разрушительные, а созидательные элементы, считая в то же время, что она не ведет к разрушению капиталистического общественного порядка. Однако технологическое развитие, по мнению Д. Белла, «радикально» преобразует социальную структуру и главным выражением этого служит как раз рост численности и влияния ученых, людей знания, и превращение их со временем в «доминирующий элемент» «новой социальной структуры».

Взгляды И. Шумпетера и Д. Белла на историческую роль ученых и людей знания выступают как противоположности. Однако в действительности их несовместимость является кажущейся. Если вникнуть в суть дела, то и Шумпетер, и Д. Белл мало чем отличаются друг от друга. В самом деле И. Шумпетер говорит о «разрушительном воздействии» деятельности ученых на этику, организацию и политические институты капитализма, понимая под ним домонополистический капитализм. Возрастание же роли ученых и научной деятельности И. Шумпетер связывает с развитием государственно-монополистического капитализма, который для него уже не есть капитализм, а «новое общество» — «социализм».

Д. Белл за исходную предпосылку своего исследования берет «постиндустриальное» общество, которое «сменяет» капитализм, понимаемый в главном так же, как он трактуется у И. Шумпетера. Таким образом, «постиндустриальное» общество Д. Белла — это то же

самое, что и «социализм» И. Шумпетера: разница здесь лишь в названии. По содержанию оба понятия вполне тождественны, ибо в том и другом случае речь идет о государственно-монополистическом капитализме.

Взгляды Д. Белла и И. Шумпетера совпадают также по своей социальной направленности. Оба автора рассуждениями о роли науки и ученых прикрывают господство монополистического капитала, выступают против рабочего класса и его революционной борьбы за переустройство общества, за подлинный социализм.

Развивая свои взгляды о социально-классовой структуре «постиндустриального» общества, Д. Белл вынужден затронуть вопрос об антипode господствующей буржуазии — рабочем классе и его судьбах в свете прогресса современной науки и техники.

Оценка положения современного пролетариата в структуре государственно-монополистического капитализма и революционных возможностей этого класса выдвигается в центр необычайно острой идеологической борьбы. В ней принимает активное участие футурология, претендующая на рассмотрение проблемы в рамках более или менее широкой временной перспективы. Это характерно и для Д. Белла.

В своей трактовке положения и роли рабочего класса в «постиндустриальном» обществе американский футуролог обнаруживает крайнюю тенденциозность. Достаточно сказать, что, прежде чем сформулировать свой основной тезис, Д. Белл обрушивается на основоположников научного коммунизма, объявляя их учение о всемирно-исторической миссии рабочего класса «смелым» и одновременно «устаревшим». Логика мысли Д. Белла такова. Создатели «Манифеста Коммунистической партии» научно обосновали «подъем индустриального общества», связав его с «распространением промышленного труда». Но, по мнению Д. Белла, они допустили просчет: последние 100 лет характеризовались не столько распространением промышленного труда, сколько «вытеснением фермера и его заменой промышленным рабочим». По мере дальнейшей индустриализации общества оно столкнулось с «парадоксом», суть которого, как считает Д. Белл, состоит в том, что «вытеснение людей машинами логически приводит к эрозии самого индустриального рабочего», а вместе с ним рабочего класса

вообще, поскольку заводского рабочего Д. Белл считает «символом пролетариата»⁴⁸.

Вряд ли стоит останавливаться на толкованиях «Манифеста» Д. Беллом: их неадекватность очевидна. Рассмотрим его концепции по существу. Итак, Д. Белл предвидит «эрозию рабочего класса» по мере наступления «постиндустриального» общества, а также «переход» его роли к другим социальным группам. Более того, выступая с предположением об указанных процессах, Д. Белл склонен приписывать им «революционное значение» для развития всей социально-классовой структуры общества. Тем самым Д. Белл надеется перечеркнуть основополагающее положение «Манифеста Коммунистической партии» — положение о всемирно-исторической миссии рабочего класса. «Вместо промышленного рабочего, — заявляет Д. Белл, — мы видим господство профессионального и технического класса в структуре рабочей силы... К 1980 году он будет второй по величине профессиональной группой в обществе, а к концу столетия — самой крупной группой. Это новая революция в структуре занятий и в той степени, в какой занятия определяют другие способы поведения, — это также революция в классовой структуре общества»⁴⁹. В этих словах проявляется сама суть воззрений Д. Белла на существо мнимой «революции» в социально-классовой структуре современного буржуазного общества, на рабочий класс и судьбы его исторической миссии.

Несостоятельность оценок и предвидений, с которыми выступает видный американский футуролог, проявляется по многим направлениям. Остановимся хотя бы на противоречии между взглядами Д. Белла и объективными историческими процессами. Оно столь глубоко, что даже Д. Белл, пожалуй, понимает это. Показательно во всяком случае то, что он не прибегает к отмеченным выше концепциям на практике, когда монополистическим капиталом решается вопрос о том, как воспрепятствовать рабочему классу в деле осуществления им своей исторической миссии, как не допустить сплочения вокруг него всех антимнополистических сил.

В нынешних условиях Д. Белл принимает активное

⁴⁸ D. Bell. *The Coming of Post-Industrial Society*, p. 165.

⁴⁹ *Ibidem*.

участие в разработке новой стратегии монополистического капитала США, направленной против единства трудящихся масс и призванной, в частности, помешать возникновению широкой политической альтернативы буржуазным партиям (демократической и республиканской). Об этом говорится в книге «Этническая общность: теория и опыт», изданной в 1975 г. в США под редакцией американских специалистов в области государственного права и социальной структуры профессоров Б. Мойнихэна и Н. Глейзера. Соавтором данной работы выступает и Д. Белл.

Основываясь на предпосылках расизма, национализма и антикоммунизма, авторы утверждают, что «основой социального действия» должна якобы служить не классовая, а этническая общность людей. Так, по мнению указанных идеологов, нынешние требования, адресуемые предпринимателям и правительству от имени рабочих, крестьян, служащих и интеллигенции, не дают желаемого эффекта: они носят чрезвычайно «общий характер», обусловленный большими размерами этих классов и социальных групп. Чтобы быть эффективной и вести к получению значительных уступок, стратегия должна опираться на малые группы по принципу: чем меньше группа, тем больше уступки. Наиболее же «компактными» группами рисуются группы, образуемые не по классовым, а по этническим критериям. Н. Глейзер, спекулируя на идее братства как составной части лозунга Великой Французской буржуазной революции, видит в установлении «братских» связей внутри той или иной общности путь к систематическому ослаблению и подрыву классовой солидарности трудящихся в их борьбе за социальную справедливость. «Именно в обществах, расколотых в этническом отношении,— утверждает он,— весьма существенным фактором становятся мощные политические требования относительно полного объективно измеряемого равенства среди групп... Братство снижает степень интенсивности чувств, направленных против неравенства»⁵⁰. Итак, Н. Глейзер апеллирует к «этнической общности» во имя

⁵⁰ N. Glazer. Liberty, Equality, Fraternity, Ethnicity.— «Daedalus», 1976, No. 4, p. 123.

сохранения классовых неравенств буржуазного общества и в будущем.

Подобные выводы противоречат интересам трудящихся США, в первую очередь интересам рабочего класса. В то же время они как нельзя более отвечают устремлениям монополистического капитала. Во-первых, стратегия, базирующаяся на «этнической общности», стремится к расколу рабочего класса, его дроблению на множество этнических групп, что делает невозможным его выступление в качестве самостоятельной силы. Во-вторых, выдвигаются непреодолимые препятствия на пути объединения всех антимонополистических демократических сил вокруг рабочего класса. Концепция «этнической общности» предлагает угодную крупному капиталу альтернативу «тирании» огромного большинства народа, объединяемого в рядах антимонополистической коалиции. В-третьих, господствующая финансово-монополистическая верхушка приобретает возможность натравливать одни этнические группы на другие — белых на негров, индейцев на пуэрториканцев и т. д. — и тем самым продолжать эксплуатацию всех групп населения.

Поэтому стратегия, основанная на предпосылках «этнической общности», решительно разоблачается и отвергается всеми подлинными представителями рабочего класса. Председатель Коммунистической партии США Г. Уинстон подчеркивает, например, что она является новой разновидностью курса на классовое сотрудничество, реализуемое в условиях постоянно обостряющегося общего кризиса капиталистической системы. Прибегая к указанной стратегии, монополии приобретают возможность еще более широко использовать отравленное оружие расизма и антикоммунизма во имя защиты своих эгоистических интересов. «Основываясь на идеологии этнической общности, монополии, — указывает Г. Уинстон, — могут делать уступки привилегированному меньшинству внутри каждого расового и «этнического» компонента, в то время как кризис существования огромного большинства каждой группы становится все острее»⁵¹.

⁵¹ H. Winston. «Ethnicity»: Monopoly's Neo-Class Collaboratism. — «Political Affairs», 1976, No. 2, p. 7.

Вместе с тем непрерывное нарастание классовой борьбы трудящихся в США и других странах капиталистического мира наносит чувствительные удары по всем разновидностям классовой политики финансово-монополистических кругов. Это обстоятельство не могут не учитывать поборники концепции «этнической общности». Поэтому, рекламируя ее, они в то же время высказывают и определенные сомнения насчет того, можно ли будет с ее помощью до бесконечности сдерживать борьбу рабочего класса и других слоев трудящихся. В данной связи небезынтересно отметить следующий факт. Не кто иной, как Д. Белл, когда дело касается защиты господства крупного капитала, считает своим прямым долгом предупредить его представителей о необходимости помнить о подлинной роли разных классов и отстаиваемых ими интересах. «...При рассмотрении многих политических проблем интересы функциональных групп и классов,— заявляет он,— могут быть более важными, чем интересы этнических и коммунальных групп в обществе»⁵². В свете данного заявления можно оценить действительный смысл утверждений Д. Белла и других футурологов о том, что в «постиндустриальном» обществе классы и классовые интересы неизбежно отодвигаются на «второй план».

Исходная посылка Д. Белла и других футурологов о постепенном «выпадении» пролетариата из социально-классовой структуры современного капиталистического общества и ее постепенной «депролетаризации» вследствие «растворения» рабочего класса в так называемых «средних слоях» оказывается совершенно несостоятельной, если ее сопоставить с теми процессами, которые происходят в социально-классовой структуре буржуазного общества под воздействием научно-технической революции.

Одним из важнейших следствий научно-технического прогресса служит абсолютный и относительный рост рядов рабочего класса. В середине XIX в. численность рабочих во всем мире составила, например, около 9 млн. человек. К началу XX в. она достигла 30 млн. человек. К 70-м годам нынешнего столетия рабочий класс насчитывал уже около 540 млн. человек. Из них по крайней

⁵² «Ethnicity: Theory and Experience». Cambridge, Mass., 1975, p. 174.

мере 220 млн. человек приходилось на высокоразвитые капиталистические страны. В 70-е годы общая численность рабочего класса во всем мире, по подсчетам Института международного рабочего движения АН СССР, превысила 600 млн. человек⁵³. С ростом абсолютной численности рабочего класса возрастала его доля как в населении земного шара в целом, так и отдельных стран.

Многие буржуазные ученые уже теперь прогнозируют дальнейший рост численности рабочего класса и повышение его удельного веса в общем количестве населения земного шара и в том числе увеличение количества промышленных рабочих. В 2000 г., согласно подсчетам видного западногерманского экономиста Ф. Бааде, являвшегося директором Кильского института мирового хозяйства, в мире будет 1,2—1,6 млрд. промышленных рабочих. При этом 0,5—0,6 млрд. человек будет приходиться на высокоразвитые капиталистические страны. Общая численность населения Земли составит к этому времени, согласно прогнозам ООН, 5—6 млрд. человек.

Рост рядов рабочего класса связан с тем, что научно-технический прогресс в условиях государственно-монополистического капитализма продолжает вести к углублению поляризации социально-классовой структуры. На протяжении минувшего десятилетия быстрыми темпами увеличивалась армия лиц наемного труда, в том числе рабочих в странах высокоразвитого капитализма. Так, за период с 1960 по 1970 г. численность лиц наемного труда увеличилась в США с 56 млн. до 72 млн. человек, в Японии — с 24 млн. до 33,5 млн., в Великобритании — с 22 млн. (1961 г.) до 23,4 млн., во Франции — с 13,6 млн. (1962 г.) до 16,2 млн., в ФРГ — с 21 млн. (1961 г.) до 22,4 млн. человек. В начале 70-х годов лица наемного труда составляли преобладающую часть самодеятельного населения: в Великобритании — 93,5%, США — 91,6, ФРГ — 82,6%.

Марксисты-ленинцы детально учитывают также качественные изменения внутри рабочего класса под влиянием прогресса науки и техники. Так, например, в содержании труда рабочего на наиболее передовых производствах возрастает интеллектуальный элемент. Происходит

⁵³ См.: Т. Тимофеев. Рост рабочего класса и современная идеологическая борьба.— «Правда», 1976, 17 января.

известная ломка профессиональной структуры: вытесняются старые профессии, связанные с тяжелым физическим и квалифицированным ручным трудом, а их место занимают новые. При всей противоречивости квалификационных изменений при капитализме в современных условиях преобладает тенденция к повышению квалификации. Наблюдается подъем образовательного уровня рабочих.

Наряду с тенденциями к количественному и качественному изменению промышленного рабочего класса научно-техническая революция порождает и тенденцию к размыванию его границ. Она обусловлена внедрением машин и фабрично-заводской системы организации труда в непромышленные сферы экономики (услуги, торговлю, сельское хозяйство и т. д.). Новейшая электронно-вычислительная техника находит широкое применение в научных исследованиях, которые с точки зрения своих организационных принципов мало чем отличаются от фабрично-заводской деятельности. По мере того как растут масштабы проникновения новейшей техники, технологии и организации труда в непромышленные сферы, расширяются границы пролетариата. Его ряды пополняются и за счет некоторых категорий лиц преимущественно нефизического труда, работающих по найму и получающих за свой труд установленный оклад.

Распространение научно-технической революции на непромышленные области экономики превращает их в важный источник роста рабочего класса. Правда, значение этого источника не следует преувеличивать. Достижение высокого уровня механизации труда в сельском хозяйстве, услугах, торговле и т. д. может уже в недалеком будущем привести к относительной стабилизации рабочей силы в этих сферах, а затем и к ее сокращению. Это в свою очередь приведет к изменению их удельного веса в пополнении рабочего класса в пользу других сфер общественной деятельности.

Работники многих сфер непромышленного труда, приближаясь к промышленному пролетариату, продолжают все же сохранять на данном этапе и некоторые существенные отличия от него. Это говорит о том, что процесс размывания границ промышленного пролетариата представляет собой весьма сложное явление.

Однако сам факт наличия данного процесса дает

многим буржуазным идеологам повод для всякого рода теоретических спекуляций, направленных против рабочего класса и его исторической миссии. Сюда, вне всякого сомнения, относятся и вымыслы Д. Белла об «эрозии рабочего класса» в «постиндустриальном» обществе, основывающиеся на односторонней оценке количественных изменений промышленного пролетариата.

Вполне понятно, что правильное решение вопроса о рабочем классе и его роли в общественном развитии невозможно на основе только количественных показателей роста или уменьшения его численности. Здесь необходим учет всех сторон.

Полемизируя с оппортунистами, В. И. Ленин подчеркивал, что историческая миссия рабочего класса определяется не только его численностью, но и известным уровнем его развития. «Бесспорно, конечно,— писал В. И. Ленин,— что революционное движение пролетариата зависит и от числа этих рабочих, и от концентрации их, и от степени их развития и т. д., но все это не дает ни малейшего права сводить *«объединяющее значение» капитализма к числу фабрично-заводских рабочих*. Это значит до невозможности суживать идею Маркса»⁵⁴. Всемирно-историческая роль пролетариата обусловлена его связью с передовыми производительными силами общества, с тяжелой промышленностью, а также его положением в капиталистическом обществе.

Основная социальная характеристика рабочего класса осталась неизменной, поскольку его положение в системе капиталистического производства и в обществе не изменилось: он не стал собственником орудий и средств производства и продолжает оставаться эксплуатируемым классом. Более того, эксплуатация рабочего класса усилилась. Это находит непосредственное отражение и в распределении растущего национального богатства, увеличение которого вызвано прежде всего ростом производительности труда рабочих. По данным немецкого ученого-марксиста Юргена Кучинского, производительность труда в капиталистических странах увеличилась с начала нашего века более чем в 3 раза, а реальная заработная плата рабочих — всего лишь на 35%.

Рост классового гнета и эксплуатации порождает

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 328—329.

мощный протест в рядах пролетариата. «Рабочий класс,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии,— отвечает на это по-пролетарски, усиленным борьбой против крупного капитала — главного виновника социальных бедствий. Забастовочная борьба, в которой участвуют самые различные слои трудового населения, достигла наивысшего в последние десятилетия уровня. Возросли сила и авторитет рабочего класса, поднялась его роль как авангарда в борьбе за интересы трудящихся, подлинные интересы нации. Сдвиг влево произошел в профсоюзах. В ряде стран складывается единство действий рабочих и других демократических партий, их позиции укрепились»⁵⁵. Таким образом, события последних лет в капиталистическом мире в полной мере подтверждают значение рабочего класса как главной революционной силы общества и центра притяжения всех антимонополистических сил. Рабочий класс был и остается гегемоном борьбы трудящихся масс в странах капитала за переход к социализму.

⁵⁵ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 52.

**«СОВЕТОЛОГИЧЕСКАЯ
ФУТУРОЛОГИЯ» — ОРУДИЕ БОРЬБЫ
ИМПЕРИАЛИЗМА
ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА**

**1. «Советологические» концепции
о будущем реального социализма
в антикоммунистической стратегии
империализма**

Наряду с прогнозированием будущего капиталистической системы футурология уделяет постоянное внимание и вопросу о грядущих судьбах социализма. В нынешнем десятилетии на Западе наблюдается дальнейшее возрастание интереса к данной проблематике, что обусловлено важными социально-экономическими и политическими процессами на мировой арене. Все более полное раскрытие преимуществ зрелого социализма перед капитализмом внушает монополистическому капиталу тревогу за собственное будущее. Поэтому империалистические идеологи активно включаются в спор о будущих перспективах социалистического общества. Этот спор служит важной составной частью идеологического противоборства двух систем.

Марксисты далеки от того, чтобы уклоняться от серьезного разговора о будущем социалистического строя, ибо правда о реальном социализме — могучее оружие в идеологической борьбе между двумя общественно-экономическими системами. Что бы ни писали и ни говорили о социализме его классовые противники, истина состоит в следующем. Именно социалистический строй олицетворяет собой подлинный прогресс во всех сферах общественной жизни на благо трудящихся масс. Господство общественной собственности на орудия и средства производства, отсутствие эксплуатации человека человеком, власть трудящихся составляют прочный фундамент для стабильного роста материального благосостояния людей, подъема их культуры, все более

широкого участия в политической деятельности. Развитие реального социалистического общества — это могучий родник оптимизма и веры в будущее для народных масс во всем мире. Как раз поэтому позиции социалистических стран крепнут с каждым годом. «Ни один объективный человек не может отрицать,— подчеркивается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии,— что влияние стран социализма на ход мировых событий становится все сильнее, все глубже. И это...— великое благо для человечества в целом, для всех, кто хочет свободы, равенства, независимости, мира и прогресса»¹.

Вопросы о сущности социализма, о ближайших и отдаленных перспективах его развития, преимуществах социалистической системы над капиталистической имеют фундаментальное научное и в то же время огромное практическое значение, которое прямо определяется характером нашей исторической эпохи.

Марксистско-ленинская идеология, подчеркивая, что в центре исторических событий наших дней стоит международный рабочий класс, ясно указывает магистральное направление современного социального прогресса — движение к социализму. Грандиозным итогом исторической деятельности международного рабочего класса на данном этапе, его детищем служит мировое социалистическое содружество, развитие которого дает объективный критерий для оценки того, насколько успешно реализуется историческая миссия рабочего класса. Оно позволяет судить и о правильности пути, избранного трудящимися. Отражение в сознании народных масс того факта, что из двух борющихся систем именно социализм образует главное русло прогресса, способствует процессу радикализации масс в капиталистическом мире. В данном контексте раскрывается глубокий смысл уже приводившихся нами слов Генерального секретаря Коммунистической партии США Г. Холла на XXV съезде КПСС о том, что все большее понимание массами коренной пртивоположности путей, по которым идут две мировые социально-экономические системы, стало важным фактором политической и идеологической борьбы. Достижения общества развитого социализма во

¹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 28.

все большей степени рассматриваются массами как мерило, по которому судят о социальном прогрессе или его отсутствии². Все это сказывается на дальнейшем развитии освободительной борьбы трудящихся против власти капитала.

Советские ученые указывают на основополагающую роль спора о социализме и перспективах его развития для хода идеологического противоборства двух систем. Понимание социализма, отношение к нему, отмечает советский философ Р. Косолапов, по существу стало осевой проблемой, вокруг которой разворачивается современная идеологическая борьба. Идеологи, представляющие все слои буржуазии, соревнуются между собой, предлагая свои варианты «исторической перспективы», нередко прибегая при этом к псевдосоциалистической демагогии, с помощью которой надеются утопить в потоке разнообразных концепций подлинно научный социализм, представляемый марксизмом-ленинизмом³. Идеологическая борьба вокруг вопросов об оценке сущности социализма и его достижений — еще одно подтверждение той объективной неразрывной связи, которая существует между социализмом и будущим всего человечества. Инстинктивное понимание данной зависимости побуждает империалистических идеологов рассматривать спор о будущем социалистического общества как нечто неизмеримо большее, чем простая «академическая» дискуссия, а также обуславливать свою позицию в споре соображениями классовой стратегии, противопоставляемой борьбе народных масс.

Социалистическое общество приковывает к себе взоры трудящихся других стран, всего прогрессивного человечества, служит для них источником вдохновения в борьбе против системы угнетения человека человеком, за свободу, мир и социальный прогресс.

Одновременно социализм вызывает неослабное внимание и своих классовых противников. Воинствующие фруги международного империализма никогда не скрывали и не скрывают своей непримиримой классовой ненависти к социализму, которая нашла свое выражение в открытой борьбе против него в разных формах: от

² XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 2, с. 5б.

³ См.: Р. Косолапов. Научная основа политики КПСС.—«Правда», 1974, 21 января.

военной агрессии и экономической блокады до политического шантажа, злобных антикоммунистических и антисоветских идеологических кампаний. Умеренные группировки буржуазии проявляют свою классовую ненависть к социалистическому строю менее открыто и стремятся воздерживаться от явных авантюристических акций против него. Однако, как показывает опыт, и эти силы не раз вовлекались в активную борьбу против Советской власти, а с момента возникновения мировой социалистической системы — против всех стран социалистического содружества. Конкретной формой участия упомянутых сил в подрывной деятельности против социализма является поддержка ревизионистских, националистических и т. п. элементов, стремящихся к ослаблению социализма изнутри. По мере укрепления внутренних устоев социализма и его положения на международной арене ряд буржуазных политиков и государственных деятелей склоняются к проведению реалистической политики по отношению к миру социализма. Но и они не отказываются от своей классовой позиции. Реализм в политике не отождествляется с нейтральным отношением к классовой борьбе, а, наоборот, предполагает всемерную поддержку ее мирных форм.

Таким образом, интерес буржуазии к реальному социализму был и остается по своей сути классовым интересом, который в конечном итоге подчиняется практическим задачам ее борьбы против социалистического строя. Такое положение сохраняется и в нынешних условиях, когда доминирующей тенденцией развития международных отношений стала разрядка международной напряженности. Классовая борьба в отдельных капиталистических странах и на мировой арене не прекращается. Об этом говорит, в частности, политика реакционных кругов монополистического капитала. В итоговом документе Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы подчеркивается, что реакция ищет выхода из глубокого кризиса капиталистической системы, ограничивая демократические и социальные права народных масс и перекладывая бремя кризиса на их плечи. Одновременно реакционные силы чинят препятствия политике разрядки и активного сотрудничества, подрывают результаты общеевропейского совещания в Хельсинки, стремятся возродить в межгосударствен-

ных отношениях атмосферу напряженности и конфронтации⁴.

Сегодня, как и в прошлом, капитал ведет классовую борьбу против социализма во всех сферах общественной жизни и в первую очередь в области экономики, политики, идеологии. Следовательно, интерес буржуазии к социализму, от каких бы ее групп он ни исходил, неизбежно является классовым. Это проявляется и в конкретных идеологических формах. Буржуазные идеологи уделяют много сил выработке понятий и концепций о сущности социалистического общества и, опираясь на них, пытаются прогнозировать его будущее. Подобные понятия, теории, прогнозы играют роль своеобразных «ориентиров» для империалистической политики и в то же время служат ее идейным оправданием. При этом базой здесь выступают классовые цели империализма, но отнюдь не адекватное отражение социалистической действительности. Это накладывает определенный отпечаток на всю совокупность буржуазных взглядов на реальный социализм и тенденции его развития.

Итак, в процессе исследования буржуазных концепций о сущности социализма и его будущих перспективах необходимо учитывать ряд моментов. Во-первых, классовый подход к социализму, продиктованный интересами класса, находящегося на противоположном полюсе общественного развития и враждебного рабочему классу. Во-вторых, активное использование буржуазных концепций социализма и его будущего в консолидации антисоциалистических сил. В-третьих, зависимость буржуазных воззрений на реальный социализм от антикоммунистической классовой стратегии империализма, которой он руководствуется в данных конкретно-исторических условиях. Последнее обстоятельство имеет исключительно важное значение и для понимания сущности эволюции буржуазных концепций о социализме и его будущем.

Взаимосвязь этих моментов, характеризующих буржуазные взгляды на социализм и его историческую перспективу, наиболее полно реализуется в сочинениях, создаваемых в рамках «советологии».

⁴ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 29.

Понятие «советология» трактуется в капиталистических странах весьма широко: оно практически распространяется на все научные дисциплины, занимающиеся проблематикой противоположной системы. По мнению одного из основателей «советологии» И. Бохеньского, ее «вкратце можно определить прежде всего как науку, которая занимается коммунизмом как таковым»⁵. Данная характеристика относится в первую очередь к так называемой «всеобщей советологии». Однако, помимо «всеобщей», существуют и «специальные советологии», которые занимаются исследованием отдельных проблем теории и практики марксизма-ленинизма.

«Советологические исследования» возникли в первые месяцы после победы Советской власти в России. Уже тогда в крупнейших империалистических странах, в частности в США, при поддержке монополий создаются специальные «научные центры», призванные облегчить разработку и осуществление конкретных планов и программ «борьбы против коммунизма». С годами роль «советологии» в классовой стратегии международного империализма возрастает. Соответственно увеличиваются и масштабы «советологических исследований».

Примерно с середины 60-х годов центром «советологических исследований» стали США. Характеризуя динамику и масштаб «исследований СССР» в Соединенных Штатах, американский антикоммунистический журнал «Комьюнист афферс» писал, что десятилетие, начавшееся сразу же после окончания второй мировой войны, знаменательно расширением и развитием изучения и исследования СССР в США «практически от нуля до внушительной и всеобъемлющей программы обучения и исследования, охватывающей всю нацию»⁶. Благодаря поддержке фондов, университетов, правительства, частных организаций и лиц, по признанию журнала, можно смело утверждать, что «сегодня США идут впереди всего мира в области изучения Советского Союза. Полный список книг и статей занял бы сотни страниц»⁷.

«Советология», как это явствует из работ ее пред-

⁵ Цит. по кн.: И. Якушевский. Ленинизм, революция и «советология». Л., 1968, с. 12.

⁶ «Communist Affairs», 1967, July—August, p. 30.

⁷ *Ibidem*.

ставителей — «советологов», видит свое главное назначение в обосновании теоретической «несостоятельности» основ научного коммунизма. Одним из конкретных способов реализации подобной деятельности являются изучение и «обобщение» практики социалистического развития, «сопоставление» полученных «выводов» с положениями марксистско-ленинской теории, спекуляции о будущем социалистического строя в целях дискредитации как марксистско-ленинских идей, так и реально существующего социалистического общества. «Советология» воплощает в себе одну из основных особенностей антикоммунизма на современном этапе его эволюции — тенденцию к «теоретизации», стремление выступать в наукообразной оболочке.

Выражая теоретическое содержание современного антикоммунизма, «советология» приобретает ряд отличительных особенностей. Надо прежде всего отметить ее внутреннюю неоднородность. И. Т. Якушевский вполне правомерно характеризует «советологию» как весьма сложное идеологическое образование, что находит свое проявление не только в ее проблематике, но и структуре и функциях. Чтобы охватить коммунизм глобально и систематически вторгаться в марксистско-ленинское учение, она стремится создать некую общую теорию и ряд специальных дисциплин. Первая представляет собой разработку общих теоретических и методологических вопросов изучения теории и практики марксизма-ленинизма; вторые охватывают отдельные социалистические страны и коммунистические партии, видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения и т. д. Структурные деления внутри «советологии» носят прежде всего функциональный характер⁸.

Круг проблем, являющихся объектом внимания «советологии», предельно широк. Он включает самые разнообразные вопросы развития марксистско-ленинской теории и коммунистического движения, а также практики строительства социализма и коммунизма на протяжении весьма длительного исторического периода.

Характер и структура «советологии», ее роль в идеологической борьбе позволяют считать «советологию»

⁸ См.: И. Т. Якушевский. Дialeктика и «советология». Л., 1975, с. 24—25.

ныне не просто одним из многих направлений современного антикоммунизма, а его теоретическим ядром, что означает и признание ее доминирующего положения во всей антикоммунистической идеологии⁹.

«Советологическая» проблематика включает в себя предвидение будущего мировой социалистической системы и отдельных стран социализма. Изучению этих вопросов уделяется особенно много внимания на протяжении последних 10—15 лет. Создание социально-философских концепций о будущем социалистического строя, равно как попытки планирования и прогнозирования этого будущего, становится неотъемлемой составной частью «советологии», которая оказывает весьма сильное влияние, в частности, на футурологию.

Между «советологией» и футурологией существуют чрезвычайно прочные узы. Помимо того, что обе эти дисциплины подвергаются воздействию общих социально-экономических, политических и идеологических факторов, они взаимодействуют по ряду конкретных вопросов теории и методологии. Так, футурология основывает прогнозы будущего СССР и стран социалистического содружества на трактовках «советологии» и воспринимает ее методологию подхода к социалистическому обществу. «Советология» в своих спекуляциях о будущем социализма широко пользуется футурологическими и примыкающими к ним социологическими концепциями общественного развития, а также конкретными приемами сбора и анализа информации, составления прогнозов. Однако именно «советология» играет главную роль в прогнозировании будущего социализма. Об этом свидетельствует и фактическая концентрация в рамках «советологии» исследований по проблематике мировой социалистической системы. В подтверждение сказанного можно сослаться также на следующее небезынерное обстоятельство. Известно, что некоторые из влиятельных западных «советологов», например Д. Белл, У. Ростоу, Р. Арон, выступают и в роли ведущих футурологов. Влияние «советологии» сказывается и в тех случаях, когда к изучению перспектив социалистического строя обращаются буржуазные ученые, непосредственно не связанные с ней.

⁹ См.: И. Т. Якушевский. Диалектика и «советология», с. 24—25.

Все это говорит о настоящей необходимости при рассмотрении современных буржуазных концепций о перспективах социалистического строя уделять серьезное внимание прежде всего футурологическим сторонам «советологии». Отсюда представляется вполне оправданным использование термина «советологическая футурология» в тех случаях, когда речь идет о буржуазных прогнозах будущего социалистического общества.

Аргументированная критика «советологической футурологии» — это одна из важных задач ученых-марксистов в идеологическом противоборстве социализма и капитализма. Систематическое и последовательное решение этой задачи — залог успешной борьбы против буржуазных идей.

Критикуя «советологию» и ее футурологические построения, необходимо учитывать изменения классовой стратегии международного империализма, направленной против реального социализма. Они влекут за собой известную перестройку арсенала империалистических идей. Нововведения касаются лишь форм и методов ведения борьбы против социалистических стран. Главные же цели этой борьбы остаются постоянными, поскольку вытекают из самой сущности империализма. Какие бы изменения он ни претерпевал, его классовая природа остается неизменной. Это проявляется в первую очередь в отношении к социализму.

Вот уже более полувека империалистические круги видят свою классовую задачу в его ликвидации. «С того момента, когда рабочие Путиловского завода начали штурмовать стены загнившей царской империи,— отметил Г. Холл,— руководящим принципом, которому следовал мировой империализм в своих политических устремлениях и поступках, было политическое, идеологическое и физическое уничтожение социализма. Этот принцип неизменно отодвигал на второй план все другие устремления империализма»¹⁰. Силы империалистической реакции понимают, что если бы им удалось стереть с лица земли Советский Союз и социалистические страны, то тем самым был бы нанесен непоправимый урон всему революционному движению. Вот почему они

¹⁰ «Правда», 1976, 24 января.

ни при каких обстоятельствах не отказываются от своей главной классовой цели.

Стремление к ликвидации социализма оказывает соответствующее влияние на империалистическую идеологию. Нет ничего удивительного в том, что и будущее социалистического строя буржуазные идеологи предсказывают таким, как этого требуют стратегические установки империализма.

Конечно, пытаясь реализовать свои замыслы, империалистические круги не могут игнорировать конкретную обстановку в своих странах и в мире в целом. Так или иначе они вынуждены действовать с учетом реальных условий. Это распространяется также и на идеологию.

Опыт классовой борьбы показывает, что антисоциалистическая стратегия империализма, включая систему ее идеологического обеспечения, меняется по мере укрепления самого социализма, упрочения его внутренних и международных позиций. Подобные изменения, хотя они и происходят в известных классово-обусловленных пределах, выражают реакцию империализма на объективный процесс роста и консолидации противостоящих ему сил. Этот вывод вполне подтверждается анализом империалистической стратегии ведения борьбы против реального социализма.

Главная линия эволюции указанной стратегии обнаруживает очевидные изломы именно в те исторические периоды, которые характеризуются крупными сдвигами в развитии социализма. Соответственно появляются новые нюансы и в трактовках социализма, его роли и места в историческом процессе. Предпринимаются усилия поновому изобразить и перспективы социалистического общества. В этом нетрудно убедиться, обратив внимание на конкретные факты.

Становление и развитие социализма как новой общественной системы началось с Великой Октябрьской социалистической революции, которая явилась переломным моментом в истории общества. Переход власти в нашей стране в руки рабочих и крестьян означал крупнейший практический шаг по пути полнокровного прогресса. Трудящиеся всех стран мира приобрели надежный ориентир в своей борьбе за социальное освобождение.

Однако империалистические идеологи и их слуги

смотрели на победу Октября иначе. Абсолютное большинство из них категорически отрицало закономерный характер революции, считая ее «случайным событием», «внезапной катастрофой» и т. д. Подобные воззрения легли в основу буржуазных и ревизионистских оценок сущности Советской власти, перспективы ее развития.

Сначала буржуазные идеологи даже не утруждали себя поисками теоретического решения этих вопросов. Империализм попросту полагал, что будущее Советской России всецело в его руках, что оно предопределено империалистическими государственными деятелями и генералами. С социализмом в нашей стране пытались физически покончить: задушить, как откровенно выразился У. Черчилль, «коммунистическое государство в момент его рождения». С идейной точки зрения разбойничьи планы империалистических кругов оправдывались утверждениями о «всеобщем хаосе», крахе «цивилизованных форм общественной жизни» и тому подобными вымыслами. Под их прикрытием осуществлялись меры для ликвидации Советской власти. Все это именовалось не иначе как миссией по «спасению цивилизации» от «ужасов большевизма». Буржуазные газеты всех направлений соревновались друг с другом, изливая в адрес нашей страны потоки самых невероятных небылиц. В. И. Ленин писал по поводу клеветы, распространяемой империалистической печатью: «Можно сказать сейчас, что вся англо-французская и американская печать в руках капиталистов,— а она ворочает миллиардами,— что она действует вся, как один синдикат, чтобы замалчивать правду о Советской России, чтобы распространять ложь и клевету против нас»¹⁴. В подобной позиции печати ведущих империалистических стран ярко проявилась классовая ненависть гибнущего капитализма к приходящему ему на смену социализму.

Генеральный прогноз будущего Советской власти, с которым в те годы выступали буржуазные пророки, рисовался вполне однозначно: он предвещал «неминуемый» провал «большевистского эксперимента», а в конечном итоге возвращение России к правлению буржуазии и помещиков. Так представляла себе будущее социализма не только буржуазия разных стран. С прори-

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 164—165.

цаниями неизбежной гибели молодого Советского государства выступали также верные прислужники капитала — ревизионисты всех мастей и оттенков. Сонм классовых противников победившего социализма не жалел самых черных красок, распространяясь о его будущем. Правда, прорицатели гибели Советской власти уповали не столько на ее мнимую «неспособность к существованию», в которую, прямо скажем, не верили, а на объединенную военную мощь империалистических держав и их решимость расправиться с Советами силой оружия.

Взгляды на Советскую власть и ее будущее, господствовавшие среди буржуазии и ее классовых единомышленников в течение ряда лет после победы Октября, очень убедительно анализирует видный деятель международного коммунистического движения Жак Дюкло. «В тот период,— пишет Ж. Дюкло,— многие не верили в долговечность опыта, осуществляемого под руководством Ленина — величайшего революционера всех времен, замечательно сочетавшего в себе качества великого ученого и борца. Некоторые из тогдашних социалистических руководителей, считавших себя непревзойденными знатоками социализма, так истолковывали учение Маркса и Энгельса, словно заботились прежде всего о собственном душевном покое, и утверждали, будто Октябрьская революция не является социалистической революцией. Кое-кто говорил о «бланкизме», делая отсюда вывод, что действия большевистской партии и Ленина безнадежны и заранее обречены на провал. В кругах буржуазии считали, что Октябрьская революция в конце концов потерпит поражение в результате тех ударов, которые ей будут нанесены и которые усугубят объективные трудности, испытываемые рабочим классом, народными массами Советской России. Требовалась поистине безграничная вера в боевой дух народа, твердая убежденность в том, что он сумеет выстоять в борьбе, чтобы взяться за решение грандиозных задач, вытекающих из победы в октябре 1917 года»¹². Лишь большевистская партия во главе с великим Лениным проявила непоколебимую убежденность в победе социализма в России и смогла передать эту убежденность широким

¹² Ж. Д ю к л о. Мемуары, т. 1, 1896—1952. М., 1974, с. 5.

массам трудящихся. Объединившись вокруг партии, они отстаивали социализм от посягательств внутренней и внешней контрреволюции.

Пророчества насчет будущего Советской власти, целиком основанные на примитивной клевете и разного рода измышлениях, занимают весьма видное место в империалистической идеологии и особенно в пропаганде на протяжении довольно длительного периода. В течение всего этого времени империализм делает главную ставку на физическую расправу с социалистическим строем в нашей стране. Эту цель преследовало вооруженное нападение фашистской Германии на СССР в 1941 г. «...Война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом,— отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов»,— была самым крупным вооруженным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма, одним из тяжчайших испытаний, когда-либо пережитых нашей Родиной. В этой войне решалась судьба первого в мире социалистического государства, будущее мировой цивилизации, прогресса и демократии»¹³. Ценой огромных усилий и жертв под руководством своей славной партии советский народ одержал победу над фашизмом. Человечество было спасено от угрозы фашистского порабощения. Перед народами Европы и мира открылись новые горизонты прогресса.

Крах фашистской агрессии против СССР и подъем антифашистской борьбы народов, которая в ряде случаев переросла в борьбу за социальное освобождение, привел к новой расстановке мировых сил. Их соотношение заметно изменилось в пользу социализма. Ярким доказательством этого явились укрепление социализма в СССР, победа народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии, усиление освободительной борьбы порабощенных народов. Ответом наиболее реакционных сил международного империализма на эти изменения явилась «холодная война», направленная против СССР и стран социализма, а также всех прогрессивных сил.

Ей сопутствует неистовая «психологическая война»,

¹³ «Правда», 1975, 9 февраля.

которая дополняет целый арсенал других средств (экономических, политических, военных), применяемых для борьбы против социализма. Кое-кто на Западе продолжает бредить о «крахе социализма». Тем не менее подход к пониманию социализма и его будущего претерпевает изменения.

В буржуазной идеологии усиливается тенденция к теоретическому осмыслению сущности социалистического строя и его места в историческом развитии. Этот процесс постепенно распространяется и на сферу прогнозирования будущих судеб социализма. Представителями империалистической идеологии была, наконец, признана растущая сила реального социализма. По своей форме эти признания были всего-навсего отходом от годами твердившейся лжи о «светопреставлении» и «хаосе», будто бы вызванными Октябрьской революцией, но и это было бесспорным подтверждением победы новой цивилизации, которая отстаивала свое право на существование и развитие в беспощадной борьбе с врагами. Кроме того, надо иметь в виду, что активная разработка теоретических концепций о реальном социализме совпала с периодом «холодной войны». В империалистической идеологии и политике в эти годы безраздельно господствовал воинствующий антикоммунизм. Конечно, он в первую очередь затронул всю систему взглядов империалистической буржуазии о социалистическом обществе.

Одной из первых широко известных концепций о новом общественно-политическом строе, противостоявшем правлению современной буржуазии, была теория тоталитаризма. Ее авторство приписывается Х. Арндт, издавшей в США в 1951 г. книгу «Происхождение тоталитаризма»¹⁴. Изложенные здесь идеи были быстро подхвачены и разрабатывались по многим направлениям большими группами «советологов» в США и других капиталистических странах.

Центральное место в теории «тоталитаризма» отводится понятию «тоталитарной диктатуры», которая якобы подчиняет себе общество и отдельного человека в социалистических странах, особенно в Советском Союзе. Таким образом, антисоветская направленность данной

¹⁴ H. Arndt. The Origins of Totalitarianism. N. Y., 1951.

концепции дала знать о себе уже в момент ее появления. В качестве «критерия» «тоталитарной диктатуры» обычно выдвигался ряд «признаков»: «господство официальной идеологии»; «господство одной партии, подчиненной, как правило, диктатору»; «система тотальной слежки и полицейского террора по отношению к гражданам»; «монопольный контроль партии» над средствами массовой информации (пресса, кино, радио, телевидение); «полный контроль партии над средствами вооруженной борьбы»; «строго централизованное управление экономикой»¹⁵. Приведенные нами черты признаются не всеми «советологами». Среди них не было и нет полного единства мнений по вопросу о том, что выступает неременной чертой «тоталитарной диктатуры», а что играет второстепенную роль в ее определении. Однако в одном «советологи» сходятся: «тоталитарная диктатура» рассматривается ими как антинародный диктаторский режим, насилие над гражданами, использование в этих целях достижений науки и техники. Итак, все понятие «тоталитарной диктатуры» строится на противопоставлении практически неограниченной власти диктатора и кучки его приспешников, с одной стороны, и граждан, всячески отстраняемых от самостоятельной роли в политике и управлении обществом, с другой. Господство и подчинение изображаются в качестве неизменных противостоящих друг другу полюсов, а само общество рисуется как бы остановившимся, застывшим в своем развитии. Предвидение в данной ситуации теряет смысл.

И не удивительно, что концепция «тоталитаризма» в своем «классическом» выражении фактически отказывается прогнозировать развитие обществ, относимых к числу «тоталитарных». Это вытекает из их трактовки. Развитие, как известно, представляет собой внутренний диалектический процесс, имеющий свой источник в самом обществе. Не замечая такого источника и даже сомневаясь в его наличии в «тоталитарном обществе», империалистические идеологи в данном случае произвольно разрывают диалектическую связь между прошлым, настоящим и будущим в ходе человеческой истории.

¹⁵ Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии, с. 285—286.

Абсурдность такого подхода очевидна, но, как мы увидим далее, он обусловлен определенными классовыми интересами буржуазии.

Образчиком футурологической литературы, базировавшейся на «тоталитаристских» интерпретациях социализма, служит роман Дж. Оруэлла «1984-й», появившийся на Западе в конце 40-х годов. Содержание романа — типичная «отрицательная утопия», изображающая общество будущего обществом людей, поработанных созданной ими техникой. Господство машины над человеком не только навязывает ему свои правила и законы, оно лишает человека всякой индивидуальности, а также отнимает у него волю. Страницы книги Дж. Оруэлла изобилуют кошмарами полностью дегуманизированных человеческих роботов, способных на все. Человеческие автоматы тем более опасны, что они обладают разрушительным оружием и могут использовать его в любую минуту. Такие картины способны вызвать страх перед будущим и отвращение к нему. Заметим, что общество роботов было преподнесено в качестве перспективы социализма. Поэтому даже буржуазная печать расценила появление книги Дж. Оруэлла как один из первых пропагандистских залпов в «холодной войне» против СССР и стран народной демократии. Сразу же нашлись и ярые антисоветчики вроде И. Дейчера, связавшие мистические комшары «1984-го» с Советским Союзом и попытавшиеся превратить роман в «идеологическое супероружие» против нашей страны.

В целях дискредитации социализма Дж. Оруэлл перенес условия капитализма на социализм. При этом главный упор был сделан на «доказывании» якобы дегуманизирующего влияния социализма на личность и невозможности ее всестороннего развития при социализме.

Появление книги Дж. Оруэлла вызвало на Западе дискуссию, которая не прекратилась до наших дней. Один из центральных вопросов дискуссии — мотивы, побудившие Дж. Оруэлла дать столь беспросветный образ будущего. В ходе дискуссии проливается дополнительный свет на идеологическую функцию «1984-го». Американский исследователь творчества Дж. Оруэлла В. Симмс приходит к выводу, что роман «1984-й» является реакцией на рост популярности социалистических

идей и движений в поддержку социализма. Ставится вопрос, как отмечает В. Симмс, почему Дж. Оруэлл избрал местом действия своего романа Англию и назвал правящую идеологию «ангсоц», или «английский социализм». Ответ на этот вопрос прост. Во-первых, на протяжении своей карьеры Дж. Оруэлл бесконечно говорил о необходимости противостоять «опасным элементам», олицетворяющим «моду дня». «Модой его дней» был социализм. Сделать «1984-й» мощным изображением зол капитализма было бы «неприемлемой» для писателя «тратой времени и таланта». Во-вторых, местом действия романа служит Англия как раз потому, что она, по мнению В. Симмса, является наименее вероятным местом, где могла бы развиваться такая система. Признается, что автор фаталистических картин книги «1984-й» сам не является фаталистом. Он считает вероятной альтернативой «перспективе», изображенной в романе, «демократический социализм». Победа «демократического социализма» в странах Европы и Африки означала бы, по мнению Дж. Оруэлла, исчезновение предпосылок для «русской диктатуры» и «утрату коммунизмом значительной части своей привлекательности»¹⁶. На явно антикоммунистические и антисоветские мотивы издания «1984-го» указывает и другой американский исследователь У. Стейнхофф¹⁷. Таким образом, основное назначение романа Дж. Оруэлла в тех исторических условиях не вызывает сомнений. Оно состояло в том, чтобы содействовать поддержанию атмосферы усиливающегося страха перед коммунизмом. Эта атмосфера была необходимым элементом «тотального похода» реакции против прогрессивных и демократических сил на Западе и подготовки планов вооруженной интервенции против социализма.

Напомним, что Дж. Оруэлл выступил со своими прогнозами вскоре после известной фултонской речи У. Черчилля. Это было время, когда воинствующие круги международного империализма начали раскручивать маховик «холодной войны» против СССР и стран народной демократии. Взгляды Дж. Оруэлла несут бесспорный отпечаток обстановки на Западе в те годы (пресле-

¹⁶ «Ethics», 1974, No. 4, pp. 304—305.

¹⁷ W. Steinhoff. George Orwell and the Origins of 1984. Ann Arbor, 1975, pp. 30, 35.

дование коммунистов и демократов, кампании запугивания Советского Союза и т. п.). Ныне «холодная война» с ее атрибутами постепенно уходит в прошлое.

Развитие позитивных тенденций международной жизни перечеркнуло многие из целей, вдохновлявших Дж. Оруэлла при написании романа. Но любопытно, что и сейчас на Западе все еще находятся футурологи, готовые не только стряхивать пыль с оруэлловских «предвидений», но даже рекомендовать их в качестве своего рода «футурологической классики», выдержанной в духе явного антикоммунизма. Своим духовным наставником по части предвидения будущего социалистического общества считают Дж. Оруэлла и некоторые из числа так называемых «диссидентов». Все эти люди sneдаются ненавистью к социализму, но в то же время бессильны противопоставить ему хотя бы подобие позитивной альтернативы будущего. Поэтому они с таким упорством хватаются за антикоммунистические бредни «1984-го».

Выводы насчет «тоталитарного общества» преподносятся «советологами» в качестве некоего «обобщения» практики реального социализма. Причем последней вопреки истине приписывается непрерывное насилие над народными массами, а также нежелание «правлящей элиты» считаться с интересами масс в проведении внутренней и внешней политики. «Нашим главным взглядом на советскую систему, нашей главной ее парадигмой,— пишет профессор политических наук Дьюкского университета (США) Дж. Хью,— была парадигма направляемого общества. Этот взгляд оставлял очень мало места для представлений о движении власти и контроле снизу вверх. В результате мы инстинктивно искали доказательств того, что участие масс в политическом процессе имеет ограниченное воздействие на решения, принимаемые в Советском Союзе»¹⁸.

Тенденциозность подхода «советологов» к советскому обществу не вызывает никаких сомнений. Они развивают концепции «тоталитаризма» в порыве бессильной классовой злобы. Идеологи воинствующего антикоммунизма совершили очевидный подлог, поставив знак равенства между социализмом и фашизмом по-

¹⁸ «Soviet Studies», 1976, No. 1, p. 15.

средством объединения их под общей шапкой «тоталитарных режимов».

Отождествление фашистского режима с социалистической системой смехотворно и, разумеется, не может быть подкреплено никакими научными данными. Истоки подобной «идеи» следует искать в состоянии антикоммунистического психоза. Для постоянного подстегивания антикоммунистических и антисоветских кампаний агрессивные круги империализма нуждались в соответствующих «сильнодействующих» средствах. Поэтому-то они и прибегли к приему рассмотрения социалистического строя сквозь призму фашизма — наиболее чудовищного порождения самого буржуазного общества в эпоху его исторического заката и гибели.

Марксисты вели и ведут непримиримую борьбу с любыми идеологическими махинациями империализма, они разоблачают и подлинный смысл «параллели», проводимой между социалистическим строем и фашизмом как двумя «разновидностями тоталитаризма». Этому вопросу уделили внимание участники международной теоретической конференции марксистов «Современные проблемы социалистической демократии», проходившей в Софии 12—14 ноября 1974 г. Социализм и фашизм, как отметил в своем выступлении О. Швестка, пытаются противопоставить буржуазной демократии, как ее антиподы, и замаскировать тем самым коренное, принципиальное различие между диктатурой пролетариата и формами диктатуры буржуазии, в том числе фашизмом¹⁹.

Идентификация социализма на основе фашизма, отрицание способности социалистического общества к развитию, а тем самым и его прав на будущее — важные звенья теории «тоталитаризма». Но они отнюдь не исчерпывают ее главного содержания. В нем фигурирует еще один элемент, заслуживающий бесспорного внимания. Польский социолог профессор Е. Вятр пишет по этому поводу: «Тезис об идентичности... социалистической и фашистской систем, названных «тоталитарными», как и прогноз о неизменности социалистической системы..., подкрепляется тезисом, что изменение может прийти только извне, в виде вооруженной интервенции

¹⁹ «Проблемы мира и социализма», 1975, № 2, с. 55—56.

«свободного мира». Поэтому теория «тоталитаризма» имела особый успех в годы наибольшего накала «холодной войны» и сочеталась с доктриной «освобождения», «отбрасывания» и т. п., провозглашавшейся в начале 50-х годов наиболее агрессивными политическими кругами США»²⁰. Указанное положение образует главное связующее звено теории «тоталитаризма» с воинствующей антикоммунистической стратегией империализма. Сердцевину ее, как известно, составлял курс на подготовку третьей мировой войны в целях физического уничтожения социалистических государств.

Оценивая главные постулаты теории «тоталитаризма» в их единстве, мы ясно видим ее служебную роль по отношению к агрессивному антисоциалистическому курсу империализма. Собственно теоретическое содержание данной концепции отодвигается на второй план, к тому же его уровень предельно низок. Ярким подтверждением этому служит прогноз будущего социалистических стран, который обещал их народам освобождение от социалистических завоеваний в качестве чуть ли не единственной перспективы развития. Пожалуй, в таком случае надо говорить не столько о теории, сколько об известном наборе штампов империалистической пропаганды, приспособленных для ведения «психологической войны» против социализма.

Решительное противодействие народов Союза ССР и братских социалистических государств диктату империализма в том, что касается их настоящего и будущего, разрушило планы агрессивного антикоммунизма. Обнаружилась и полная несостоятельность попыток идеологического обоснования этих планов. Это означало, в частности, кризис всей концепции тоталитаризма.

Во второй половине 50-х и начале 60-х годов в мире, как известно, произошли новые исторические сдвиги. Советский Союз превратился в могучую индустриальную державу. Значительно окрепло мировое содружество социалистических стран. Высоко поднялся авторитет марксистско-ленинских идей, они стали оказывать растущее влияние на духовную жизнь всего современного человечества. Увеличилась сила социалистического примера как

²⁰ Е. Вятр. Социологические теории антикоммунистической «советологии» в США. В кн. «Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии», с. 287.

мощного побудительного мотива прогрессивных социальных изменений на всех континентах нашей планеты. Важные перемены охватили и мир капитала. Углубился общий кризис капитализма. Распалась система колониального порабощения народов. Обострились все противоречия капиталистического строя, что привело к усилению накала классовой борьбы в странах капиталистической системы.

Все эти процессы повлияли на соотношение мировых сил, изменив его в пользу социализма. Ход исторических событий подтвердил верность глубокого ленинского предвидения о том, что социализм будет «иметь решающее влияние на всю мировую политику»²¹. Социалистическое содружество воочию продемонстрировало такую способность.

Неуклонное развитие по восходящей линии позволяет социализму оказывать все более глубокое качественное воздействие на обстановку в мире, всю систему международных отношений. Сила этого воздействия, его эффективность уже в данных исторических условиях во многом не только нейтрализуют влияние, обусловленное реакционной агрессивной природой империализма, но и «перекрывают» его. В сложившейся обстановке стала еще более очевидной гнилость и непригодность всех вариантов антисоциалистической стратегии империализма, где основная ставка делалась на уничтожение реального социализма с помощью физической силы. В правящих кругах Запада вспыхивает серьезная борьба вокруг требований о ее пересмотре. В столкновении разнородных тенденций начинает все более явственно вырисовываться влияние тех группировок монополистической буржуазии, которые выступают за мирные отношения с государствами противоположной общественной системы.

«...Монополии,— пишет Председатель Компартии США Г. Уинстон,— потерпели неудачу в своем крестовом походе против коммунизма. Вместо «отбрасывания» или «сдерживания» социализма или антиимпериалистического движения американские монополии сами вынуждены были отходить назад, с одной позиции на другую, в мировом масштабе. Еще больший размах при-

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 165.

обрела борьба в целях «сдерживания» американского империализма на базе стратегии мирного сосуществования, мирной торговли и невмешательства в дела стран, ставших на путь независимости от неокOLONиализма и во многих случаях на еще более прогрессивный путь некапиталистического развития»²². Это значит, что возможности реального социализма и всех прогрессивных сил влиять на обстановку в мире и добиваться ее изменения в соответствии со своими интересами еще более возросли.

На протяжении 60-х и в 70-е годы нашего века имело место дальнейшее ослабление позиций империализма при одновременном укреплении могущества стран социалистического содружества. Происходят коренные изменения в соотношении мировых экономических и политических сил в пользу социализма²³. С действием этих объективных факторов и вынуждены в первую очередь считаться государственные деятели и политики империализма.

2. Перспективы социалистического общества с позиций «модернизированного» антикоммунизма

Неуклонное укрепление позиций социализма и других революционных сил современности, с одной стороны, и дальнейшее углубление общего кризиса капиталистической системы, с другой, вынуждают международный империализм приспособляться к действительности и, в частности, менять планы борьбы против социалистических стран. Процессы, связанные с этим, стали выдвигаться на первый план уже во второй половине 60-х годов.

Важнейшие изменения в классовой стратегии империализма всесторонне проанализированы в документах КПСС и мирового коммунистического движения. В постановлении ЦК КПСС «Об актуальных проблемах международного положения и борьбе КПСС за сплоченность мирового коммунистического движения» от 10 апреля 1968 г. указывалось на резкое обострение идео-

²² «Political Affairs», 1974, No. 11, p. 16.

²³ «Правда», 1973, 14 июля.

логической борьбы между капитализмом и социализмом, а также на попытки классовых противников подорвать социалистическое общество изнутри²⁴. Л. И. Брежнев в речи на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г. отметил, что ставка на разложение коммунистического движения изнутри «составляет теперь одно из важнейших направлений классовой стратегии империализма»²⁵. Происходящие перемены говорят о том, что антикоммунизм продолжает оставаться главным стержнем империалистической классовой стратегии.

Не отказываясь от антикоммунизма, несмотря на его очевидные провалы, отдельные фракции буржуазии ведут между собой острые споры о путях и формах его использования против социализма. Взвесив более чем полувековой опыт истории, некоторые представители буржуазии пришли к выводу, что борьба против социалистической системы должна вестись на почве мирного сосуществования государств с различным общественным строем и в рамках установленных им международных принципов. Другие, наиболее воинственно настроенные представители капитала, а также некоторые его реформистские союзники, высказываясь за известную модернизацию антикоммунистического арсенала, продолжают ратовать за конфронтацию с социалистическим миром вне принципов мирного сосуществования. Позиция данной фракции господствующего класса состоит также в том, чтобы, используя возможности международного сотрудничества в условиях мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем, получить право вмешиваться во внутреннюю политику социалистических стран, «исправлять» и «менять» их общественный порядок. Определение этой позиции выражено словом «либерализация». Здесь налицо отступление от старого антикоммунистического кредо — «освобождение от коммунизма». Однако масштаб отступления крайне незначителен, что подчеркивается и созвучностью терминов: оба они говорят о тождественности целей, не укладывающихся в основное

²⁴ Вопросы идеологической работы КПСС. Сборник документов (1965—1973). М., 1973, с. 86.

²⁵ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, с. 66.

русло современного развития международных отношений²⁶. В своих расчетах империализм по-прежнему делает ставку на силу. Но представление о силе меняется.

На протяжении всей эпохи империализма буржуазные теоретики считали военно-политическую силу главным фактором общественно-исторического развития, ставя ее в состояние независимости от социально-экономических условий. С появлением социалистического строя апология военно-политической силы приобрела отчетливо выраженную антисоветскую и антикоммунистическую направленность. В обстановке непрерывно изменяющегося соотношения сил в пользу социализма, как отмечает Б. А. Шабад, антикоммунистические силовые доктрины империализма стали приобретать все более изощренный характер. Применение военно-политической силы в них начало больше сочетаться с идеологическими и другими средствами борьбы против социализма, а традиционное представление об «абсолютном господстве» военно-политической силы было признано «несостоятельным»²⁷. Один из виднейших теоретиков «политического реализма» Г. Моргентау вынужден был осудить «огульное антикоммунистическое вмешательство» и проведение империализмом «абсолютной политики силы» как «несоответствующие нынешним политическим реальностям»²⁸. Все это, конечно, не означает отказа империалистических кругов от далеко идущих планов установления своего мирового господства. Обратим внимание хотя бы на такой факт. В ходе дискуссии о внешней политике США в «послевьетнамскую эру» противники разрядки спешно выдвигают новые «доктрины», которые должны вновь поставить Соединенные Штаты в положение «мирового жандарма».

Одна из таких доктрин изложена в книге бывшего высокопоставленного сотрудника ЦРУ и руководителя бюро разведки госдепартамента Р. Клайна «Оценка соотношения сил в мире; анализ стратегического дрейфа». Занимая ныне важный пост в центре стратегических и международных исследований при Джорджтаун-

²⁶ «Коммунист», 1974, № 4, с. 91.

²⁷ См.: Б. А. Ш а б а д. Кризис идеологии антикоммунизма. М., 1973, с. 175.

²⁸ Т а м ж е.

ском университете, Р. Клайн ратует за создание новых военных блоков под эгидой США. «В настоящее время,— утверждает он,— могущество Соединенных Штатов идет на убыль не потому, что они стали слабыми как нация, а из-за запутанной стратегии и уменьшения числа надежных союзников». В качестве альтернативы он предлагает создать под руководством США некий «океанский союз», в который наряду с ведущими империалистическими державами вошли бы некоторые развивающиеся страны Азии, Океании, Латинской Америки²⁹. Подобные высказывания постоянно сопутствуют процессам перестройки классовой стратегии империализма. Тем не менее ее разработка ведется по таким направлениям, которые означают усиленное использование политико-идеологических средств. В полной мере это относится и к империалистическим вылазкам против социализма.

Позорный провал «лобовых атак» против социалистического строя привел к их замене тактикой постепенного подрыва его внутренних устоев, в частности путем интенсивной пропагандистской обработки граждан социалистических стран.

По мере того как на Западе прилагаются активные усилия ради выполнения требований модернизированной классовой стратегии империализма, некоторые видные империалистические идеологи во всеуслышание заявляют о кризисе антикоммунизма времен «холодной войны» и его замене новыми методами. Так, по утверждению журнала «Форин афферс», «традиционно примитивный антикоммунизм правых теперь сброшен со счетов» и уступил место «гибкости» в отношениях с «коммунистическим миром»³⁰. Разумеется, гибкость методов сохраняет и свою оборотную сторону: жесткость, неизменность стратегических классовых целей империализма, воплощающих его ненависть к социализму.

Попытки прогнозировать изменение классовой стратегии империализма в связи с возможностью отступления «холодной войны» и уменьшением напряженности в отношениях между государствами двух противоположных общественно-экономических систем отмечены еще

²⁹ «Правда», 1975, 21 октября.

³⁰ «Foreign Affairs», 1973, No. 4, p. 714.

задолго до того, как были достигнуты первые заметные сдвиги в деле международной разрядки. Об этом говорят, например, выступления видных западных идеологов на протяжении минувшего десятилетия и, в частности, высказывания известного американского антикоммунистического теоретика и государственного деятеля У. Ростоу. В одной из лекций о международных отношениях, прочитанных в 1967 г., им сформулированы главные цели классовой стратегии американского империализма на будущее. Их антикоммунистический смысл не вызывает сомнений. Так, У. Ростоу прямо заявляет, что в процессе будущего перехода от «духа холодной войны» к «духу сотрудничества» Запад должен постараться выхолостить интернациональную сущность «коммунистических обязательств содействия развитию мирового революционного процесса», использовать в своих интересах «национальные» и «местные тенденции» и тем самым «развеять» убеждения сторонников коммунизма в том, что их «системы общественной организации обладают внутренними преимуществами над системами Запада»³¹. У. Ростоу и его единомышленникам хотелось бы с решением указанных задач связать сам процесс перехода от угрозы вооруженной конфронтации периода «холодной войны» к мирному сотрудничеству между государствами разных систем. Этот факт нельзя воспринять иначе, как свидетельство неизменности основных классовых целей империализма в отношении СССР и социалистических стран.

В высказываниях видного американского теоретика антикоммунизма налицо и другой важный элемент приспособления антисоциалистической классовой стратегии империалистических кругов Запада к новым реалиям международной жизни: курс на подрыв могущества мирового социалистического содружества изнутри. Так, в будущих стратегических расчетах, обращенных против мирового социализма, У. Ростоу рекомендует уделять главное внимание не фактору использования военного могущества Запада, а «силам умеренности» внутри СССР и стран Восточной Европы. Деятельностью именно данных «сил» империализм хотел бы обусловить бу-

³¹ W. W. Rostow. The Great Transition: Tasks of the First and Second Postwar Generations. Leeds, 1967, p. 21.

дущее развитие социалистического общества. Под «силами умеренности», как свидетельствует опыт международной классовой борьбы, понимаются ревизионистские и националистические тенденции в отдельных социалистических странах, а также деятельность «диссидентов» — небольшой группы лиц, выступающих против социализма и не имеющих поддержки среди трудящихся масс.

Это означает не что иное, как попытку и далее рассматривать будущее СССР и государств Восточной Европы в антисоциалистической перспективе, указав одновременно ее конкретных носителей внутри этих стран. Желанию правящих кругов США и капиталистического мира, как подчеркивает У. Росту, соответствует именно такое течение исторических событий, которое привело бы к утверждению в Советском Союзе и братских социалистических странах общественного строя, основанного на принципах «плюрализма» и потребительского подхода к пониманию потребностей и нужд человека. Волна истории, по мнению У. Росту, движется по направлению к «правительствам, которые больше заботятся о потребителе» и характеризуются «рассеянием власти внутри них», а также желают «восстановить преемственность со своей собственной историей и исторические узы с Западной Европой»³². Последующие события показали, что идеи, изложенные У. Росту, были восприняты империалистическими кругами Запада и легли в основу модернизированной классовой стратегии империализма в отношении реального социализма. Это означало выдвижение на первый план курса на подрыв внутренних устоев социалистического общества.

Эволюция антикоммунистической стратегии империализма включает также изменения средств ее идейного обеспечения. Необходимость учитывать сложившиеся международные реалии вынуждает и представителей «советологической футурологии» менять создаваемые ими концепции насчет сущности и перспектив социалистического общества.

Одним из ведущих мотивов пересмотра буржуазных взглядов на реальный социализм и его будущее явилось отражение в сознании современной буржуазии всемир-

³² «The Department of State Bulletin», 1966, No. 1412, p. 82.

но-исторических успехов Советского Союза и братских социалистических стран. Признание этих достижений образует ныне одну из исходных позиций в любой «советологической» дискуссии о настоящем и будущем социалистического общества. Так, американский футуролог Т. Динерштейн пишет в книге «Изменение и будущая международная система», что за полвека своего существования СССР «добился отличного экономического прогресса в абсолютном понимании этого слова и перешел из состояния полуотсталости к современности»³³. «Советологи» вынуждены указывать на взаимосвязь международной роли СССР с глубокими внутренними преобразованиями в нашей стране на основе социализма. Этот момент подчеркивается в сборнике «Перспективы советского общества», изданном в США под редакцией А. Кассофа. «Надежное положение Советского Союза как мировой державы высокого ранга,— пишет А. Кассоф,— служит лишь внешним отражением вызревания внутренних социальных институтов: возникновения обученного и грамотного населения с мотивацией и установками, отвечающими требованиям жизни в эре развитой технологии; высокоэффективной системы просвещения; мощной и все растущей экономической базы; сети городских комплексов, отличающихся важными характеристиками современной жизни — специализацией и мобильностью людей»³⁴. Во всем этом А. Кассоф видит признак осуществления «социальной трансформации». Размах последней подчеркивается еще и тем, что «советские достижения» недоступны многим: о них может лишь мечтать «большинство населения большей части мира»³⁵. Заметим, что обе из упомянутых нами работ характеризуются тенденциозным отношением к социализму. Тем более заслуживает внимания объективная оценка достижений социалистического строя, содержащаяся в них.

Положительные итоги социалистического и коммунистического строительства, неуклонное развитие всех сфер общественной жизни по восходящей линии, создание все более благоприятных предпосылок для совершенствования человеческой личности, с одной стороны,

³² «Change and Future International System». N. Y., 1972, p. 38.

³¹ «Prospects for Soviet Society». N. V., 1968, pp. 3—4.

³⁵ *I b i d e m*.

и успешная борьба против каких бы то ни было попыток ликвидировать социалистический строй, предпринимаемых его классовыми противниками, с другой, побуждают многих «советологов» открыто заявлять о несостоятельности своих прежних воззрений на реальный социализм.

Особенно острой критике подвергается теория «тоталитаризма». Отказ принимать положения данной теории на веру и стремление сопоставить их с реальными фактами ведут к почти повсеместным заключениям о ее абсолютной непригодности ни в качестве средства познания социалистической действительности, ни в качестве руководства для практической политики. Критикуются также некоторые из главных теоретических устоев «тоталитаризма». Так, Р. Канет подчеркивает «недостаток исследований Советского Союза и стран Восточной Европы», содержащийся в трактовке «коммунистических систем» как своего рода «социальной болезни». Концентрация усилий на подобной демагогии привела, по мнению этого «советолога», к серьезным упущениям в исследовании вопросов, представляющих больший интерес³⁶. Одним из результатов такого подхода было полное неведение не только среди самих «советологов», но также среди буржуазных государственных деятелей и политиков относительно объективных тенденций развития социалистического общества. Это можно подтвердить следующим заявлением видного деятеля демократической партии, в прошлом вице-президента США, Г. Хэмфри. «Я знаю о русской истории настолько мало,— сказал Г. Хэмфри,— что я очень плохо вооружен интеллектуально..., чтобы иметь дело с руководителями Советского Союза... Немногие из наших людей, выступающих в сфере политической жизни, имеют какое-либо знание об этих районах мира, очень немногие. Мы подходим к ведению наших дел (с Советским Союзом.— В. Б.) очень поверхностно; даже страшно подумать, насколько мы поверхностны. Стоит удивляться, что заголовки наших газет вводят в заблуждение»³⁷. Приведенные слова дают ясное представление о характере ущерба, нанесенного политическим кругам США

³⁶ «Osteuropa», 1973, Nr. 4, S. 254.

³⁷ «Slavic Review», 1973, No. 3, p. 561.

распространением побасенок о «советском тоталитаризме» и им подобных небылиц. Вряд ли стоит сомневаться в том, что не меньшие издержки наблюдались и в других странах капитала.

Особо следует сказать о прогнозах развития реального социализма, основанных на теории «тоталитаризма». Ни один из них не выдержал проверки временем. Благодаря растущему могуществу социалистических государств и развитию их интернационального сотрудничества был опрокинут генеральный прогноз воинствующего антикоммунизма: вместо реализации идеи «освобождения» произошло фактическое укрепление всех позиций социализма. Одновременно рассыпались один за другим, как карточные домики, и частные прогнозы, созданные под влиянием теории тоталитаризма. Ныне «советологам» не остается ничего иного, как признать и эти провалы. «...Мы должны,— заявляет американский «специалист» по СССР А. Даллин,— более серьезно и систематически интересоваться постоянными неудачами наших усилий понять и объяснить советскую действительность в прошлом, настоящем и будущем... Я не касаюсь здесь ошибок, относящихся к специфическим фактам... Итак, аксиоматическим казался вывод о том, что советская система требует всемогущего диктатора. Где он сегодня? Десять лет тому назад группа высококвалифицированных экспертов пришла к согласию в том, что Советский Союз не сможет в обозримом будущем догнать Соединенные Штаты в области стратегического оружия и одновременно повысить жизненный уровень населения. Он сделал это. Десять-пятнадцать лет тому назад большинство специалистов по СССР утверждало, что Москва не подпишет и не будет придерживаться никакого международного договора, ограничивающего производство, испытания или размещение ядерного оружия. Однако она сделала это...»³⁸ Таков далеко не полный перечень несбывшихся предвидений, с которыми в свое время выступали сторонники теории «тоталитаризма». Публичная дискредитация прогностического аспекта данной концепции в весьма большой мере способствовала ее идейно-политическому краху. Многие американские политологи считают методологию

³⁸ «Slavic Review», 1973, No. 3, pp. 561—562.

«тоталитаризма» совершенно непригодной для понимания внутренней и внешней политики СССР³⁹.

В странах Запада не ощущается недостатка в выступлениях и против теории «тоталитаризма» в целом и ее основополагающих постулатов. Признаются, например, «неактуальными» параллели между социализмом и фашизмом, столь распространенные во времена «холодной войны». Концепция «тоталитаризма», которая когда-то была в моде, пишет американский «советологический» журнал «Рашн ревью», с недавних пор потеряла профессиональную репутацию по крайней мере среди многих представителей политической науки в США. Сравнения между Советской Россией и нацистской Германией редки, если они вообще проводятся...⁴⁰ Отвергается и постулат теории «тоталитаризма» о неспособности «коммунистических обществ к саморазвитию», служивший теоретическим фундаментом ее прогнозов. «Сегодня,— заявляет американский «советолог» А. Корбонски,— пожалуй, уже нет никого, кто еще бы подписывался под идеей о том, что в то время, как другие системы могут «изменяться», «развиваться» или «модернизироваться», коммунистические общества остаются неизменными, обнаруживают прочно утвердившиеся синдромы «тоталитарных», «мобилизуемых» или «подкомандных»⁴¹. В философском плане это означает признание полной несостоятельности метафизического взгляда на социалистическое общество. Что же касается постулата, отражающего связь теории «тоталитаризма» с империалистической доктриной «освобождения» социалистических стран, то прямые упоминания о нем встречаются реже: идеологи империализма предпочитают не говорить лишний раз о серьезном провале своей классовой стратегии.

Таким образом, с разных сторон подтверждая факт банкротства «тоталитаризма», антикоммунистические идеологи проводят и мысль о том, что ныне он «сдан в архив». На самом деле это далеко не всегда так.

Концепция «тоталитаризма» продолжает находить поклонников. В роли последних фигурируют приверженцы воннствующего антикоммунизма. В современной

³⁹ «World Politics», 1976, No. 4, p. 542.

⁴⁰ «The Russian Review», 1975, No. 4, pp. 505—506.

⁴¹ «Slavic Review», 1974, No. 2, p. 220.

обстановке они, как показывает опыт, берут, в частности, на себя миссию «охладить пыл» тех деятелей Запада, кто питает «иллюзорные надежды» на установление нормальных отношений с социалистическими странами. Усилия обратить миф об СССР как «тоталитарной» «империалистической» державе против политики международной разрядки и мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем характеризуют позицию многих участников коллективной работы «Советское влияние на международные отношения», вышедшей в Нью-Йорке под редакцией К. Лондона в 1974 г. Среди ее авторов видные «советологи» и создатели «ортодоксальных» западных «имиджей» социализма, изображающих его «тоталитарным» обществом: Л. Шапиро, А. Улам, Х. Сетон-Уотсон, А. Гроссер, М. Макинтош, Г. Хинтон, Ги и Ева Паукер, У. Барндс, Л. Гур, Ч. Маршалл, Т. Вольфе. Весьма показательно, что некоторые из них используют клеветнические домыслы и фальсификации «тоталитаризма» для обоснования прогноза, исключающего мирное сосуществование капиталистических и социалистических государств. Так, редактор книги К. Лондон заявляет: «Я ставлю главный вопрос: может ли тоталитарная диктатура поддерживать разумно стабильные отношения со странами, где основные политические убеждения диаметрально противоположны убеждениям диктаторов»⁴². Такая постановка вопроса носит явно провокационный характер. Это видно, даже если не вдаваться лишний раз в анализ ряда тенденциозно сформулированных понятий, которые используются в книге.

Дело в том, что мирное сосуществование государств с противоположным общественным строем уже давно перешло из области предположений и гаданий в сферу реальных фактов. Жизнь убедительно доказала не только его возможность, но и необходимость. Каждому трезвомыслящему человеку ясно, что при наличии запасов разрушительного термоядерного оружия мирное сосуществование становится коренным условием социального прогресса на Земле. Отказ от перспективы мирного сосуществования означает только одно: ориентацию на разрушительную войну. Это нанесло бы человечеству

⁴² «The Soviet Impact on World Politics». N. Y., 1974, p. 297.

непоправимый ущерб. С этой точки зрения и нужно оценивать позицию, сформулированную К. Лондоном.

Укрепление международных позиций СССР и стран социалистического содружества значительно расширяет возможности социализма в деле обеспечения мирных условий для решения человечеством задач социального и культурного прогресса. «...Никогда ранее Советская власть не имела таких больших возможностей влиять на международные дела в интересах мира, как теперь...», — отметил Ф. Кастро в речи на митинге кубино-советской дружбы в Гаване 30 января 1974 г.—...Новое соотношение сил позволяет питать надежду, что человечество сможет отстоять свои права на мирное будущее, в котором не будет постоянной угрозы мирового конфликта, столь чуждого идеалам социализма, и все народы в равной мере смогут пользоваться его драгоценными благами»⁴³.

Итак, попытки регенерации теории «тоталитаризма» продолжаются. Она используется в целях клеветы на социалистический строй, а также для отрицания мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств как единственной разумной альтернативы будущего международных отношений. Однако все это только оттеняет глубокий кризис данной концепции, а вместе с ней и всей идеологии воинствующего антикоммунизма.

Теоретическая и практическая несостоятельность догм «тоталитаризма» со всей серьезностью поставила перед «советологами» вопрос о путях дальнейшей эволюции взглядов на реальный социализм и его будущие перспективы. Вокруг обсуждения данной проблемы возникли острые споры, которые по сей день далеки от разрешения. Однако уже можно сделать некоторые выводы о том, как буржуазные идеологи представляют себе выход из кризиса.

Для отдельных реалистически мыслящих буржуазных ученых крах «тоталитаризма» явился серьезным толчком к объективному исследованию природы социализма и тенденций его развития.

Заметным событием в этом плане стала книга профессора Колумбийского университета Р. Хилсмэна «Вы-

⁴³ «Правда», 1974, 31 января.

зревающее будущее. Международная политика и внешняя политика США. Прогноз». Ее автор связан с либеральным крылом демократической партии США. Р. Хилсман выдвигает ряд убедительных и далеко идущих аргументов не только против теории «тоталитаризма», но и других буржуазных концепций социалистического, в частности, советского общества. Он подчеркивает, что социализм развивается по своим законам, указывает на руководящую роль КПСС и факт отражения в ее политике воли и интересов советского народа⁴⁴. Такие работы, однако, пока немногочисленны.

С отдельными проблесками трезвой оценки реально-го социализма и его перспектив можно встретиться и в книгах, подготовленных на рубеже 60—70-х годов профессиональными «советологами». Это относится, в частности, к работе «Перспективы советского общества», уже упоминавшейся нами. Любые попытки предвидеть будущее Советского Союза, по мнению авторов, должны считаться с признанием стабильности его социальных, политических и экономических институтов. Жизненность последних становится тем более очевидной, если учесть некоторые негативные явления в стране в отдельные периоды ее развития. Учитывая это, как подчеркивают авторы, нельзя все же надеяться на «крах» устоев социализма под давлением «внутренних или внешних конфликтов». Поэтому исходной предпосылкой социальных прогнозов о будущем Советского Союза должен служить вывод, не подвергающий сомнению прочность устоев социализма. «Сохранение стабильности институтов..., — говорится в книге, — будет, несомненно, оказывать мощное влияние на способ и темпы изменения общества в целом. Воля и способность коммунистической партии успешно играть мобилизующую роль в обществе должны рассматриваться в качестве ключевых факторов будущих событий»⁴⁵. Реализм данного вывода не вызывает сомнений. Вполне резонно предположить, что следование ему на практике позволило бы буржуазным идеологам более трезво взглянуть на будущее социализма в СССР и братских странах. То же относится и к другим выводам такого рода: все они облегчили бы

⁴⁴ «Правда», 1975, 19 сентября.

⁴⁵ «Prospects for Soviet Society», p. 497.

ориентацию в объективных тенденциях, присущих социализму, как и всякому иному общественному строю.

Однако реалистические моменты в работах «советологов» приходят в столкновение с антикоммунистическими установками. Опыт показывает, что верх пока одерживают последние. В то же время изыскиваются новые формы выражения антикоммунизма, так как старые антикоммунистические штампы в целом уже не отвечают интересам империализма.

Например, яркой особенностью концепций реального социализма становится подчеркивание «изменений» в социалистическом обществе, его «эволюции» и «развития». Примечательно и то, что источник «изменений» не выносится за пределы социалистической системы: его наличие предполагается в ней самой. Антикоммунистический взгляд на упомянутые «изменения» наиболее рельефно проявляется в понимании их направленности. «Изменения», как полагают «советологи», должны вести не к полному раскрытию природы социализма, а к постепенному отказу от нее. Так, авторы книги «Перспективы советского общества» открыто постулируют следующий тезис. Изменения внутри социализма, по их мнению, должны быть настолько значительными, чтобы «поставить под вопрос саму природу общества»⁴⁶. В достижении данной цели весьма существенная роль отводится фактору времени. Это выражается в подчеркивании длительности, непрерывности и постепенности изменений. Итак, социализм более не отождествляется с неким «застывшим» в своем развитии «обществом», а изображается в виде непрерывного процесса. Тем самым трактовке социализма придается известный футурологический оттенок, который отражает влияние «гибкого» антикоммунизма.

Конечно, все это характеризует лишь формальную сторону отношения «советологов» к социалистическому обществу и не затрагивает сути их взглядов. Стоит ли поэтому удивляться, что даже сторонники «гибких» приемов борьбы против социализма нередко выступают с такими «прогнозами» его развития, которые свойственны приверженцам примитивного, «твердолобого» антикоммунизма. Так, некоторые участники конференции по

⁴⁶ «Prospects for Soviet Society», p. 503.

глобальным проблемам 70-х годов, организованной Американской ассоциацией заграничной службы и проходившей в госдепартаменте, предвещали Советскому Союзу в нынешнем десятилетии некий «внутренний политический кризис...»⁴⁷ Подобное «соскальзывание» с одной антикоммунистической позиции на другую продиктовано, конечно, самой приверженностью к антикоммунизму. Во всяком случае оно подчеркивает первостепенное значение, придаваемое его стратегическим целям, и подчиненную роль форм и способов идейного выражения этих целей.

Однако и новые формы выражения антикоммунизма не спасают «советологическую футурологию» от внутреннего кризиса. Проявлением его продолжают служить и разноречивые сами по себе понятия о социализме, и раздражающие их внутренние противоречия. В самом деле, с одной стороны, признание стабильности социальных, экономических и политических институтов социалистического строя, а с другой, навязчивая идея об «изменении» его природы в ходе настоящего и будущего развития. Это лишь одно из типичных противоречий «советологической футурологии», которые вызваны желанием совместить несовместимое: реальные факты исторического развития с иллюзиями отживающего свой век реакционного класса.

Правда, «советологическая футурология» не отказывается от надежд разрешить свои противоречия, не меняя антикоммунистической основы. Это усиливает крен в сторону «гибкого» антикоммунизма, так как именно он пронизывает классовую стратегию империализма в условиях мирного сосуществования государств. Отсюда основная перспектива развития стран социализма ассоциируется с «центробежными тенденциями» и движением к «плюралистическому» (т. е. буржуазному) обществу, существенным признаком которого считается «увеличение автономии индивидуумов и групп». Но голые антикоммунистические «доводы» в пользу «плюрализации» социализма в перспективе явно недостаточны даже в глазах антикоммунистов. Поэтому ее ожидание пытаются подкрепить также ссылками на ход современной научно-технической революции. Буржуазные идео-

⁴⁷ «U. S. News and World Report», 1968, December 9.

логи утверждают, будто все страны, ставшие на путь использования новейших достижений науки и техники в целях развития производства, так или иначе устремляются к «индустриальному» обществу. Это якобы происходит под воздействием комплекса факторов, объединяемых понятием «индустриализм». Сюда, в частности, включаются: характер современной технологии; система массового образования; ключевая роль современных городов; высокий уровень развития транспорта и коммуникаций; доминирующая позиция научных проектов; рационализация процессов организации производства и использования человеческих ресурсов; бюрократизация разных социальных функций; высокий уровень жизни; уменьшение влияния первичных социальных групп (семьи, локальных отношений)⁴⁸. Называя эти факторы, «советологическая футурология» в то же время далека от полной уверенности в их способности поставить развитие капитализма и социализма на одни и те же рельсы.

Таким образом, положительные социально-политические сдвиги в мире, а также научно-техническая революция обуславливают необходимость приспособления империализма к новой исторической обстановке. В результате реальный социализм уже не отождествляется более с состоянием своеобразного «социального застоя», а фактически приравнивается к развитию высокоиндустриальных государств. С этих позиций футурологи начинают осмысливать и будущее социалистических стран. Таков один из показательных итогов эволюции «советологической футурологии».

Он, конечно, не явился сам собой. Ему предшествовал процесс переоценки укоренившихся на длительный срок буржуазных понятий о реальном социалистическом обществе. Процесс переоценки был порой весьма мучительным, но и напор объективных фактов был слишком сильным, чтобы «советологи» могли устоять перед ним.

Построение и упрочение развитого социалистического общества в СССР открыли широкий простор для более полного проявления объективных закономерностей социализма. Стали все явственнее вырисовываться исторические преимущества нового строя во всех областях

⁴⁸ «Prospects for Soviet Society», pp. 504—505.

общественной жизни. Это убедительно прослеживается, например, в экономическом соревновании СССР и США. В 1917 г. наша страна по производству промышленной продукции отставала от Соединенных Штатов не меньше чем в восемь раз. Затем это отставание даже несколько увеличилось. Но уже в годы довоенных пятилеток благодаря социалистическим преобразованиям всех сторон общественной жизни в Советском Союзе разрыв начал постепенно сокращаться.

Крутой сдвиг в преодолении отставания приходится на этап, относящийся к зрелой социалистической экономике. Если еще в 1950 г. наша промышленность выпускала менее 1/3 продукции, производившейся в США, то в последующие десятилетия положение резко меняется.

Особенно крупные результаты получены в течение десятилетия, предшествующего 60-й годовщине Советской власти. За одно десятилетие, как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», практически удвоился экономический потенциал нашей Родины. Вошло в строй около четырех тысяч крупных промышленных предприятий. На основе современных достижений науки и техники реконструированы тысячи действующих заводов и фабрик. Широким фронтом развернулось осуществление гигантских комплексных программ⁴⁹. Все это оказало решающее влияние на ход мирного соревнования с Соединенными Штатами. В 1975 г. в СССР промышленное производство поднялось до уровня, который превышал 4/5 того, что давала промышленность самой сильной в мире капитализма державы. Более того, по добыче нефти, угля, железной руды, выплавке стали, чугуна, по производству тепловозов, электровозов, тракторов (суммарной мощности двигателей), цемента, хлопка, льна, минеральных удобрений и ряда других важнейших видов продукции наша страна опередила США и прочно заняла первое место в мире⁵⁰. Достигнутое не предел. Динамичное развитие советской экономики позволяет Советскому Союзу наращивать успехи на экономическом поприще и в других

⁴⁹ «Коммунист», 1977, № 2, с. 6—7.

⁵⁰ См.: П. Федосеев. Октябрьская революция и социальный прогресс.— «Правда», 1977, 11 февраля.

областях общественной жизни. Это яркое свидетельство того, что социализм прочно овладевает инициативой в борьбе за историческое будущее человечества.

Необходимость считаться с фактами социально-экономического и культурного развития социалистического общества в деле предвидения его перспектив вынуждены констатировать и ведущие «советологические» издания. Затрагивая вопрос о сущности реального социализма и его перспективах, антикоммунистический журнал «Проблемы коммунизма», издаваемый Информационным агентством США, останавливается на некоторых узловых моментах, характеризующих изменение «советологических» концепций социализма. В годы «холодной войны» на советское общество наклеивался ярлык «тоталитаризма». «Школа» в «советологии», следовавшая по данному пути, не смогла продержаться слишком долго. Уже в начале 60-х годов многие буржуазные идеологи отошли от классической теории «тоталитаризма» и предпочли ее модифицированные трактовки. Но и последние оказались недолговечными. Это побудило «советологов» искать ответы на вопросы о будущем социалистического общества в сопоставлении его развития с развитием «высокоиндустриальных обществ» Запада. Методологическая база здесь сводится к тому, что научно-техническая революция ставит такие проблемы, которые якобы приобретают автономный характер по отношению к общественно-экономическим системам. Сегодня, как отмечает журнал, внимание «советологов» направляется на те проблемы, которые Советский Союз имеет наравне с другими индустриально-развитыми странами. Поэтому дискуссия о его будущем подчиняется «общему вызову» «постиндустриального» общества⁵¹.

Таким образом, эволюция буржуазных взглядов на реальный социализм свидетельствует о том, что футурологи вынуждены примириться с мыслью о способности социализма успешно решать проблемы, выдвигаемые общественным развитием. Правда, эти идеи облачаются в антикоммунистическую форму и нередко соседствуют с прямой клеветой на социализм вроде измышлений о «деидеологизации духовной жизни в социалистическом обществе», ее мнимом «освобождении» от марксистско-

⁵¹ «Problems of Communism», 1975, No. 6, p. 46.

ленинской идеологии и т. п. Американский «советолог» Дж. Биллингтон, например, прогнозирует возможность вступления СССР «в новую постидеологическую эру увеличения материального изобилия»⁵². Однако подобные экскурсы в область неприкрытого антикоммунизма не могут изменить общей логики, которая обнаруживается в развитии буржуазных взглядов на социализм, а также в оценках исторических перспектив социалистического общества.

Главное, как нам представляется, состоит все же в следующем. Во-первых, надо подчеркнуть то обстоятельство, что совершенно независимо от воли «советологов» их взгляды на реальный социализм и его будущее отражают полный крах антикоммунистической идеологии и политики империалистических кругов в отношении СССР и стран социалистического содружества. Это относится к любому антикоммунизму независимо от формы его выражения. Реалистическое высказывание о том, что никакая разновидность антикоммунизма не может обеспечить Западу нормальных отношений со странами социалистического содружества, появилось на страницах лондонской газеты «Таймс». Предпосылкой переговоров между Западом и Востоком, как писала газета, должно быть понимание Западом того факта, что свержение социалистического строя посредством прямого или косвенного вмешательства в дела социалистических стран невозможно⁵³. Эти слова относятся в равной мере и к антикоммунистическим идеям. Признание кризиса антикоммунизма логически подводит к отказу от него.

Во-вторых, в ходе эволюции «советологических» воззрений на социализм достигнут известный «предел», который характеризуется тем, что «советологи» вынуждены сопоставлять капитализм и социализм друг с другом при рассмотрении их настоящего и будущего развития. Этот факт знаменует собой новый элемент буржуазных концепций о реальном социализме. И все же классовые интересы не позволяют «советологам» окончательно примириться с существованием социализма, ни тем более открыто признать его историческое превосходство

⁵² «Prospects for Soviet Society», p. 468.

⁵³ «The Times», 1973, January 3.

перед капитализмом. Поэтому, проводя сопоставление двух систем в решении тех или иных проблем общественного развития, «советология» делает главный упор на продолжение борьбы против социалистического строя.

В-третьих, отсутствие подлинных данных, свидетельствованных бы о способности капитализма противостоять историческому вызову социализма, создает обстановку, в которой антикоммунизм представляется современной буржуазии единственным средством защиты своих интересов. С этих позиций идеологический и пропагандистский аппарат империализма усиленно воздействует на сознание масс. Однако кампания антикоммунизма, как отмечает Председатель Коммунистической партии Австрии Ф. Мури, является не признаком силы, а свидетельством слабости капитализма. Эта кампания является попыткой отвлечь внимание от растущих противоречий, кризисных явлений и безвыходности положения капитализма, реакцией на его многочисленные поражения⁵⁴. Антикоммунизм, учитывая отсутствие у капитализма исторической перспективы, всячески препятствует пониманию массами причин создавшегося положения.

Все это еще раз подчеркивает постоянно углубляющуюся противоречивость буржуазных понятий о социалистическом обществе и путях его развития. Указанная противоречивость является отражением и продолжением имманентных противоречий, присущих всей классовой стратегии международного империализма, осью которой остается антикоммунизм.

Борьба непримиримых противоречий настойчиво ставит перед «советологической футурологией» следующий вопрос: должна ли она стремиться к объективному и, следовательно, более научному отражению социализма или же оставаться в услужении у антикоммунистических стратегов империализма. Из двух возможных решений представители «советологической футурологии» пока явно предпочитают второе. Отсюда — постоянные рецидивы антикоммунизма, в частности, в сфере буржуазного прогнозирования будущего реального социализма.

Влияние практических задач и установок империали-

⁵⁴ «Правда», 1977, 9 февраля.

стической стратегии борьбы против социалистических стран определяет не только общее направление процесса эволюции буржуазных представлений о реальном социализме. Оно сказывается и на конкретном содержании этого процесса, обуславливая постановку тех или иных вопросов.

В настоящее время «советологическая футурология» уделяет много внимания «исследованию» движущих сил развития социалистического общества. Подходя к данному вопросу с антикоммунистических позиций, империалистические идеологи стремятся связать свои взгляды на будущее реального социализма с деятельностью всякого рода антисоциалистических элементов: ревизионистов, националистов, «диссидентов» и т. п. Более того, сама футурология представляется в качестве удобного средства для налаживания чего-то наподобие «диалога» именно с теми лицами внутри компартий и социалистических стран, кто в чем-либо отстывает от марксизма-ленинизма и склонен к переходу на позиции буржуазной идеологии.

Такая линия выдает антикоммунистическую ориентацию футурологии. Поэтому ее представители нередко пользуются средствами маскировки. О. Флехтхайм, например, заявляет, что в современной классовой борьбе футурология не примыкает ни к одной из борющихся сторон. Футурологию, по его мнению, можно понимать в качестве «третьей силы» между капитализмом и коммунизмом. Однако это заявление тут же опровергается его автором. Далее он утверждает: «Как элемент динамического, демократического и свободолюбивого гуманизма она (футурология.—В. Б.) будет искать в первую очередь диалога с самыми либеральными и самыми практическими умами в коммунистическом лагере»⁵⁵. К этим «умам» О. Флехтхайм в первую очередь относит (пользуясь его же терминологией) «неконформистов» и «ревизионистов». Не меньшим «почетом» в стане идеологов антикоммунизма пользуются националисты.

Поиск и всемерная абсолютизация националистических тенденций, а также их распространение на все сферы общественной жизни фактически превращаются

⁵⁵ О. К. Flechtheim. Futurologie. Der Kampf um die Zukunft. Köln, 1971, S. 307.

в один из важнейших элементов, составляющих фундамент буржуазного предвидения будущего социализма. Национализм изображается даже неким «сознанием будущего»⁵⁶. Здесь налицо попытки империалистической идеологии разложить интернационалистическое сознание советских людей, которое формируется и утверждается в борьбе за коммунизм.

«Советологическая футурология» изучает националистические проявления по нескольким направлениям. Во-первых, «советологи» обнаруживают повышенный интерес к национальным особенностям и чертам социалистического строя в каждой отдельной стране, видя в них «противовес» его интернациональному содержанию. Во-вторых, усиленно изыскиваются «специфические», «традиционные» корни «советской модели социализма» с целью противопоставить ее социализму в других странах и выхолостить международное значение советского опыта революционных преобразований⁵⁷.

Национализм, с какой стороны он бы ни рассматривался, в корне противоречит интересам народов социалистических стран, международного рабочего класса. Трудящиеся всего мира в борьбе против ига капитала опираются на могучую силу своего интернационального братства. Интернационализм является путеводной звездой, которая освещает рабочему классу и его союзникам путь к главной цели — созданию справедливого общественного строя, определяемого марксистско-ленинскими идеалами. «Пролетарский интернационализм,— подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»,— важнейший, проверенный жизнью принцип деятельности коммунистов. Он пронизывает все содержание теории и практики научного коммунизма. Под знаменем интернационализма была одержана победа Октября, укреплялись позиции первого социалистического государства, возникла мировая система социализма, крепнет и развивается содружество социалистических государств, растет и сплачивается международное коммунистическое, рабочее движение. КПСС неизменно исходила и исходит из коренных интернациональных

⁵⁶ «Europa—Archiv», 1974, Nr. 23, S. 784.

⁵⁷ «Problems of Communism», 1975, No. 6, p. 47.

интересов социализма, всего революционного движения»⁵⁸. Интернационализм был и остается испытанным оружием всех революционеров.

Подлинный интернационализм никогда не выступал и не выступает против действительного патриотизма, национальных интересов, необходимости учитывать национальные особенности той или иной страны и т. п. Марксизм-ленинизм, как известно, исходит из признания диалектического единства интернациональных и национальных моментов, а не противопоставления их друг другу.

Вместе с тем само это единство рассматривается марксистами в постоянной динамике и с учетом конкретно-исторических условий. Такого подхода к данной проблеме придерживается советская наука. Советский философ Ф. Т. Константинов подчеркивает, например, что диалектическое единство социалистического патриотизма и интернационализма в условиях социалистического общества не является единовременным актом или раз навсегда установленным уровнем, дальше которого некуда двигаться. Это постоянный и непрерывный процесс развития. Достижение определенной степени сочетания национальных и интернациональных интересов не означает, что сближение социалистических стран прекратится. Жизнь неизбежно выдвигает новые задачи, требуется новая, еще более высокая степень сближения. И достигнута она будет не за счет противопоставления национальных интересов интернациональным, а на основе их гармоничного сочетания или диалектического единства⁵⁹. Диалектическое понимание взаимодействия интернационального и национального моментов весьма важно с точки зрения практики революционных преобразований, причем не только в настоящем, но и в будущем.

В этом плане следует еще раз обратить внимание на непреходящую ценность опыта, накопленного в ходе решения национальной проблемы в нашей стране. Последовательная реализация ленинских принципов национальной политики в Советском Союзе, как указывается в постановлении ЦК КПСС о «60-й годовщине Великой

⁵⁸ «Коммунист», 1977, № 2, с. 13.

⁵⁹ См.: Ф. Т. Константинов. Проблемы интернационализма и патриотизма в современной идеологической борьбе. В кн.: «Философия и современность». М., 1976, с. 106.

Октябрьской Социалистической революции», позволила обеспечить фактическое равенство всех наций и народностей во всех сферах общественной жизни, привела к утверждению подлинного братства людей труда и ведет к дальнейшему всестороннему сближению всех народов⁶⁰. Все это означает неуклонную реализацию в нашей стране марксистско-ленинского идеала братских отношений между представителями разных народов и рас.

Страшась достижений Советского Союза в деле решения национальной проблемы, а также их влияния на борьбу угнетенных народов во всем мире, представители «советологической футурологии» изобретают прямые небывлицы насчет «подъема» национализма в нашей стране, придавая им форму социальных прогнозов.

Национализм был и остается коварным оружием буржуазии, с помощью которого она стремится к подрыву социалистического содружества. Однако ставка на голый национализм уже не приносит желаемого эффекта. Поэтому наши классовые недруги пытаются сочетать национализм с антисоветизмом, всячески обращают националистические тенденции против Советского Союза, придавая им ярко выраженную антисоветскую заостренность.

В центре антисоциалистических устремлений империализма и международной реакции всегда находился Советский Союз — родина Великого Октября, оплот освободительной борьбы трудящихся всего мира. Непокколебимая верность нашей партии и народа всепобеждающему учению марксизма-ленинизма, последовательная поддержка дела освобождения масс от гнета капитала вызывают яростные идеологические атаки наших классовых противников. На XXV съезде КПСС отмечалось, что «империалистическая пропаганда предпринимает большие усилия, чтобы опорочить советское общество, в ложном свете представить его общественно-политическую жизнь»⁶¹. При этом характерно, что накал антисоветских пропагандистских кампаний империализма с обострением кризиса капиталистического общества заметно увеличивается.

⁶⁰ «Коммунист», 1977, № 2, с. 7—8.

⁶¹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 131.

Обращение к «спасительному» средству антисоветизма никогда не свидетельствовало о силе буржуазии. И сегодня оно говорит прежде всего об отсутствии в ней веры в будущее капиталистического строя. Антисоветизм, как подчеркивают участники Международной теоретической конференции марксистов, проходившей в Тихани (ВНР) в мае 1976 г., — яркий симптом классового страха защитников империализма перед крепостью и могучим оплотом социализма, демократии и мира, страха перед реальным социализмом. Вместе с тем коммунисты считают актуальным дальнейшее усиление и совершенствование совместной борьбы против любых проявлений антисоветизма. В современных условиях, когда отношение к СССР выдвигается в центр идеологического поединка, больше, чем когда-либо, недооценка опасности антисоветизма, терпимость к нему ослабляют позиции антиимпериалистических сил⁶².

Антисоветизм характеризует ныне главный плацдарм подрывной деятельности империализма против Советского Союза и стран социализма, против мирового революционного процесса. Уже одно это требует его рассмотрения в постоянном единстве с антикоммунизмом. Именно такой позиции придерживались участники Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Они подчеркнули недопустимость противопоставления антикоммунизма и антисоветизма друг другу. Таким образом, были развенчаны планы империалистических и ревизионистских кругов разделить данные явления и навязать коммунистам примиренческое отношение к антисоветизму⁶³. Коммунисты заявили о своей решимости и впредь вести неослабную борьбу против антисоветских происков империализма и его слуг во имя лучшего будущего народов Европы и других континентов.

В процессе модернизации классовой стратегии империализма претерпевают известные изменения не только содержание, но и формы буржуазных воззрений на реальный социализм и его будущее. В настоящее время эти проблемы трактуются, как правило, в рамках «теорий». Социалистическое общество выступает в них не

⁶² «Проблемы мира и социализма», 1976, № 9, с. 50.

⁶³ Там же, с. 6.

обособленно, а рассматривается на общем фоне исторического процесса, в сопоставлении с капиталистическим обществом, при этом косвенно подтверждается жизненная сила социализма. Этот факт свидетельствует о намерении буржуазных идеологов облечь свои классовые выводы покровом научной достоверности. Расчет в конечном итоге заключается в том, чтобы использовать авторитет науки для обмана масс, для насаждения среди них превратных представлений о социалистическом строе.

Видную роль прогнозированию развития социалистического общества отводят ныне буржуазные концепции «эволюционизма», «плюрализма», «конвергенции». При этом содержание прогнозов определяется установками модернизированной классовой стратегии империализма и выражает его курс на ведение борьбы против социалистической системы как целого и отдельных стран социализма. Поэтому разные названия отнюдь не противопоставляют указанных концепций друг другу, ибо отражают лишь особенности подхода, но не понимание сути дела их авторами. Во всех случаях прогнозируется постепенная трансформация реального социализма в капитализм. Но каждый делает это на свой лад.

Приверженцы доктрины «эволюционизма» толкуют, например, о якобы происходящих «процессах» в сфере «государственной власти» и «политической структуры» социализма, обуславливающих, дескать, его «разрыхление». Проиллюстрируем это конкретным примером. С позиций «эволюционизма» написана коллективная работа «Советская политика и общество в 70-е годы»⁶⁴, вышедшая в Нью-Йорке в 1974 г. под редакцией Г. Мортонна и Р. Текеша. Авторы заявляют в ней о «сохраняющейся способности» советской системы к непрерывному «эволюционному изменению». Генеральная перспектива такого изменения, как это подчеркивает, например, Р. Текеш, заключается в «росте взаимозависимости» между социалистическим строем, с одной стороны, и его «внутренними прагматически настроенными критиками», с другой⁶⁵. Фактически это означает следующее. Р. Текеш, не имея на то решительно никаких

⁶⁴ «Soviet Policy and Society in the 1970's». N. Y., 1974.

⁶⁵ *Ibidem*, p. 40.

оснований, постулирует возрастание роли «диссидентов» и ставит в прямую зависимость от нее будущее советского общества. Другими словами, попросту предсказывается будущая «капитуляция» социалистического строя перед антисоциалистическими и антиобщественными элементами. Характер и качество подобного «прогноза» говорят сами за себя и вряд ли нуждаются в более детальных оценках.

Особенностью двух других концепций, как отмечает-ся в марксистской литературе, служат антисоциалистические спекуляции на некоторых процессах мирового развития.

С. П. Трапезников характеризует «конвергенцию» и «плюрализм» как «модные концепции» идеологов антикоммунизма, используемые для дезориентации масс относительно объективных тенденций развития реально существующего социалистического общества. «Если идеологи *конвергенции*, — пишет он, — извращенно отражая объективно действующую тенденцию интернационализации экономических связей в масштабе всего мирового хозяйства, проповедуют теорию «врастания» социализма в капитализм, то идеологи *плюрализма*, отражая в своей концепции также объективно действующие тенденции национальной самостоятельности и независимости, стремятся расщепить единое по частям и придать каждой из них самодовлеющее значение, метафизически противопоставить национальное интернациональному и возвести его в абсолют»⁶⁶. Неверное толкование тенденций современного мирового развития каждая из отмеченных теорий пытается перенести на социалистическое общество и таким образом «обосновать» выдвигаемый ею прогноз.

Концепция «плюрализма» строит свой прогноз развития реального социалистического общества прежде всего на предположении о дифференциации основных сфер его жизни по аналогии с тем делением, которое существует при капитализме. Проповедуется «плюрализм» («множественность») экономических, политических, социальных и других интересов и соответственно экономических институтов, политических партий, социальных

⁶⁶ С. П. Трапезников. Интеллектуальный потенциал коммунизма. М., 1976, с. 88—89.

групп, находящихся в состоянии конкуренции друг с другом.

Наконец, теория «конвергенции» в своем прогнозе будущего социализма исходит из рассмотрения «параллельного развития» противоположных общественных систем. Уже этот факт говорит о том, что ее прогноз однотипен с первыми двумя. Вместе с тем теория «конвергенции» во многом систематизирует и синтезирует прогнозы относительно будущего реального социализма, включая в себя «эволюционистские» и «плюралистические» идеи. Поэтому она и пользуется особым вниманием империалистических идеологов.

3. Теория «конвергенции» и стратегия «эволюционного подрыва» социализма

Конкретным продуктом модернизации арсенала современной буржуазной идеологии, в частности «советологии», их приспособления к новой политической реальности на мировой арене является теория «конвергенции», в основе которой лежит мысль о неизбежном «сближении» и «слиянии» капитализма и социализма.

В виде общего прогноза, ориентирующего классовую стратегию международного империализма на постепенную ликвидацию социалистического строя с помощью изощренных средств идейно-политического характера, теория «конвергенции» выступает уже не первый десяток лет. Ее разработка применительно к условиям углубляющегося раскола мира на две общественно-экономические системы началась уже в первые годы после второй мировой войны.

Во второй половине 40-х годов в духе возможной «конвергенции» капитализма и социализма высказался, например, известный английский историк Э. Х. Карр. В лекциях, прочитанных им в Оксфорде⁶⁷, он сформулировал положение о том, что «советское влияние на западный мир» следует рассматривать в контексте более широкого «вызова индивидуализму и демократии», который исходит от «передовой технологии и массового общества». В то время взгляды Карра не привлекли к себе

⁶⁷ E. H. Carr. *Soviet Impact on the Western World*. N. Y., 1947.

существенного внимания. Империалистические стратеги были заняты тогда разработкой планов новой войны против социализма и нуждались в иных концепциях.

Однако разработка теории «конвергенции» продолжалась. В 50-е и последующие годы в философско-исторических и социально-экономических трудах буржуазных ученых можно встретить много элементов конвергентного подхода к пониманию будущего социалистического и, в частности, советского строя. Примером могут служить книги французского социолога Р. Арона «Советское общество и будущее свободы» (1957 г.), английского социолога И. Дейчера «Россия: что далее?», американского социолога У. Росту «Динамика советского общества» (1954 г.) и «Стадии экономического роста» (1960 г.), а также работы голландского экономиста Я. Тинбергена «Обнаруживается ли в развитии коммунистических и свободных обществ модель конвергенции?» (1961 г.), «Роль методов планирования в сближении структуры Востока и Запада» (1966 г.) и американского экономиста У. Бакингема «Теоретические экономические системы. Сравнительный анализ» (1958 г.).

В настоящее время считается общепринятым мнение, согласно которому именно труды упомянутых авторов кладут начало целому течению в современной буржуазной идеологии, именуемому теорией «конвергенции».

Однако некоторые западные исследователи, занимающиеся изучением тех вариантов теории «конвергенции», где речь идет о «сближении», а в перспективе и «слиянии» капиталистической и социалистической экономики, полагают, что подобная постановка проблемы дается представителями буржуазной политической экономики еще в 20-е годы нашего века. Называются, в частности, работы Л. фон Мизеса, В. Рёпке, Ф. Хайека, Ойкена и Мюллер-Армака.

Научная критика теории «конвергенции» в тесной связи с рассмотрением проблем современной идеологической борьбы дается в ряде трудов советских ученых и зарубежных марксистов⁶⁸.

⁶⁸ Лениннизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе. М., 1970; Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма (критический анализ). М., 1970; М. Б. М и т и н. В. И. Ленин и актуальные проблемы философии. М., 1971; Г. А. А р б а т о в. Идеологическая борьба в со-

Конвергентные идеи, получившие широкое распространение на Западе во второй половине 50-х и в 60-е годы, отнюдь не утратили своей роли в идеологической борьбе на мировой арене, а также внутри отдельных капиталистических стран и в течение нынешнего десятилетия. Поэтому работу по критическому преодолению данной концепции пока еще нельзя считать завершённой. В процессе ознакомления с совокупностью конвергентных идей обнаруживаются, например, такие их стороны и компоненты, которые исследованы, на наш взгляд, недостаточно полно. В этом нет ничего удивительного, ибо в данном случае марксистские исследователи имеют дело не с обычной, а с «синтезирующей» теорией, в рамках которой наши классовые противники пытаются противопоставить марксистско-ленинской идеологии комплексную систему философских, социальных, политических и экономических взглядов. Указанная система ориентируется не только и даже не столько на объяснение настоящего, но, пожалуй, преимущественно на предвидение будущего. Конечно, это не мешает ее использованию идеологами империализма для текущих нападков на социализм.

Нуждаются, по нашему убеждению, в исследовании те компоненты теории «конвергенции», где основное внимание отводится развитию мирового социалистического содружества и проблемам строительства социализма и коммунизма в отдельных братских странах. Говоря о необходимости критики разных сторон теории «конвергенции», мы считали бы уместным поддержать мнение В. Г. Смолянского, который обращает внимание на определяющее место теории «конвергенции» в обосновании внешнеполитических курсов империалистических держав в отношении мировой социалистической системы, в империалистической пропаганде, направленной на страны Центральной и Юго-Восточной Европы⁶⁹. Про-

временных международных отношениях. М., 1970; Е. Д. Модрижская. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1970; Кризис идеологии антикоммунизма. М., 1973; Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971; В. Г. Смолянский. Социалистическая организация общества и антикоммунизма. М., 1974.

⁶⁹ См.: В. Г. Смолянский. Социалистическая организация общества и антикоммунизм, с. 20.

должение марксистской критики данной концепции нужно тем более, если учесть, что конвергентный подход приобретает ныне важное значение во всей совокупности современных буржуазных взглядов на реальный социализм, его настоящее и будущее.

Чем можно объяснить довольно стойкий интерес империалистической идеологии к теории «конвергенции» капитализма и социализма, в частности, как футурологической концепции? Это обусловлено рядом причин, среди которых, по нашему мнению, целесообразно выделить следующие.

Во-первых, постоянно углубляющийся кризис современной буржуазной идеологии, усиление реакционного содержания ее идей и методологии. Империалистические идеологи уже давно лишились элементов научного подхода к пониманию смысла истории и объективных тенденций ее развития. Они испытывают большие трудности и в разработке наукообразных объяснений общественной жизни. Хотя речь идет об известных суррогатах научной теории, создание их не является чисто произвольным актом того или иного идеолога. Требуется учет определенных явлений внутри буржуазной идеологии, а также хода идеологической борьбы на международной арене. Развитие империализма по нисходящей линии, общее ослабление его позиций в мире, невозможность преодолеть антагонистические противоречия буржуазного общества на базе государственно-монополистического капитализма вынуждают сторонников отживающего строя усиленно маневрировать в сфере идеологии. Однако поле для этого отнюдь не безгранично. Имеются пределы маневрирования. Причем они постоянно сужаются. Особенно это заметно в области теории.

Во-вторых, некоторые особенности самой теории «конвергенции». В первую очередь следует отметить соединение в ней такого видения будущего, на которое ориентируется классовая стратегия империализма, с видимостью научного анализа исторических процессов. Теория «конвергенции» выделяется из массы буржуазных концепций своим «универсализмом», известной широтой охвата общественной жизни, а также драматизацией того факта, что современный мир расколот на две общественно-экономические системы. Будущее человечества ставится в прямую зависимость от того, как будет раз-

решено противоречие между обеими системами. «Универсализм» дополняется формальным стремлением к детальному анализу процессов, происходящих внутри каждой системы. Все это вызывает впечатление конкретного, делового подхода, что само по себе немало важно.

Кроме того, теория «конвергенции» основывается на идее изменения, развития общественной жизни. Правда, развитие понимается узко и недialeктически, в духе плоского эволюционизма. Но даже такое понимание имеет известные преимущества в сравнении с явно антинаучными концепциями, основанными на принципе «равновесия» систем. К этому надо добавить, что сторонники теории «конвергенции» занимаются выяснением экономических, социальных, политических, культурных факторов движения разных общественных систем по направлению к запрограммированной теорией «общей цели». Последнее связано с оценкой общественной роли различных классов, социальных групп, политических партий и т. д. Деятельность социальных и политических сил, олицетворяющих широкие народные массы, — решающий фактор формирования будущего. Поэтому уже одно внимание к подобным проблемам способно принести немалые идеологические дивиденды, создать видимость объективности и научности.

Конечно, охватывая широкий круг разных явлений и рассматривая их не в статике, а в динамике, теория «конвергенции» добивается некоторых преимуществ над другими буржуазными концепциями, но все-таки не преодолевает присущих им коренных недостатков. Это относится к пониманию закономерностей общественного развития. Подчеркивая важность данной проблемы, сторонники теории «конвергенции» все же игнорируют общие закономерности исторического процесса, а также объективные законы развития капиталистической и социалистической систем. Исследование реального движения общественной жизни подменяется сочинительством надуманных ее схем. Спекуляция на некоторых фактах исторического развития и наукообразность, разумеется, несколько не приближают конвергентную концепцию к научным теориям о настоящем и будущем общества.

При всех своих особенностях и претензиях теория «конвергенции» представляет собой теоретическое ору-

жие, ставящее своей целью ликвидацию социализма как общественной системы и подлинно революционного учения. Проповедуя «конвергенцию», буржуазные идеологи пытаются также обновить миф о «здоровой природе капитализма» и проводят свою классовую линию на увековечение власти империалистической буржуазии⁷⁰. Подобные цели — наглядное выражение антикоммунизма, который несовместим с научным пониманием перспективы будущего.

И все же как бы ни импонировала буржуазным идеологам наукообразность теории «конвергенции», главное ее достоинство заключается для них в классовой роли данной концепции по отношению к социалистическому строю. В докладе П. Н. Демичева на Международной конференции в Москве в январе 1970 г., посвященной проблемам борьбы с современным антикоммунизмом, отмечается, что антикоммунисты в проведении идеологических диверсий против социалистических стран выступают под флагом так называемой «конвергенции», «сближения» социализма и капитализма. Извращая процессы индустриального, научно-технического и социально-политического прогресса в социалистических странах, они пытаются придать экономическим реформам, процессам развития социалистической демократии, преодолению последствий культа личности интерпретацию, направленную против принципов социализма⁷¹. Антисоциалистическая направленность, а также обращение к актуальным фактам развития борющихся систем, политическая злободневность — все это продолжает привлекать внимание правящих кругов Запада к теории «конвергенции». Немаловажное значение здесь имеет и то, что в ней делается акцент на прогнозирование будущих конвергенционных процессов. Буржуазные идеологи особо подчеркивают прогностический характер теории «конвергенции». «В положении о том, что две системы приближаются друг к другу,— заявляет западногерманский социолог К. Больц,— заключается настоящий прогноз»⁷². Нередко это сопряжено с политическим реформизмом, обещаниями решить в будущем те или

⁷⁰ См.: Б. И. Королев. Антисоветизм в глобальной стратегии империализма. М., 1974, с. 215.

⁷¹ «Против современного антикоммунизма», с. 24.

⁷² «Wirtschaftsdienst», 1972, Nr. 3, S. 149.

иные политические и социальные проблемы капиталистического общества.

Разрядка напряженности и ее превращение в доминирующую тенденцию международной жизни ведут к новым, весьма активным попыткам идеологов империализма поднять на щит конвергентные идеи. Мысль о «конвергенции» социализма и капитализма пропагандируется на страницах книги «Мир в процессе изменения», вышедшей в ФРГ в качестве авторитетного ответа на вопрос о будущем двух общественно-экономических систем. «В разгар борьбы между капитализмом и коммунизмом,— заявляет автор предисловия к этой книге Т. Кох,— я делаю ставку на теорию конвергенции, на ожидание того, что системы в силу необходимости будут сближаться, смогут учиться друг у друга исходя из мирного сосуществования»⁷³. Столь ярко выраженный энтузиазм по поводу теории «конвергенции» не случаен; он вызывается известным классовым расчетом.

В условиях мирного сосуществования государств наши классовые противники связывают с конвергентными идеями свои надежды на замораживание объективных процессов исторического развития, на постепенное «устранение» антагонизма между капитализмом и социализмом и установление «классового мира», на «смягчение» противоборства марксистско-ленинской и буржуазной идеологий.

В идеологическом плане теория «конвергенции» выступает в роли «идейного противовеса» концепциям, так или иначе отражающим неизбежность раскола мира на две общественно-экономические системы. «...Теория конвергенции,— утверждает западногерманский политолог Д. Гёргмайер,—...служит мостом между самыми различными монистическими и плюралистическими представлениями о ценностях. Те, кто питает глубокое отвращение к разделенному миру, будут рассматривать этот маленький теоретический мостик над глубокой пропастью в качестве луча света в мире, который характеризуется антагонистическими политическими и идеологическими противоречиями»⁷⁴. Дополняя эти идеи мыслью «об убывании противоречивости в отношениях

⁷³ «Welt im Wandel», S. 20.

⁷⁴ «Osteuropa», 1974, Nr. 2, S. 98.

между Востоком и Западом», автор вспоминает и о каких-то «неиспользованных возможностях конвергенции на более высоком уровне с более сильной демократической системой»⁷⁵. Это лишь некоторые из попыток наших классовых противников активизировать роль теории «конвергенции» в современной идеологической борьбе.

Утверждение принципов мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем на мировой арене сопровождается не только регенерацией и дальнейшим развитием конвергентных идей, но и интенсивным использованием их в сфере империалистической пропаганды. На примере теории «конвергенции» мы все более сталкиваемся с такой концепцией, которой придается стратегическое значение в борьбе против теории и практики марксизма-ленинизма. Отсюда и постоянная потребность в последовательном и систематическом разоблачении конвергентных идей, выдвигаемых идеологами империалистической буржуазии. Борьба против них выходит за рамки теории и образует составную часть борьбы революционных сил эпохи за социалистическую перспективу. Это суждение поддерживается и зарубежными марксистами. Так, О. Нейманн подчеркивает, что критика теории «конвергенции» становится решающей точкой классовой борьбы за будущее⁷⁶. Правильность подобной постановки вопроса подтверждается выводами Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий. Она еще раз указала на существование органической взаимосвязи между продвижением дела мира и прогресса, с одной стороны, и необходимостью решительного преодоления антикоммунизма, с другой.

Борьба против теории «конвергенции» как одной из идеологических форм выражения антикоммунизма должна в данных исторических условиях вестись с учетом ряда важных моментов. По-прежнему нельзя не учитывать разношерстный характер данной концепции, отсутствие стройности и ясных границ. Ни в момент появления конвергентных идей, ни в годы последующей их эволюции они не обрели целостности и законченности. Поэтому термин теория «конвергенции» продолжает

⁷⁵ «Osteuropa», 1974, Nr. 2, S. 96.

⁷⁶ «Marxistische Blätter», 1970, Nr. 2, S. 28.

употребляться в чисто условном значении не только марксистами, но и буржуазными идеологами. Так, доцент Цюрихского университета В. Линдер считает определение «теория конвергенции» «неполным» и «неясным»: в действительности речь идет не о теории, а, скорее, о весьма «гетерогенной сумме глубоко противоречивых размышлений, с помощью которых должно доказываться наличие экономических, политических и социальных сил, способных привести к обоюдному сближению восточного и западного экономических и общественных порядков»⁷⁷.

Одной из важных объективных причин, вызывающих дифференциацию конвергентных идей, является внутренняя неоднородность имущих классов и социальных групп буржуазного общества. С нею связаны процессы кристаллизации различных политических интересов, что неизбежно находит отражение также в представлениях о путях и формах преодоления существующего антагонизма между капиталистической и социалистической общественно-экономическими системами.

Представители теории «конвергенции» так и не выработали твердого критерия идей и взглядов. Применяются чисто субъективные мерки. При определении теории «конвергенции» они придерживаются, однако, ее главных положений, в которых как раз раскрывается антикоммунистическая суть конвергентной концепции.

Конкретно речь идет о двух взаимообусловленных моментах. Во-первых, о взгляде на «конвергенцию» как на процесс «параллельного развития» капиталистической и социалистической систем. Таким образом, искажается подлинная картина общественного прогресса. Принимается, в частности, усилие скрыть то обстоятельство, что социализм идет на смену капитализму. Во-вторых, о понимании социального «итога» предполагаемой «конвергенции». Буржуазные идеологи не скрывали и не скрывают, что «конвергенция», несмотря на словесные выкрутасы о «смешанном» обществе и т. д., должна завершиться полным поглощением одной из борющихся систем другой. На эту сторону дела обращает внимание западногерманский «советолог» Г. Раупах. «Конвергенция, понимаемая как растущее взаимное заимствование

⁷⁷ «Universitas», 1972, Nr. 9, S. 929.

системообразующих элементов...,— признает он,— ведет не к синтезу, а неизменно подводит к точке превращения в противоположный порядок»⁷⁸. Здесь уместно напомнить, что в понимании процессов предполагаемой «конвергенции» никто из буржуазных идеологов не шел настолько далеко, чтобы поступиться каким-либо из устоев капитализма во имя будущего «смешанного» общества.

Отсюда под «конвергенцией» с самого начала фактически понималось уничтожение социализма и сохранение в более или менее неизменном виде капиталистической системы. Сами буржуазные идеологи признают, что широко распространенная в западных странах теория «конвергенции» постулирует сохранение принципиально важных аспектов «демократической системы», т. е. капитализма, после того как «Америка и Россия конвергируются в какой-то неопределенной исторической точке будущего»⁷⁹. Таким образом, постулируется не «конвергенция», а поглощение противоположной системы, а именно социализма⁸⁰.

Однако, выступая с саморазоблачительными толкованиями своих концепций, империалистические идеологи не оставляют надежды укрепить свои позиции. Так, например, многие западные идеологи считают конвергентными все те идеи и концепции, где доказывается необходимость ликвидации одной общественной системы и замены ее другой системой. Западногерманский политолог Д. Гёргмайер, воспринявший подобную точку зрения, склонен рассматривать в качестве своего рода теории «конвергенции» даже исторический материализм⁸¹. Основанием для этого берется главное положение марксистско-ленинского учения о развитии общества, гласящее о необходимости революционного уничтожения капитализма и его замены социалистическим строем. Ясно, что мнение Д. Гёргмайера — выражение чистейшего субъективизма, который служит неизбежным наказанием за попытки оценивать сущность и значение идей в отрыве от конкретно-исторической обстановки, объек-

⁷⁸ «Politische Studien», 1970, Januar—Februar, S. 39.

⁷⁹ Z. Brzezinski and S. Huntington. Political Power: USA/ USSR. N. Y., 1964, p. 419.

⁸⁰ *Ibidem*.

⁸¹ «Osteuropa», 1974, Nr. 2, S. 84.

тивных законов общественного развития, вне связи с классовыми интересами и классовой борьбой в капиталистическом обществе и на мировой арене.

Однако следует различать общую антикоммунистическую направленность той или иной идеологической концепции и позиции того или иного буржуазного идеолога в конкретных политических вопросах. В теории «конвергенции» соблюдение этого правила имеет особое значение.

Одной из отличительных особенностей теории «конвергенции», как известно, служит ее тесная связь с политикой и внутривнутриполитической борьбой в странах Запада вокруг крупных проблем современного общественного развития. Характерно, что, давая идеологическое обоснование общему направлению империалистической политики в отношении стран мирового социалистического сотрудничества, сторонники данной теории вовлекаются в активное обсуждение ее конкретных курсов.

При этом некоторая часть буржуазных идеологов склоняется на сторону менее агрессивной, более реалистической международной политики, проводимой известными кругами Запада. Так, американские профессора Дж. Гэлбрейт, Ф. Нил, видный дипломат Дж. Кеннан, ученый Дж. Визнер поставили свою подпись под заявлением комитета по американско-советским отношениям, в котором указывается на огромную важность разрядки напряженности в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами для судеб мира во всем мире. В постепенной ликвидации «холодной войны», преодолении враждебности между СССР и США, разрядке и укреплении мирных контактов авторы заявления видят необходимое условие ограничения вооружений и разоружения, они высказываются за развитие советско-американской торговли⁸². Естественно, что понимание и поддержка, которую встречает в социалистических странах подобная политическая позиция, не распространяется на ее идеологические предпосылки, если они вытекают из целей теории «конвергенции» или других антикоммунистических концепций.

Активная роль теории «конвергенции» в идейно-политической борьбе против реального социализма не

⁸² «Правда», 1975, 3 февраля.

ставит под какое-либо сомнение выводов марксистской науки о кризисе указанной теории, а также основанных на ней практическо-политических рекомендаций и установок. Идеиный кризис «конвергенции» — это научно доказанный факт. Он становится достоянием все большего числа мыслящих людей на Западе по мере того, как сама жизнь все глубже выявляет противоположность объективных закономерностей и целей, определяющих развитие капитализма и социализма. То же можно сказать и о различных политических курсах, которые, базируясь на идейных предпосылках теории «конвергенции», предпринимались в целях «размягчения», «эрозии», «либерализации» социалистического строя.

Кризис конвергентных идей и практических акций осознается также буржуазными политиками и идеологами, побуждая их к поиску путей его преодоления. Но на данном этапе идеологического и политического противоборства двух систем основная масса сторонников «конвергенции» капитализма и социализма старается найти выход из кризиса, не порывая ни с самой этой теорией, ни с практическими установками, следующими из нее. Это приводит к дальнейшей эволюции конвергентных идей с учетом обстановки. Имеют место их критика и известное переосмысление. При этом основное внимание уделяется борьбе империализма против мирового социализма и всех революционных сил. Поэтому, приспособлявая теорию «конвергенции» к условиям мирного сосуществования и разрядки, империалистические идеологи заботятся в первую очередь о том, как отточить ее антикоммунистическое и антисоветское острие.

Те изменения, которые сейчас претерпевают конвергентные идеи, наглядно отражают стремление империалистических кругов подчинить разрядку международной напряженности целям борьбы против реального социалистического строя и других революционных сил. Воплощенные в антикоммунистических взглядах на будущее социализма, подобные цели образуют в глазах антикоммунистов высший приоритет и ставятся над самой разрядкой. Жизнь на каждом шагу подтверждает это. Активные противники коммунизма высказываются за мирные отношения между государствами разных систем, но думают они о подрыве реального социализма. Яркие проявления такого образа мыслей мы можем найти в

высказываниях западногерманского «советолога» К. Мейнера. Многие из тех, кто не разделяет взглядов коммунистов на будущее своей системы, как утверждает он, «выступят в поддержку курса, который благоприятствует силам изменения в коммунизме, а не жесткой конфронтации»⁸³. Итак, «жесткую конфронтацию» К. Мейнер противопоставляет не мирному сотрудничеству с социалистическими государствами, не разрядке, а «изменениям в коммунизме», вызываемым деятельностью антикоммунистических сил. В таком духе высказываются многие империалистические идеологи. Разумеется, здесь нельзя не видеть оказываемой ими поддержки определенных замыслов империализма в отношении социалистического содружества.

Из многочисленных высказываний государственных деятелей и политиков в западных странах явствует, что Запад намерен и впредь придерживаться стратегического курса на подрыв социализма изнутри. Этот курс порой камуфлируется заявлениями насчет «внутренних изменений» в социалистических странах, «внутренней эволюции самого коммунизма» и т. п. Но словесные ухищрения не могут скрыть того очевидного факта, что речь идет о вмешательстве во внутренние дела социалистических стран извне в целях изменения существующего там общественного строя. По планам империалистических стратегов в обеспечении соответствующей «эволюции социализма» свою роль призвана сыграть разрядка и открываемые ею возможности для расширения контактов между государствами разных систем по всем линиям. Опыт последних лет убедительно говорит о намерении империалистических кругов использовать международную разрядку в первую очередь для ослабления внутренних устоев советского строя и международных позиций СССР.

Прожекты на этот счет обсуждаются, например, в книге «Восточно-европейские виды на европейскую безопасность и сотрудничество»⁸⁴, написанной группой сотрудников радио «Свободная Европа» и вышедшей в Нью-Йорке в 1974 г. Этот «труд» всецело посвящен вопросу о «влиянии» процесса международной разрядки

⁸³ «Osteuropa», 1974, Nr. 11—12, S. 859.

⁸⁴ «East European Perspectives on European Security and Cooperation». N. Y., 1974.

не только на «внутреннюю эволюцию советской системы», но и на роль СССР в социалистическом мире. Книга изобилует домыслами насчет «желаний» советского руководства «сдерживать воздействие», оказываемое разрядкой на жизнь стран социалистического содружества. Публикация всяких измышлений относительно «трансформирующего воздействия» разрядки на природу социализма свидетельствует о целенаправленной обработке общественного мнения на Западе в антисоветском и антикоммунистическом духе.

Активными поборниками империалистического курса на «эволюционный подрыв социализма» выступают и многие сторонники конвергентных идей. На Международной теоретической конференции марксистов, проходившей в Тихани (ВНР) в мае 1976 г., отмечалось, что в условиях разрядки уже известные разновидности теории «конвергенции» дополняются новым вариантом, который предусматривает «мирное вовлечение» социалистических государств в сферу Запада⁸⁵. Некоторые представители «советологической футурологии» стремятся нарисовать наглядную картину такого вовлечения. Называют, к примеру, даже «стадии», которые до конца XX в. должен пройти процесс «конвергенции». Среди них: «демократизация» социалистических стран и «трансформация» капиталистических государств (посредством внутренних реформ и политики мирного сосуществования); совместное оказание помощи «третьему миру» в деле разоружения и решения остальных международных проблем. Здесь предполагаемыми «факторами» «конвергенции» систем наряду с известными ранее элементами выступают некоторые формы сотрудничества между капиталистическими и социалистическими государствами.

Идя на развитие мирных отношений с капиталистическими странами, члены социалистического содружества руководствуются благородными интересами укрепления мира и содействия социальному прогрессу. Для поборников же антикоммунизма подобных целей, как видно, не существует. Даже международные усилия в целях ограничения гонки вооружений и разоружения они стремятся подчинить эгоистическим интересам мо-

⁸⁵ «Проблемы мира и социализма», 1976, № 9, с. 41.

нополистического капитала. Таков один из вариантов «мирного вовлечения социализма в сферу Запада».

Продолжая развивать свои идеи в международном плане, сторонники конвергенции в то же время не ослабляют внимания к внутренней жизни социалистических стран. При этом наблюдается отход от огульного очернения и охаивания социализма. Враждебное отношение к нему маскируется. Перспективы той или иной социалистической страны определяются в зависимости от того, насколько ее руководство «учтет подсказки» относительно «устранения недостатков», «совершенствования демократии» и т. д., исходящие от идеологов империализма. Имеет место дифференцированный подход к странам социалистического содружества. Это говорит, в частности, о стремлении буржуазных идеологов искать более эластичные пути воздействия на взгляды и настроения людей в социалистических странах. Большие надежды возлагаются на ревизионизм как течение, извращающее суть марксистско-ленинской идеологии и обладающее способностью к регенерации под прикрытием псевдонаучных теорий.

Приведенные нами «новшества» во взглядах поборников конвергенции на социализм не так уж новы. Они соответствуют установкам классовой стратегии империализма, которые также активно проводятся в жизнь с середины прошлого десятилетия всеми идеологическими и пропагандистскими центрами антикоммунизма. По сообщению польского разведчика А. Чеховича, засланного в аппарат радиостанции «Свободная Европа» и находившегося там до начала 1971 г., от ее сотрудников стали требовать, чтобы они, маскируясь внешним признанием некоторых завоеваний социалистического строя, «подсказывали» в своих радиопередачах, что и как следует в нем «исправить», «улучшить», «изменить»... «в интересах всего общества». «Подсказки» адресовались прежде всего молодежи. Рецепты же «изменений» составлялись на основе «теорий» Каутского, Бернштейна, Бухарина, Джиласа, чьи «труды» ревностно изучались сотрудниками «Свободной Европы» по указанию американских хозяев из ЦРУ⁸⁶. Из этого же источника были

⁸⁶ A. C z e c h o w i c z. Siedem trudnych lat. Warszawa, 1973, s. 97, 256, 261.

даны и директивы разным центрам антисоциалистической эмиграции на Западе.

Концепции чехословацкой эмиграции, а также других антикоммунистических центров, как отмечает чехословацкий автор М. Марко, исходят из предпосылки о том, что в 70-е годы в политической жизни социалистических стран не произойдет якобы никаких значительных изменений. Поэтому, мол, ориентация должна сохраняться на «долговременную» перспективу в надежде на общее развитие и возможные персональные изменения в руководстве этих стран. Отсюда организаторы и непосредственные исполнители «психологической войны» ставят следующие задачи: считаться с факторами времени; использовать раскольническую деятельность девизионизма в международном рабочем и коммунистическом движении, всемерно популяризируя и обостряя раскол; использовать специфику отдельных социалистических стран, ожидая, что новое поколение окажется более либеральным; ориентироваться на «ошибки» и быть готовыми начать новую акцию, как только подвернется «удобный момент»; в радиодиверсионных передачах давать лишь самые общие указания, полагаясь на дальнейшую их разработку различными буржуазными группами, шатающимися мелкобуржуазными элементами и теми людьми, у которых есть личные счёты с КПЧ⁸⁷. В отношении СССР суть многих «советов» и «ориентировок», исходящих от империалистических стратегов, сводится к тому, как расшатать морально-политическое единство советского общества, противопоставить, в частности, интеллигенцию рабочему классу и крестьянству. Увлечение разработкой связанных с этим прогнозов порой приводит к любопытным итогам: обнажаются антисоциалистские замыслы империалистических кругов и одновременно делаются красноречивые признания беспомощности капиталистического строя обеспечить людям такую перспективу развития, которая вызывала бы у них чувство оптимизма.

В этом смысле представляет несомненный интерес одно из высказываний лондонского журнала «Экономист». В выводах теории «конвергенции», отвечающих указанным установкам антисоциалистической стратегии

⁸⁷ См.: М. Марко. Черным по белому. М., 1974, с. 232.

империализма, он узрел чуть ли не единственный источник оптимизма во взглядах на будущее всех жителей нашей планеты. «Теория» конвергенции...— заявляет журнал,— представляет в настоящее время, пожалуй, самую оптимистическую картину будущего человечества. В этой теории существенная роль отводится советской интеллигенции, значение которой возрастает...»⁸⁸ Приведенные нами слова — образчик такого понимания оптимизма во взглядах на исторический процесс, которое всецело диктуется себялюбивыми интересами крупных монополий и противостоит ожиданиям человечества. Зависимость от последних установок империалистической стратегии влечет за собой известное «перетряхивание» всего содержания конвергентной концепции.

Приспосабливаясь к реальности, теория «конвергенции», как и вся идеологическая стратегия империализма, вынуждена учитывать необратимый характер социалистических преобразований в Советском Союзе. Об этом, в частности, и свидетельствуют два противоположных подхода к прогнозированию будущего реального социализма, которые проявляются также в рамках теории «конвергенции». В одном случае главный упор делается на эволюцию. Предполагается, что под влиянием таких факторов, как научно-техническая революция, экономическое и научно-техническое сотрудничество, расширение контактов в области культуры и т. п., социалистическая система будет постепенно эволюционировать в одном направлении с капитализмом. Данная точка зрения привлекает многих либерально настроенных буржуазных ученых. Именно в этой среде находит поддержку политика мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем и разрядки международной напряженности.

В другом случае эволюция не считается средством сближения противостоящих друг другу систем, да и само ее существование подвергается сомнению. Среди социальных философов современной буржуазии, размышляющих со своих классовых позиций о будущем социалистического строя, наметилось и довольно сильное течение, сторонники которого отвергают идеи о «мирной эволюции» социализма в направлении капитализма.

⁸⁸ «The Economist», 1973, March 17, p. 114.

В противовес мнению большинства теоретиков «конвергенции» выдвигается тезис о необходимости «глубоких качественных преобразований» внутри социализма как неизбежного предварительного условия его «сближения» с капиталистическим строем. В области политики эта группа буржуазных идеологов придерживается позиции воинствующего антикоммунизма. Она противится ликвидации остатков «холодной войны» и нередко даже ратует за продолжение «жесткого курса» в отношении СССР, социалистических стран Европы и Азии, а также Кубы.

Столкновение двух отмеченных теоретических подходов, учитывая также существенные различия политических позиций, приобретает в настоящее время весьма резкий характер вплоть до деклараций о размежевании с теорией «конвергенции», поскольку последнюю в общем продолжают отождествлять с пониманием медленной, постепенной, стихийной эволюции противоположных систем. Однако разногласия в среде буржуазных идеологов отражают спор о средствах, ибо коренные антисоциалистические цели при этом, как правило, не затрагиваются.

С критикой взглядов насчет «эволюции» социалистического строя по направлению к капитализму выступает Р. Арон. Возражая тем, кто считает его поборником идеи «конвергенции», он утверждает, например, что не представляет данного «процесса» без предварительной «революции» в социалистическом обществе. Только глубокая «революция», затрагивающая устои и принципы социализма, может, по убеждению Р. Арона, открыть действительную перспективу движения капиталистических и социалистических государств к «сходному» общественному порядку⁸⁹. Все это фактически означает не что иное, как слегка завуалированную проповедь контрреволюции, потому что требование о «качественном изменении» социализма предполагает отказ от этого строя. Само собой разумеется, что единственной же альтернативой социализму там, где он добился победы, может быть лишь попятное движение к обществу, уже отвергнутому классовой борьбой масс.

Делая ставку на разжигание антисоветизма, пред-

⁸⁹ «Der Spiegel», 1973, 3. September, S. 92.

ставители «советологической футурологии» в последнее время не жалеют усилий ради составления контрреволюционных гороскопов, касающихся Советского Союза. Так подходит к проблеме будущего развития советского строя в своей новой книге противник марксизма и антисоветчик В. Леонгард. О содержании этой книги говорит уже сам заголовок: «Накануне новой революции. Будущее советского коммунизма»⁹⁰. Претендуя на анализ истории нашей партии и страны «в свете ложных и верных прогнозов от 1917 г. и до настоящего времени», этот «советолог» фактически занимается поиском неких «новых тенденций» в развитии нашего общества и его политической организации, чтобы подкрепить вывод об «изменении советской системы», идущем вразрез с ее целями. Подобно Р. Арону, В. Леонгард пытается утверждать, будто «изменения» примут форму «революции». Однако в отличие от французского «советолога» он не верит в басни о «насильственной революции» и поэтому допускает также «постепенные изменения», включая их в свое понятие «революции». Идеи такого рода, хотя они и выглядят порой очень агрессивно, появляются в головах империалистических идеологов не от хорошей жизни. В действительности мысли о какой-то «революции» в социалистическом обществе, которая должна произойти или даже уже происходит, выражают растерянность монополистической буржуазии перед лицом крепнущего социализма.

Взгляды Р. Арона и В. Леонгарда — типичное отражение усиливающейся противоречивости буржуазных концепций о реальном социализме. С одной стороны, они по-прежнему отдают дань давнишней мечте об уничтожении социалистического строя и в этом плане, конечно, лишь повторяют то, что в иных формах говорилось буржуазными идеологами на протяжении более чем полвека.

Однако, с другой стороны, в буржуазных взглядах совершенно независимо от того, осознается ли это в полной мере их носителями, улавливается и довольно убедительное признание весьма важных моментов, связанных с развитием социализма, ростом его силы и мо-

⁹⁰ W. Leonhard. Am Vorabend einer neuer Revolution? Die Zukunft der Sowjetkommunismus. München, 1975.

гущества. Во-первых, победа социалистических принципов, их восприятие обществом и переустройство в соответствии с ними всех сторон общественной жизни. Во-вторых, жизнеспособность социализма, его самостоятельное динамическое развитие в соответствии с поставленной им целью создания наиболее благоприятных условий для всестороннего прогресса человеческой личности. В-третьих, необратимость процессов социалистических преобразований в СССР и братских странах социализма.

Преломление указанных фактов в сознании буржуазных идеологов вызывает скептическое отношение не только к эволюционной стороне теории «конвергенции». Оно содержит в себе и зародыш более реалистического взгляда на социалистическое общество.

Некоторая часть буржуазных теоретиков, учитывая опыт исторического развития мировой социалистической системы, все более ясно отдает себе отчет в сомнительном характере конвергентной методологии и проявляет большую осторожность в своих выводах. Так, американский социолог П. Холландер в книге «Советское и американское общество. Сравнение» пытается найти «конвергентную схожесть» экономических, политических, социальных, этических проблем социалистического и капиталистического обществ, но допускает также их дивергенцию. Ф. Робертс, в прошлом посол Великобритании в СССР, а ныне «эксперт» по «советским делам», прямо заявляет, что преемственность долговременных советских целей и изменения «военной, экономической и политической силы» Советского Союза не дают никаких оснований делать выводы о «конвергенции коммунистической системы и системы свободного предпринимательства»⁹¹. Эти слова можно считать подтверждением того факта, что конвергентные идеи «не работают» и в нынешней ситуации точно так же, как и в прошлом.

Стремление уйти от признания своего окончательно поражения вынуждает поборников теории «конвергенции» к новым идеологическим маневрам. Характерен такой поворот в ее аргументации. Если прежние понятия «конвергенции» капитализма и социализма базировались на предпосылке о «стихийном сближении» целых

⁹¹ «Problems of Communism», 1975, No. 5, p. 10.

обществ и это «доказывалось» на примерах разных сфер общественной жизни, в первую очередь экономики, то теперь выдвигается иной тезис. За исходный фундамент «сближения» берутся отдельные конкретные элементы внутри каждой системы. При этом выбор объектов конвергентных спекуляций осуществляется отнюдь не произвольно, а в соответствии с определенными принципами. В центр внимания буржуазных идеологов попадают, как правило, такие явления в социалистическом обществе, против которых империализм в соответствии со своей классовой стратегией нацеливает главные удары. В условиях разрядки это в первую очередь касается политической системы социалистического общества. Попытки «советологии» использовать конвергентные идеи для нападков на политические устои социализма предпринимаются рядом буржуазных авторов.

Доцент экономики в университете штата Колорадо (США) Дж. Стэнфилд усматривает «крупницу истины» в утверждении конвергентной концепции о том, будто Советский Союз и Запад подвергаются действию похожих системных детерминантов, и на этом основании выдвигает положение насчет того, что «со временем фундаментально похожие экономические базисы преодолеют различающиеся друг от друга надстройки»⁹². Западногерманский «советолог» К. Бейме видит в теории «конвергенции» с ее надеждами на постепенное «смешивание преимуществ» капитализма и социализма один из примеров «эволюционистской идеологии». Суть последней составляет прогноз, согласно которому «в итоге долгосрочных изменений социалистическое содержание должно быть дополнено буржуазной демократией»⁹³. Подобная позиция характерна и для других «советологов».

Потерпев фиаско в своих расчетах на возрождение капитализма в экономике социалистических стран, сторонники теории конвергенции ныне все настойчивее обращаются к социалистической демократии. Активно обсуждаются, в частности, такие проблемы, как струк-

⁹² J. R. Stanfield. Capitalist Evolution and Soviet Evolution.— «Review of Social Economy», 1976, October, p. 214.

⁹³ K. von Beyme. Ein Vergleich der Entwicklung in der sozialistischen Ländern. München, 1975, S. 350.

тура и деятельность органов государственной власти и управления, работа общественных организаций, права и свободы граждан и др. В ходе дискуссий социалистической демократии сплошь и рядом приписываются чуждые ей атрибуты буржуазной демократии, вроде постоянной борьбы соперничающих между собой «классов», «групп давления» и т. п. С такими концепциями выступают явные противники социализма. Большинство же «советологов» ведут себя более осторожно, предпочитая говорить о каких-то «тенденциях» развития социалистической демократии в духе буржуазных «образцов». При этом буржуазные идеологи не прочь составлять рецепты насчет ее «дальнейшего совершенствования» в направлении «демократического социализма», «социалистического плюрализма» и т. д. Все это не только «рекомендуется» социалистическим странам, но и принимается за основу прогнозирования постепенного, «поэтапного сближения» политической организации социализма с буржуазной демократией, а точнее превращения первой во вторую.

Особое место в конвергентном прогнозе «советологической футурологии» отводится нападкам на руководящую роль марксистско-ленинских партий в политической организации и всей общественной жизни социализма. Разумеется, сторонники теории «конвергенции» не выдвигают и не могут выдвинуть никаких убедительных доводов в пользу прогнозируемого «отказа» марксистско-ленинской партии от руководства всеми сторонами жизни социалистического общества и поэтому обычно пользуются разного рода антикоммунистическими домыслами, которые свойственны всей современной буржуазной науке и пропаганде.

Л. И. Брежнев в интервью французскому телевидению указал на то, что у многих на Западе нет ясного представления о нашей политической системе, что допускаются и превратные суждения о ней. В качестве примера Л. И. Брежнев сослался на неверные утверждения о том, будто партия подменяет собой другие органы, как государственные, так и общественные⁹⁴.

Подобные неверные суждения, нередко соседствующие с прямой клеветой на КПСС и братские марксист-

⁹⁴ «Коммунист», 1976, № 15, с. 4.

ско-ленинские партии стран социализма, находят свое отражение и в теории «конвергенции».

Как можно оценить такую позицию? Напрашивается один ответ. Это не что иное, как конкретное выражение стремления определенных кругов империализма диктовать народам социалистических стран свою волю, тем самым попирая суверенные права народов. Обращает на себя внимание и желание этих кругов само мирное существование поставить в зависимость от того, удастся ли им узурпировать «право» вмешиваться во внутренние дела социалистических государств с тем, чтобы содействовать их «эволюции» в удобном империализму направлении.

Однако расчеты наших классовых противников строятся на песке. Они являются выражением политического авантюризма, так как не учитывают ни воли народов, ни объективного соотношения сил в мире. В свою очередь совершенно несостоятелен и постулат о «конвергенции» политических организаций капитализма и социализма, предполагающий, в частности, ослабление руководящей роли правящих марксистско-ленинских партий. Он самым очевидным образом игнорирует процессы, происходящие в социалистическом обществе.

Опыт всех социалистических стран свидетельствует о том, что интересы их поступательного развития требуют дальнейшего повышения уровня партийного руководства всеми сторонами общественной жизни. Об этом говорилось и на XXV съезде нашей партии. «Динамизм развития советского общества, растущие масштабы коммунистического строительства, наша деятельность на международной арене,— подчеркивается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии,— настоятельно требуют непрерывного повышения уровня партийного руководства развитием экономики и культуры, воспитанием людей, улучшения организаторской и политической работы в массах»⁹⁵. Исходя из интересов советских людей, конкретных целей десятой пятилетки, съезд особо подчеркнул необходимость углубления внутрипартийной демократии, коллективности руководства, совершенствования форм и методов партийной работы, укрепления связей с массами.

⁹⁵ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, с. 91.

Самым уязвимым местом любой разновидности теории «конвергенции» продолжает оставаться ее неспособность трезво учитывать объективные факты, что ведет к постоянному противоречию между данной концепцией и жизнью. Этот порок характеризует и всю «советологическую футурологию», обрекая на неудачу также попытки «эволюционного» подрыва социализма.

В условиях мира и разрядки не происходит никакого ослабления социалистического строя. Наоборот, он более полно раскрывает свою природу.

Благоприятные международные условия позволяют СССР и братским социалистическим странам успешно решать намеченные задачи в деле дальнейшего подъема экономики и систематического повышения материального благосостояния трудящихся, совершенствовать всю систему социалистических общественных отношений, крепить общественный строй социализма, двигать вперед духовную культуру. Органической составной частью этих процессов является расширение и углубление демократии. «...Дальнейшее движение по пути строительства коммунизма,— указывает Л. И. Брежнев,— обязательно будет и дальнейшим развитием социалистической демократии. Таков принципиальный курс нашей партии. Такова и наша повседневная действительность»⁹⁶. Новые, более высокие достижения в строительстве социализма и коммунизма умножают силы социалистических государств, существенно расширяют их возможности в области содействия процессам прогрессивного развития в несоциалистическом мире, в деле оказания всесторонней братской помощи тем общественным движениям, которые своей борьбой способствуют положительным изменениям в мире. Оказывая поддержку прогрессивным силам, социализм не стремится навязывать им свои идеалы. Такому курсу следует и наша страна.

Главный смысл великой исторической победы советского народа заключается в создании им нового общества. «Мы,— указывает Л. И. Брежнев,— создали общество людей равноправных в самом широком смысле слова, не знающих сословных, имущественных, расовых или иных подобных привилегий, общество, которое не только

⁹⁶ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 14.

декларирует права человека, но и обеспечивает на деле возможность их использования. Мы создали общество устойчивое, динамичное, сплоченное... Никогда еще трудящиеся нашей страны за всю ее историю не имели столь высокого материального уровня жизни, как сейчас. Никогда еще они не имели столь высокого уровня образования и таких возможностей приобщения к культурным ценностям, как сейчас. Никогда они не чувствовали себя столь уверенными в своем завтрашнем дне — в мирном будущем своей страны,— как сейчас. Вот в чем основа единодушной поддержки советским народом политики КПСС, основа нерушимого единства партии и народа в нашей стране»⁹⁷. Идейный фундамент непоколебимого единства партии и народа образует великое учение Маркса — Ленина.

Марксизм-ленинизм остается единственной теорией преобразования мира в интересах трудящихся. Правильность марксистско-ленинского понимания законов и перспектив развития общества подтверждена практикой многих десятилетий. Существовали и существуют десятки реформистских «моделей» социализма и различных «социологических» концепций, как отмечает Б. Н. Пономарев, но нет ни одной страны, где бы с их помощью удалось избавиться от пороков капитализма, построить социалистическое общество. Бесславный провал потерпели и различные левацкие «теории» социализма⁹⁸. Практическое осуществление марксистско-ленинских идеалов в СССР и странах социалистического содружества превращает эти страны в образец действительного социализма. Знания и опыт, накопленные правящими марксистско-ленинскими партиями, имеют неоценимое значение для всех участников современного мирового революционного процесса.

Б. Н. Пономарев, раскрывая международное значение опыта, накопленного КПСС в ходе социалистического и коммунистического строительства, указывает:

« — опыт КПСС, доступный, открытый для всех, содержит в концентрированном, обобщенном виде сущность и живой облик зрелого социализма;

⁹⁷ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 15—16.

⁹⁸ См.: Б. Н. Пономарев. XXV съезд КПСС и его международное значение.— «Проблемы мира и социализма», 1976, № 5, с. 4—5.

— он включает опирающиеся на марксизм-ленинизм и проверенные практикой основные принципы построения общества, свободного от эксплуатации и угнетения;

— этот опыт подтверждает постоянно возрастающую в ходе социалистического строительства роль коммунистической партии — высшей политической организации рабочего класса, трудящихся;

— он доказывает, что самодеятельность народных масс, их активное, сознательное, преобразующее историческое творчество — неперенное условие построения социализма и коммунизма;

— опыт КПСС со всей убедительностью говорит о том, что к успеху может привести только последовательное сочетание национальных и интернациональных задач, только умелое, правильное использование общих закономерностей борьбы за социализм и социалистические преобразования в условиях своей страны»⁹⁹. Советский опыт прогрессивных общественных преобразований находит высокое признание во всех уголках нашей планеты.

Всемирно-исторические достижения социалистических стран в деле коренного переустройства всей общественной жизни в соответствии с интересами трудящихся знаменуют собой огромный вклад социализма в создание цивилизации будущего. Совместный труд и общественная собственность на орудия и средства производства, подлинное народовластие, непосредственное и активное участие масс в управлении обществом, социалистический образ жизни, атмосфера товарищества и взаимной поддержки, высокая гражданская ответственность за судьбы коммунистического строительства, оптимизм и уверенность в завтрашнем дне, последовательный гуманизм — эти и другие черты социалистического строя, проявившиеся на практике, стали реальным прообразом такого будущего, к которому стремятся трудящиеся всего мира. Привлекательная сила социализма — в доказанности, неоспоримости его преимуществ над капитализмом. Но дело не только в сопоставлении двух систем. Следя за развитием социалистического общества, миллионы простых людей планеты убеждаются в том, что именно оно уверенно указывает путь к

⁹⁹ Б. Н. Пономарев. XXV съезд КПСС и его международное значение, с. 6.

осуществлению идеалов рабочего класса и всех трудящихся о справедливом и гуманном общественном строе, обеспечивающем свободу, равенство и братство людей.

Ориентация всех прогрессивных сил нашей планеты на опыт реального социализма в решении насущных экономических, социальных, политических, моральных проблем вынуждает современный антикоммунизм вновь и вновь менять свою риторику, вносить в нее новые элементы. Стремясь отвлечь внимание людей от прогрессирующего всеобщего кризиса буржуазного общества, идеологи антикоммунизма поднимают вопросы о «правах человека», о мнимых «нарушениях» этих прав в социалистических странах. Активно проявляет себя на этом поприще и футурология. Футурологи связывают «защиту прав человека» (в ее проимпериалистическом, антикоммунистическом понимании) с долговременными задачами классовой стратегии империализма. Тем самым раскрывается антикоммунистическое лицо футурологии, которая прямо склоняется к противодействию миру, разрядке, социальному прогрессу народов.

О лживости разглагольствований апологетов империализма относительно «нарушений прав человека» в СССР и братских странах лучше всего говорят факты.

В Проекте новой Конституции СССР, отвечающей условиям развитого социализма, весьма полно раскрыты права советских граждан, непосредственно определяемые процессами расширения и углубления советской демократии. «Извращенному и опошленному буржуазной и ревизионистской пропагандой толкованию понятий демократии и прав человека,— подчеркнул Л. И. Брежнев,— мы противопоставляем самый полный и реальный комплекс прав и обязанностей гражданина социалистического общества. На весах истории мы кладем действительно эпохальные завоевания трудящихся, достигнутые благодаря власти рабочего класса под руководством Коммунистической партии»¹⁰⁰. В широком спектре прав каждого советского человека почетное место занимают право на труд, отдых, на социальное обеспечение, образование, пользование достижениями культуры, на свободу научного, технического, художественного творчества и многие другие. Причем содержание прав стало глубже, а их практические гарантии — прочнее.

¹⁰⁰ «Правда», 1977, 5 июня.

Советская действительность, события в братских странах социализма — это яркое свидетельство правильности ленинского предвидения, согласно которому «только с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»¹⁰¹. Воплощенные в живой социалистической реальности пророческие слова великого Ленина приобрели огромное практическое значение. Под их воздействием все новые и новые миллионы людей становятся на путь революционных преобразований, ведущий к социализму и коммунизму.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99—100.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Крах классических буржуазных идеалов будущего — выражение кризиса капиталистического общества	12
1. «Переоценка идейных ценностей» и предвидение в буржуазной идеологии	12
2. Разрушение классической идейной основы научного предвидения	21
3. Пессимизм буржуазных концепций будущего	46
Глава II. Футурология и ее роль в идеологическом противоборстве капитализма и социализма	54
1. Футурология как «наука о будущем»	54
2. Идеологические функции футурологии	87
3. Антимарксизм — важнейшая идеологическая функция футурологии	124
Глава III. Маскировка классово-природы буржуазного общества в футурологических концепциях «посткапитализма»	138
1. Миф о «социальной революции» в капиталистическом обществе	138
2. Вымыслы о «революционных изменениях» в социально-классовой структуре капитализма	170
Глава IV. «Советологическая футурология» — орудие борьбы империализма против социалистического общества	194
1. «Советологические» концепции о будущем реального социализма в антикоммунистической стратегии империализма	194
2. Перспективы социалистического общества с позиций «модернизированного» антикоммунизма	215
3. Теория «конвергенции» и стратегия «эволюционного подрыва» социализма	242

Виктор Иванович Бовш

**ФУТУРОЛОГИЯ
И АНТИКОММУНИЗМ**

Редактор З. К. Солонович

Обложка С. Т. Савченко

Художественный редактор Л. И. Усачев

Технический редактор Т. В. Летьен

Корректор В. П. Сарванова

ИБ № 346

Печатается по постановлению РИСО АН БССР.
АТ 13190. Сдано в набор 30.04.77. Подписано в печать 21.07.77. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 3500 экз. Изд. № 64. Зак. № 875. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Геоργия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.

Бовш В. И.

Б72 Футурология и антикоммунизм. (Под ред. Ф. Т. Константинова). Мн., «Наука и техника», 1977.

272 с. (АН БССР. Ин-т философии и права. Идеологическая борьба в современном мире).

В течение последних лет видную роль в идеологической стратегии империализма играет футурология — «наука о будущем». Ее главная задача — защитить капиталистический строй: обосновать долговременную перспективу существования капитализма, его «преимущества» перед социализмом.

В книге обстоятельно прослеживаются исторические корни футурологии. Разоблачаются фальсификации футурологами природы социализма, перспектив развития мировой социалистической системы. Критикуются попытки исказить классовый смысл мирного сосуществования противоположных общественных систем.

10506—104

Б _____ 3—77

М 316—77

ИФБ

У р. 60 к.

В. И. Бовш
ФУТУРОЛОГИЯ И АНТИКОММУНИЗМ